Евгений Капба

Как приручить дракона

2

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Поздравлять учителя с началом учебного года - то же самое, что поздравлять лошадку с началом пахоты. На календаре - 1 сентября, а значит Пепеляев чистит штиблеты, надевает свой костюм за две тысячи денег, причесывает рыжую шевелюру и шагает по родному городу - нести разумное, доброе, вечное. Или - глупое, злое и временное, как получится. И горе тем, кто встанет у него на пути!

- Как приручить дракона — 2
  - 1. Преднастройка
  - 2. Мозговой штурм
  - 3. Заземление
  - 4. Инициация
  - 5. Вечерняя школа
  - 6. Деструдо
  - 7. Ригидность
  - 8. Флегма
  - 9. Эффект ореола
  - 10. Пассионарность
  - 11. Эксплозивность
  - 12. Фрустрация
  - 13. Триполярка
  - 14. Социальное действие
  - 15. Комплекс неполноценности
  - 16. Манифестация
  - 17. Ролевые ожидания
  - 18. Самооценка
  - 19. Ложные аналогии
  - 20. Антиципация
  - 21. Эрос и Танатос
  - 22. Идиосинкразия
  - 23. Гиперкомпенсация
  - 24. Суперпозиция
  - Nota bene

Как приручить дракона — 2

1. Преднастройка

— Я календарь переверну… — напевал я, поглядывая в зеркало и орудуя бритвой.

Если у вас борода — это вовсе не значит, что не нужно бриться. А если, например, шерсть на морде растет неравномерно, и получаются дурацкие кустики? Или шея заросла? Шею надо брить, иначе вид — неопрятный.

Половина пепеляевской физиономии в зеркале уже приобрела некое благообразие, вторая же оставалась покрытой шматочками пены. И в этот самый момент мне позвонили. В шесть тридцать! Третьего сентября, которое играло роль первого сентября, потому что первое сентября пришлось на субботу! Что за мерзавец мог себе такое вообще позволить? Хотелось, как в известном фильме про Ивана Васильевича, сделать драматичный жест рукой и вопросить: «Чего тебе еще, собака, надо?»

На самом деле ответов предполагалась масса, так что я в одном полотенце, обмотанном вокруг чресел, поскакал на кухню, сдувая пену с усов. Левой рукой со стола подхватил мобильник и проорал:

— ДА! — голос мой явно был далек от дружелюбного тона.

— Пи… М-м-ать, Пепеляев, чего ты орешь-то с утра пораньше? — это был голос Риковича. — Ты чего злой-то такой? Я вообще-то тебя с началом учебного года поздравить хотел!

— Поздравлять учителя с новым годом — это то же самое, что лошадку — с началом пахоты, — буркнул я. — Я люблю свою работу, но не до такой степени, чтобы радоваться звонкам по этому поводу в шесть тридцать утра!

— Ой, вы посмотрите, какая цаца! Тут, можно сказать, непосредственный начальник ни свет ни заря поднимается, берет с собой внеплановую премию и тащится к нему под окна, а он еще капризничает! А ну, давай, спускайся и принимай свою премию! Хорошо поработал — так что будь любезен! — сыскарь разве что елей не источал своим голосом.

Поработал я и вправду ударно, хотя последние выезды в качестве внештатного консультанта Сыскного приказа и казались мне какими-то скучными: там артефакт покрути-поверти, здесь техномагическое устройство выключи, тут мимо проклятого голема-охранника в древний склеп пройди… Ничего подобного приключениям в Мнемозино или Мозыре. Рутина. Но премия? Премия — это всегда хорошо. Так что я мигом запрыгнул в шорты и в таком виде, со шматочками пены на лице и голым торсом, попер вниз, на крыльцо. Потом добреюсь, в конце-то концов.

У подъезда торчали Рикович и Наталья Кузьминична. И четыре тяжеловооруженных опричника. И три внедорожника-броневика. И эвакуатор, у которого на платформе располагалась тачка, весьма похожая своими угловатыми формами на классический такой «Гелендваген». Двери его были перетянуты желтой лентой с угрожающими надписями типа «не влезай — убьет». На латинке, понятное дело.

— Однако, — сказал я. — Кто бы сомневался!

— Дело-то плевое, — житейским тоном пояснил Иван Иванович, протягивая мне руку для приветствия. — Залезешь через багажник, сзади. Посадишь ту тварь в контейнер. Плотно закроешь крышку. И все — машина твоя!

И как ему удается с утра выглядеть таким бодрячком? Может — употребляет что-то? Или — магические штучки? Хотя ответ, скорее всего, еще проще: он не ложился. И бодрость эта — наносная.

— А? — стекла электрокара были максимально затонированы, и понять, что именно имеет в виду Рикович под словом «тварь», не представлялось возможным.

— Плевое дело, говорю. Тебе — машина, нам — барахло из бардачка. Это «Урса», отличная тачка, мощная, как танк! Оформим за три минуты, она как конфискат проходит, вещдоки — только в бардачке. Так что — по рукам?

Я заметил, что один из опричников вместо автомата Татаринова был вооружен ранцевым огнеметом, и решительности мне этот факт не добавил. Но они ведь почему-то приперлись в шесть тридцать в спальный район? Наверное, опасность для окружающих не такая и большая?

— Что там такое вообще внутри? Какого размера? — поинтересоваться я был обязан.

Рикович жестом фокусника достал из-за спины полусферический контейнер примерно сантиметров сорока в диаметре и столько же — в глубину. Посмотрел на него, зачем-то заглянул внутрь, а потом — протянул его мне.

— Магический симбионт. Вот примерно такого размера. В бронескафандре в салон не втиснешься, без скафандра — еще присосется, потом задолбешься его вытравливать. Мы как раз мимо ехали, и я про тебя вспомнил, и что тачку ты хотел… Поднял Кузьминичну и вместе — к тебе! — пояснил сыскарь. — Утро, рань, все спят — закроем вопрос, и поедешь ты на линейку в «Урсе». Будешь самая понтовая училка из всех.

Это был чертовски серьезный аргумент. Приеду как Нагиев в фильме «Физрук»!

— Давай, Гоша. Не кобенься, — сказала Пруткова. —

Нормальная машина. Да и вообще — без тебя это будет целая песня, с кучей проблем и бумажек. А с тобой — десять минут работы.

— Аудиосистема там какая? — уточнил я, уже внутренне согласившись на авантюру. — Работает?

— Долбит нормально, — ухмыльнулся Рикович. — Так, Степа, прикрой Гошу из огнемета…

Я сильно закашлялся и некоторое время потратил на то, чтобы отдышаться. Прикрыть из огнемета! Однако, это додуматься до такого надо! Как он меня прикроет-то? Но — как гласит народная мудрость, без труда не вытащишь и дятла из дупла. Смахнув с рожи пену и пригладив волосы, я залез на платформу эвакуатора и взялся за ручку багажника машины.

Резко выдохнув, я приоткрыл заднюю дверцу и быстренько пропихнул туда контейнер, потом — полез туда сам.

Конечно, после июльских событий и массового аутодафе среди зарослей хмызняка на днепровском берегу у меня были резоны думать, что с огнем я имею особые отношения, но… Армейский огнемет! Лучше бы мне избежать такого «прикрытия»… Если не меня — то шорты спалит точно, и буду бегать тут весь обгорелый по району и обугленным афедроном трясти. Несолидно!

— Однако, какая гадость, — сказал я, когда глаза привыкли к полумраку салона внедорожника, и мне удалось разглядеть цель моей миссии.

— ДАВАЙ СОЖЖЕМ ЕГО ВМЕСТЕ С МАШИНОЙ, — предложил дракон. — ОНО МЕРС-С-С-СКОЕ!

Я этого ненормального игнорировал уже месяц. Та ситуация с пламенем изо рта меня до сих пор сильно напрягала. Да и не только меня: правоохранительные органы на ушах стояли! Дракон меня подставил, это точно. В конце концов, я тогда планировал долбануть по черепу главарю лопаткой, врезать еще парочке — и пуститься в бегство, петляя меж кустами. Горации против Куриациев — известный прием! Глядишь — и разделался бы с ними по очереди или нанес бы критический ущерб, превышающий выгоды от моей поимки… В конце концов, я — дядя спортивный, да и пепеляевские навыки в плане боя на шанцевом инструменте могли стать моим козырем. Я готов был драться, готов был наподдать им как следует! Но не устраивать же крематорий и массовое убийство!

— ИДИОТ, — вздохнул дракон. — НЕ ХОЧЕШЬ — НЕ НАДО. САМ РАЗБИРАЙСЯ.

И заткнулся.

А я полез разбираться. Первым делом — перебрался на

задние сидения и уселся там на корточках, сжимая в руках контейнер. Симбионт, да? Не знаю, эта буроватая клякса на потолке машины, аккурат над водительским сидением, напоминала мне то ли чайный гриб, то ли медузу, то ли — Венома из фильма с Томом Харди. Некая слизкая масса, которая шевелилась и клокотала, слегка переползая туда-сюда. Объективно: дракон был прав. Мерзкая штука.

— Я ВСЕГДА ПРАВ! — возмутился дракон. Ненадолго хватило его молчания!

Нужно было что-то делать. Как всегда — доблестный Сыскной приказ макнул меня в самое дерьмо без подготовки и снаряжения. Хоть бы лопаточку какую дали, а? Как мне эту жижу с потолка соскребать-то?

— Кис-кис, скотина, — сказал я. — Цып-цып-цып, жижа. Иди в коробочку, а то дяде нужен «Гелендваген».

Конечно, жиже было наплевать на мои потребности. Она булькала и пошевеливалась, но сигать в контейнер не торопилась. Но и на меня — ноль внимания. Я этим воспользовался: подобрался поближе, в одну руку взял контейнер, подвел его под симбионта — хлоп! И перекрыл ему пути к отступлению, плотно прижав борта тары к потолку. Жижа зашевелилась активнее, но отлепляться не торопилась. Значит — будет по-плохому!

— ДАЦ! — я сильно и резко двинул кулаком в потолок машины рядом с контейнером.

— ЛЯП! — симбионт шмякнулся в емкость, я мигом закрыл его крышкой и защелкнул зажимы.

Живое стремное желе явно было недовольно своим заточением и принялось биться о стенки и пробовать крышку на прочность, пришлось даже встряхнуть его хорошенько, чтобы не наглело.

— Работаем, работаем! — двери машины тут же отворились, у меня из рук выдернули контейнер, меня выдернули наружу, прямо на асфальт, и один из опричников запшикал весь салон каким-то аэрозолем с мерзким запахом, особенно усердствуя на потолке.

— Однако, — я встал, отряхиваясь. — Вам не кажется, господин Рикович, что это не спецоперация, а какой-то балаган?

— С тебя не убудет, — отмахнулся Рыжий. — Главное — симбионт нейтрализован. И вот еще: куратор тебе больше не нужен. Наталья Кузьминична на другое направление переводится. Но если что-то случится — ты все равно можешь ей звонить.

— Ваша собака сдохла, — прокомментировал я. — Но вы все еще можете с ней поиграться.

— Фу! Как некультурно! — дыхнула на меня табачным

дымом Пруткова. — Как будто тебе с моего кураторства какой-то прок был? Ну, пялилась я на тебя по четыре часа в сутки через монитор, ну и что? Как ты тех молодчиков угробил, я все равно не поняла.

— Что-о-о-о?!! — подкинулся я.

Может быть — не очень натурально получилось, но я старался. По крайней мере — пробрало меня на самом деле. Что тут за убийство десятка человек полагается? На кол сажают? Собаками травят?

— Что? Ой, не делай из себя оскорбленную невинность, Пепеляев! «Горючая смесь органического происхождения», говорили они. «Никакой магии» — говорили они! Конечно, никакой магии! Ты же нулевка! Небось, что-то из армейских штучек, да? — Наталья Кузьминична снова затянулась папиросой. — Нет, пойми меня правильно: там одни скоты сгорели, никто плакать не собирается. Ни мы, ни сыскари, ни местная милиция. Но с самосудом ты заканчивай. Это чревато. Есть наводка — набери мне или Ивану Ивановичу. Вон — Криштопову твоему, в конце концов, он дядька принципиальный… Вообще — я бы, Иван Иванович, на вашем месте к этому Криштопову присмотрелась.

— Ну, во-первых, вы не на моем месте, а во-вторых он отказался, — вздохнул Рикович. — Говорит — Вышемир любит.

— Идеалист, — закатила глаза Пруткова. — Еще один. Беда с ними. Вот, Иван Иванович, взгляните на нашего интеллигента: поджарил целую банду и глазами хлопает, строит из себя целку. Не верю, Пепеляев! Не ве-рю!

— Я не Господь Бог, чтобы в меня верить, — огрызнулся я. — Что вы ко мне вообще прицепились с утра пораньше?

В этот момент опричники закончили свои манипуляции в салоне «Урсы», броневик с симбионтом в пластиковом контейнере укатил куда-то, следом за ним — еще один.

— Всё, — сказал рыжий целовальник Сыскного приказа. — Давай, убирай свою тачку с эвакуатора. Там зарядки километров на двести крейсерского хода хватит, по городу на сто пятьдесят. А! Вот тебе ай-ди браслет, а вот — бумажный техпаспорт и договор купли-продажи, мы там все за тебя заполнили…

Заполнили они! Контора пишет! Еще и подписи, небось, мои поставили… Страшные люди! Но вслух я спросил совсем другое:

— А ключи? — и пошевелил пальцами.

— Какие ключи? — удивился Рикович. — На кой черт тебе ключи? Он с полуметра твой ай-ди отсканирует, двери и откроются. Можешь по отпечатку большого пальца — вот, на водительской двери сканер. Это ж не земская модель, а нормальная!

— Однако, — сказал я и полез на водительское место.

А сам подумал, что знатно затупил: это ведь электрокар, зачем ему зажигание? Машину я водить умел, а местные авто не особенно отличались от наших, тех, которые на коробке-автомате. И права тут вовсе не требовались: считалось, что если ты дебил и попал в аварию, то сам виноват. То есть, водительские школы тут процветали, вот только никаких документов особых не требовалось, как в некоторых американских штатах. Езди да и все. Нарушил — будешь наказан, со всей строгостью. Покалечил кого или убил — добро пожаловать в казенный дом, а то и на плаху. А с правами, без прав — это мало кого тут волновало. Жизни случайных жертв, похоже, тоже. Социал-дарвинизм как есть!

Медленно сдавая назад, я косился на потолок: никаких следов симбионта там не было. Сюрреалистическая ситуация! Брился, потом — звонок, опричники, жижа эта…

— Так что там в бардачке? Давай уже, — постучал по стеклу Рикович, когда «Урса» съехала на асфальт.

Опять эти его штучки! Задолбал он в темную меня играть… Это уже начинало выводить из себя, но — делать нечего. Открыл бардачок. На сидение выкатилась сначала граната (благо, с чекой внутри, но вспотеть я успел), следом за ней — маленький серебряный шарик, напоминающий по текстуре ртуть. Такой же текучий и нестабильный.

— Ч-ч-черт! — Рикович захлопнул дверь и прогудел оттуда: — Подожди, сейчас еще один контейнер принесу.

Вопросов я не задавал. Ни к чему это — сам виноват. Я ведь, получается, продался с потрохами: этот местный «гелик» стоит кучу денег, и если ради этого мне нужно вспотеть от гранаты и запихать две магические штуковины в контейнеры — ну, что ж, так тому и быть. В конце концов, у меня теперь машина есть. Не нужно идти на остановку, не нужно ждать электробуса и толкаться в душегубке среди школьников с гладиолусами, которыми они тычут тебе в лицо, и надушенных мамаш. Можно сесть — и поехать! Просто праздник какой-то.

Так что вот вам шарик из бардачка, вот — портмоне, которые так был нужно — и спасибо большое. А одна граната — это всего лишь одна граната. Пустяки, как говорил Карлсон. Дело житейское.

То ли дело — первая линейка в этом учебном году.

* * *

Хуже всего первого сентября приходится классному руководителю. Даже если первое сентября на самом деле третье. Вообще — классному руководителю в принципе приходится хуже всего. Собери обормотов по всей школе, запихай в кабинет, займи чем-то до линейки, пересчитай для организации питания, а там кто-то опоздал, а этот — цветы помял, а тот уже дневник начал заполнять абы-как, а у этой бантик оторвался…

И совсем по-другому чувствует себя свободный и независимый учитель-предметник!

Конечно, я не удержался и приехал на машине. Припарковался у магазина, метрах в трехстах от школы, чтобы не создавать лишний ажиотаж: родители привозили своих чад, и транспорта у калитки скопилось предостаточно. Да и привыкнуть стоило, за рулем я не сидел года три точно, по субъективному времени, и, получив такой вездеход, добирался на улицу Куракина осторожно, по грунтовым улицам частного сектора, не выезжая на Земскую или Бакланова.

Стайка пацанов окружила «Урсу»: тыкали пальцами, что-то обсуждали… Знакомых среди них не было, так что я, глядя в зеркало, поправил складки костюма, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, подхватил портфель с бумагами и канцелярщиной — и выбрался на улицу.

Утреннее солнце уже начинало припекать, предвещая теплое бабье лето в начале сентября. Толпы детей с родителями шумною толпою кочевали по направлению к школе. Белоснежные блузочки, гольфы, бантики и кучеряшки девочек соседствовали со смятыми от рюкзаков пиджачками, отутюженными брюками и расчесанными на пробор волосами у мальчиков. Старшеклассники, конечно, выглядели гораздо более свободно, но тоже — парадно и отутюженно. И куда это денется через пару дней?..

По школьному двору, мимо дриады и астролябии, под сенью яблонь и груш я пробирался к крыльцу, где разворачивалось основное действо.

— … *Государя почитать и порядок уважать*

Учат в школе, учат в школе, учат в школе… — надрывались динамики на крыльце.

За аппаратурой сидел Гасан, и его белозубая улыбка сияла на смуглом лице. Оптимист, однако! Так улыбаться в первый день учебного года — это нужно иметь стальные нервы.

— Сардэчна запрашаем, — на чистом белорусском языке произнес южанин.

— Ваалейкум ас-салам, — откликнулся я. — Ты что — тоже свободная птица, классного руководства не всучили?

— Физручку напрягли, ей дали пятый класс. А я за это на соревнованиях выступлю, от Вышемира, по прикладному многоборью, — Джабраилов был откровенно счастлив по этому поводу. — И на конкурсе самодеятельности спою. Я ведь пою… Немного.

— А-ха-ха, как в анекдоте… — не удержался я. — Знаешь — этот, как грабители учителя остановили и требуют деньги и часы…

— Не-а! — помотал головой математик. — Ну-ка, дорасскажи?

— Ну, говорят ему: давай деньги и часы! А он в ответ: часы не дам! Забирайте классное руководство!

— Хе-хе! — кивнул коллега. — Это печально.

— Для тех, кого чаша сия не миновала…

— А-а-а-а-а-а!!! — с диким бессвязным ревом мимо нас промчалась толпа пацанов-шестиклашек.

Они устроили давку в дверях, едва не смели всю аппаратуру, с грохотом ворвались в школу и с ускорением, достаточным для выхода на первую космическую скорость, скрылись где-то в глубинах первого этажа. Мы с пониманием переглянулись, и я пошел к себе. Пусть лучше сейчас выбегаются, чем на уроках дуреют. Хотя шестиклашкам дури хватит суток на трое беспрерывного балагана, у них, кажется, ядерный реактор вместо внутренностей установлен…

Мне повезло: первым в учебном году уроком в расписании значилось обществоведение у выпускного, десятого, класса. Как раз — можно понять, на каком я свете как педагог. Есть ли еще порох в пороховницах, или мой костюм и моя модная прическа, и мои понты на турничке — просто шлак и не стоят выеденного яйца? Как говорил капитан Джек Воробей, человек — это то, что он может и чего он не может. Если я не могу быть хорошим педагогом — то зачем это все?

Раскрыв окно нараспашку и пердвинув бегунок на календаре на 3 сентября, я скинул пиджак прямо на первую парту, закатал рукава, взял в руки мел, на секунду замер перед доской, а потом быстро стал писать, заполняя белыми латинскими буквами темно-зеленую поверхность:

«FONAR', VEREVKA, TOPOR, SPICHKI, RUZH'E, KANISTRA S KEROSINOM, BANKA TUSHENKI, SUHPAJ, APTECHKA, SPASATEL'NYJ ZHILET, RAKETNICA, MACHETE, PROTIVOGAZ, BUTYL' S VODOJ, RADIOPRIEMNIK…»

Из окна продолжала доноситься музыка, впиваясь в мозг и мешая сосредоточиться. Детский голос заунывно голосил:

— Нагружать всё больше нас

Стали почему-то,
Нынче в школе первый класс
Вроде сервитута… — захлебывались колонки Джабраилова.
До линейки оставалось минут пятнадцать.

* * *

работает конкурс названий для глав. если вы подберёте подходящий психологический, психиатрический или педагогический термин под персонажа, сцену или явление в главе — предлагайте в комментах, я с удовольствием переименую.

2. Мозговой штурм

На асфальте мелом были нарисованы прямоугольники, внутрь каждого из них — вписаны условные обозначения. Ну, 1 А, 3 В, 10 С и прочее. Все они располагались буквой П вокруг школьного крыльца, которое служило своего рода трибуной мавзолея. На крыльце собирались очень важные люди: какие-то официальные лица из народного просвещения, шефы из Дорожно-ремонтного управления, администрация школы, попечительский совет.

Детей выводили из запасного выхода и выстраивали каждый класс в свой прямоугольник. Независимо от численности класса и габаритов ребят, прямоугольники были одинаковыми — и для первоклашек, и для старшеклассников. Потому десятый класс толпился и теснился, а второй — разбредался и терялся. Определенно — белым мелом на асфальте писал Кох!

Хорошо, хоть гениталии не понарисовывал, из хулиганских побуждений. Снага есть снага, даже если в хорошей семье воспитывался. Сделать гадость — сердцу радость, это точно один из ментальных столпов зеленокожего племени.

Я подпирал плечом побеленный ствол раскидистого каштана, стоял в тенечке в окружении каких-то бабушек, дядей и тетей, которые пришли проводить в последний путь… то бишь — в школу, конечно — своих ненаглядных чад. Никто не знал меня, я не знал никого, так что можно было слушать бесконечные язвительные комментарии и сплетни по поводу происходящего и почти наслаждаться жизнью. По-хорошему, я вообще мог остаться в кабинете, никто бы и не заметил. Чаю бы попил, в конце концов. Однако руку на пульсе держать стоило: публичные выступления о людях многое говорят. И о нелюдях тоже.

Солнце жарило все сильнее, ветер едва-едва шевелил листья деревьев, в голубом, ясном, без единого облачка небе носились истерические птицы и истошно орали. Джабраилов уже десятый раз крутил свой плейлист, и из колонок снова звучало бессмертное «учат в школе…» В детстве я ни бельмеса не понимал в этой песне и думал, что она про участкового. Ну, знаете: «участковый, участковый, участковый…» Хотя, может быть, причина скрывалась в том, что аппаратура в те далёкие-далёкие времена, когда я в начальных классах учился, в сферу образования поступала дерьмовенькая.

Наконец все, кроме первоклашек, оказались выстроены в свои прямоугольники. Ингрида Клаусовна несколько раз подходила к микрофону, чтобы на всех поругаться и призвать к порядку,

бегали вдоль рядов классные руководители и шикали на невиновных, и хвалили непричастных. Гасан за пультом что-то подкрутил, и ведущая — одна из тех самых симпатичных преподавательниц-лингвисток — зачитала некий душещипательный стих про общее душевное единение и прекрасное стремление грызть гранит науки с небывалым энтузиазмом.

— Торжественная линейка, посвященная Дню знаний и началу учебного года, объявляется открытой! — прерывающимся голосом выкрикнула она. — Право поднять национальный стяг предоставляется учащимся десятого класса: Кузевичу Ярославу — чемпиону Великого Княжества по прикладному многоборью — и Легенькой Анастасии, дипломанту второй степени великокняжеской олимпиады по биологии!

Ничего себе у них тут звездочки водятся! Это, получается, биологичка Надеждина такие кадры готовит?.. А спортсмен — понятно, в какой-то сторонней секции занимался.

Нарядные, стройные юноша и девушка встали с двух сторон от флагштока. Грянули первые аккорды гимна. «Творение царево» — вот как он тут назывался. Автор — Иоанн Четвертый Васильевич Грозный, тот самый! Разнообразных талантов был человек… Еще и композитор, как оказалось, вот чего не знал, того — не знал. Никаких бравурных маршей: торжественная, строгая григорианская мелодия. Еще и стяг — алый, с золотым двуглавым орлом! Он взвился в воздух и заполоскался под порывом ветра… И, ей-Богу, все детишки смотрели на него, как завороженные, и не шевелились! Я такого в своей практике ни разу не видал. Конечно, и в Беларуси к государственной символике уважение прививать старались, но дети есть дети: кто-то в носу ковыряется, кто-то жука увидел на асфальте, другой — на одноклассницу пялится, глаз оторвать не может. А тут — прямо стойкие оловянные солдатики! Точно — магия.

Отзвучал гимн. Ведущая снова взяла микрофон в руки:

— Слово предоставляется Такому-то Такомутовичу, начальнику абвгджзиклмнового отдела Управления народного просвещения!

Все жидко похлопали, Такой-то Такойтович принялся пространно рассуждать о важной роли учебного процесса в процессе становления государевых верноподданных и вообще — приличных членов общества. При этом он сопел и отдувался, как паровоз. Следом за ним до микрофона дорвался представитель попечительского совета, потом — шеф из Дорожно-ремонтного управления. Солнце палило нещадно. Ораторы вещали всласть, как будто и вправду верили, что вот сейчас вот дети их словами

проникнутся и ка-а-к возьмутся за ум, и как станут учиться не за страх, а за совесть со всем прилежанием.

Те, кому повезло, и их волею Коха, малевавшего те самые прямоугольники, разместили в тени деревьев, чувствовали себя более-менее прилично, но седьмые и восьмые классы стояли на самом тепленьком местечке. Конечно — без головных уборов, кто вообще знает, что это такое — головные уборы, в седьмом или восьмом классе?

— А теперь — наши первоклашки! — обрадованно заявила ведущая. — Встречаем тех, кто впервые перешагнул школьный порог! Первый «а», «бэ» и «цэ» классы со своими классными руководителями!

Изнутри школы, по ступеням крыльца на свои места под веселенькую музыку вышли хорошенькие маленькие детки: зареванные, веселые, озадаченные, растерянные — разные. Все хлопали, особенно — родители. Никто не тыкал смартфонами: в земщине почти ни у кого не было телефонов с камерами, а два-три обладателя цифровых фотоаппаратов погоды не делали.

Для того, чтобы расставить первоклашек на места, понадобилось некоторое время. Солнце жечь не переставало, ученики потели, учителя обмахивались классными журналами, обстановка накалялась.

— А-ы-ы-ык! — в три погибели согнувшись, долговязый худой восьмиклассник от всей души принялся блевать под дерево.

— Марьванна, Буровой плохо! — в этот же самый момент раздался голос с другого конца строя.

— А? — очумело мотая головой, пыталась сориентироваться немолодая уже учительница. — А ну-ка, тихо, Мурашко! Не видишь — Игнатова сейчас тошнит! Причём тут Бурова?

Бурова же — высокая девочка, которая вот-вот превратится в девушку — в этот момент уже очевидно позеленела. Я дернулся — и стремительным броском преодолел семь метров, разделявшие меня и детей. Успел! Подхватил за плечи!

— Бурова, — сказал я. — Сядь на бордюрчик, посиди, а то ты уже не Бурова, а совсем Зеленова.

— Спа-а-асибо… — девчонка и вправду была не в порядке. — У Марьванны та-а-какие духи, просто кошмар, если честно.

Она уселась на беленый бордюр и прикрыла коленки юбкой, пытаясь выглядеть пристойно. С зеленым лицом эта пристойность казалась откровенно вымученной. Наконец и Марьванна сориентировалась, и один из мальчишек побежал за медсестрой, и родители засуетились — у кого-то была вода и даже — наштырный спирт. Игнатова довольно быстро привели в порядок. Бурова, видимо, отдышавшись от зловонных марьваннских духов,

тоже довольно быстро пришла в себя. Не беда — бывает. Подростки!

— … йа сиводня учи-ница

Ф первый клас и-ду учица!

И ска-жу йа в эта-а-ат де-е-ень…

Што учица мне ни ле-е-ень! — премиленькая первоклассница, у которой не хватало восемь или десять зубов, на крыльце-трибуне наконец домучила стих и сорвала бурю аплодисментов.

Эстафету подхватил лопоухий мелкий шкет в очках. Он выдернул из рук ведущей микрофон и радостно завопил так, что колонки начали фонить и хрипеть, а дети помладше — затыкать ладонями уши:

— Ланьсе мы иглали в сколу

Но законцилась игла!

Нам завидуют сиводня-я-я…

Даскалята са двала!!!

И тоже сорвал аплодисменты. Хлопали, кажется, потому, что он наконец утих.

— Слово предоставляется Ингриде Клаусовне Гутцайт, директору школы! — в неравной борьбе ведущая отвоевала микрофон у мелкого. — Прошу вас, Ингрида Клаусовна.

И похлопала. Все тоже похлопали — чуть более бодро и чуть менее жидко, чем Такому-то Такомутовичу.

Директор у нас, как ни крути, далеко не дура. Даже наоборот: Гутцайт — умная женщина и хваткий руководитель. Она долгим взглядом осмотрела свое воинство, которое постепенно теряло остатки боеспособности на жаре и в большинстве своем имело довольно бледный вид. Даже — бледно-зеленый.

— В добрый путь, дорогие друзья! Удачи в новом учебном году! Проходите в учебные классы! — сказала Ингрида Клаусовна и сделал царский жест рукой.

И овацию сорвала ничуть не меньшую, чем первоклашки. Те, у кого с собой были цветы — побежали дарить цветы, и я снова порадовался, что не классный руководитель, и вообще имею шансы прикинуться шлангом в этот период времени и сойти за случайного посетителя. Может, я чей-то папа или старший брат? Зачем мне цветы дарить. Хорошо, что меня никто пока толком не знал, потому что мужчина с цветами выглядит довольно нелепо, согласитесь? Есть, конечно, исключение — если он эти цветы идёт кому-то дарить, но мне их дарить было решительно некому. Даже гипотетически.

Все двинули в школу, ну, и я — последним. Почему? Да потому, что на часы посмотрел: линейка закончилась на пять минут раньше, чем по расписанию должен прозвенеть звонок с

урока, а впереди еще — пятнадцать минут перемены… Кабинет у меня открыт, пусть старшеклассники там освоятся, проникнутся произошедшими в нем переменами, заинтересуются странными словами на доске, вообще — всей обстановкой… Может, сломают что-нибудь, например. А через десять секунд после того, как прозвенит звонок на урок — появлюсь я.

Весь рыжий, бородатый и в костюмчике.

* * *

— ДАДАХ! — ляпнула дверь за спиной, и я ворвался в кабинет.

Десятиклассники подскочили со своих мест и пожирали меня глазами. Ух, страшновато… «Раз-два-три…» — я по старой привычке дождался, чтобы на три секунды в кабинете установилась тишина, а потом взмахнул рукой:

— Здравствуйте, десятый класс, садитесь. Меня зовут Георгий Серафимович, и я к вам всерьез и надолго. Буду вести у вас обществоведение, историю и географию.

Десятый класс, как и одиннадцатый в моей прежней жизни — это уже серьезные люди. Выпускники. Они тут самые главные, в этой школе, самые крутые. Большие, красивые парни и девушки. Им море по колено и горы по плечо. Правда, стоит этим уверенным и взрослым людям выпуститься из школы и прийти на первый курс колледжа или университета, как снова по неведомому волшебству они превратятся в напуганных цыплят, но пока — пока все у них в порядке.

— Какой у нас сейчас предмет? — спрашиваю.

— Общество! Обществоведение… — откликается несколько голосов посмелее.

— Общество? А что такое общество? — продолжаю делать вид, что веду с ними непринужденную беседу.

Черноглазый пацан с задней парты — крупный, мощный — хмыкает:

— Это — люди, понятно…

— Любые люди? Какие угодно люди? Только люди? — закидываю вопросами я.

— Ну, мыслящие существа. Нелюди, понятно, тоже, — смелеет девочка с розовыми волосами. — Которые вместе.

— Ладно… Люди, которые стоят на электробусной остановке — это общество? — на самом деле я сильно нервничал, но — виду не подавал.

Расхаживал по кабинету, беседы с ними беседовал, рукой

размахивал. Вторую, правда, в карман сунул, чтобы совсем дирижера не косплеить.

— Нет! — откликается тот самый Кузевич, чемпион по многоборью. — Они случайно же собрались, на остановке. И недолго там стоят. Значит — не общество. Класс — общество, спортивная команда тоже… Где у каждого своя роль и все связаны между собой долгое время, вот!

— То есть для появления общества должны сформироваться устойчивые долговременные связи и появиться распределение ролей, да? От-ли-чно! — жестом фокусника открываю доску, и они видят всю эту мешанину из слов, с факелом, фонарем, спичками, аптечкой и прочими сигнальными ракетами. — Теперь представьте: вы все, весь ваш класс летит на воздушном шаре над океаном. Шторм, буря, шар порвался, из него выходит воздух, вам нужно долететь до берега — до него километра два, там необитаемый остров. Нужно облегчить корзину, за пять минут выбросить лишнее. Давайте, быстро, быстро надо решать, а то утонете все! Что бросаем?

После полуминутной заминки понеслось:

— Ляшкова бросаем, он самый толстый! — орали наиболее маскулинные.

— Нафиг нам противогаз? — возмущался единственный снага в классе.

— Бутыль с водой кидаем! — предлагал Ляшков.

— Себя кидай, вдруг там пресной воды нет? — парировал Кузевич.

Знаете, как могут орать двадцать четыре десятиклассника? Вот так они и орали друг на друга, раздухарились. А я смотрел и замечал: Кузевича слушают, но он не очень инициативный. Черноглазый пацан на последней парте, его Вадим зовут, явно имеет группу поддержки из четырех парней из небогатых семей, они вместе стебутся над толстым Ляшковым в очках, но тот спуску им не дает, не фрик ни разу, довольно умный, веселый. Из девчонок явно выделяются две подружки: одна с розовыми, другая с голубыми волосами — интеллектом не блещут, но очевидно — активистки, артистки и все такое. А вот отличница Анастасия Легенькая, которая с Кузевичем флаг поднимала — она помалкивает и больше на меня смотрит, чем на одноклассников.

В какой-то момент этот самый Ляшков выскочил к доске и, прислушиваясь то к одному, то к другому мнению, принялся вычеркивать вещи из списка. Наконец, спустя шесть минут, на доске было вычеркнуть все, кроме спичек, радиоприемника и сигнальной ракетницы.

— Вот! — утерся вспотевший Ляшков и измазал лоб в мелу. — Нормально? Спички чтоб костёр зажечь, согреться, сигнал подадим ракетницей, ну, и радиоприемник… Тоже сигнал подадим, в эфир. Кто-то нас да заберет!

— Сигнал передаётся передатчиком, — подала голос Легенькая. — Но музычку ты послушать сможешь, Ваня.

— Блин, — расстроился Кузевич. — Это я затупил, а не Ляшков. Приемник… Передатчик. Вот блин! Георгий Серафимович, так что, нормально мы долетели?.. Мы ж и без передатчика, в принципе, в порядке будем!

— Не-а, — сказал я. — Вы все утонули, пока ругались. Шесть минут прошло. Буль-буль.

Класс загудел раздосадованно. Им явно не хотелось «буль-буль».

— А в чем смысл всего этого? — спросила умненькая Легенькая. — Получается, вообще не важно, что вы написали на доске? Могли написать вместо ракетницы и мачете, например, футбольный мяч и яблочную пастилу? Это какой-то ваш приемчик, манипуляция?

— О-о-о-о, — обрадовался я. — У нас претендент на десятку. На первом же уроке, надо же! Точно — поставлю, только доведите ваше умозаключение о конца. Итак, госпожа Легенькая, зачем я это сделал? Зачем эта игра?

— Вы хотели показать, что у нас нет согласия в классе. Что у нас не общество, а племя диких обезьян, — выдал Вадим, опережая одноклассницу. — Это мы и без вас знаем, нам классуха постоянно так говорит.

— И ошибается. Отличный у вас класс. Вон сколько ярких личностей! Но! Помните, что сказал господин Кузевич… Ярослав, да? Про распределение ролей? Вот! Именно этого вам и не хватает. Кто-то должен брать на себя ответственность, а остальные — отдать ему или им часть своей свободы, делегировать полномочия, чтобы в кризисной ситуации не сделать буль-буль… А теперь, господа и дамы, открываем свои тетради и записываем нашу первую тему… Какую?

— Государство! — выкрикнул с последней парты Ляшков.

— Ты че, толстый, самый умный? — возмутился Вадим. — Откуда ты знаешь?

— Он в учебнике первый параграф посмотрел, — в первый раз подала голос низенькая бровастенькая барышня, которая сидела рядом с Ляшковым. Наверное — кхазадка. — И умничает теперь.

— И правильно умничает. Нынче у нас эпоха информационная, можно чего-то не знать, главное — быстро

понять, где найти! — усмехнулся я, и озадаченный класс примолк. Воспользовавшись паузой, я быстро стёр с доски все каракули, вооружился мелом и скомандовал: — Ну что, открываем тетрадки и записываем тему: «Происхождение государства». Число, месяц, год — на полях. А пока пишете — слушайте, а я буду говорить…

Я вдохнул побольше воздуха. Какое же счастье, что этот мир — Твердь, и мой — Земля, всё-таки были очень похожи! Не как близнецы, конечно, но как братья — точно. И многие базовые вещи тут и там оказались идентичны или очень схожи.

— В семнадцатом веке от Рождества Христова жили-были два философа: Гоббс и Локк, — эти двое тут тоже были авалонцами, правда Гоббс, кажется, гномом, а Локк — эльфом, но это не точно. — Гоббс говорил о том, что все жители нашего мира — самые настоящие негодяи, по определению. И их нужно друг от друга защищать. А Локк утверждал, что все мы — существа доброжелательные и общительные, и у нас отлично получается договариваться. Так возникли две теории происхождения государства…

В общем, нормально урок прошел. С огоньком. Когда прозвенел звонок, девочка с голубыми волосами удивлённо огляделась и проговорила:

— Что — всё? Почему всегда так: если интересно, то быстро кончается? У-у-у-у, а щас математика… — и это было для меня лучшей наградой.- А к вам «бэшки» придут.

— Не сметь рассказывать десятому «бэ» про воздушный шар! — погрозил им пальцем я.

— Пусть тоже сделают «буль-буль», — заржали пацаны. — Расскажете потом, сколько им времени понадобилось, чтобы утопиться? Уложились они или нет?

— Расскажу, — улыбнулся я. — Давайте, идите страдать на математику. Встретимся скоро, может быть, даже завтра, у нас с вами четыре урока в неделю, ещё успею вам надоесть.

Фокус был в том, что никто никогда не укладывался. За пятнадцать лет моего стажа — ни разу, ни один класс не собрался с мыслями за пять минут. Зато у меня всегда имелся рабочий инструмент, чтобы раскочегарить народ, вывести ребят на эмоцию и понять, кто что из себя представляет в коллективе. Очень удобно!

Впереди оставалось всего-то каких-то три урока. И совещаловка, куда без нее?

* * *

3. Заземление

Воду р-р-раз — и отключили. Была — и нет! Час, два, три… Все нет и нет! Вечернее время, люди приходят с работы, хотят принять душ, приготовить еду. Ан нет!

Несмотря на печальную ситуацию в сфере коммунального хозяйства Вышемира, по матерщине соседей я понял, что такое безобразие — вырубать воду без предупреждения — произошло впервые. Меня-то подобными мелочами не испугать: переодевшись в тенниску и джинсы, я закинул на плечо сумку с полотенцем и кое-чем еще и решил зайти в магазин, купить питьевой водички на запас, потом — догулять до турничков и искупаться в реке. Если ночью водопровод заработает — отлично, и душ приму еще. А если нет — всяко свежее буду, чем после линейки, уроков и странной совещаловки.

На лестнице я столкнулся с мадам Зборовской и всей командой Евгеньевичей. Четыре ребенка — это сила! Старшие мальчик и девочка явно младшего школьного возраста, меньшие — дошколята. Хлопчик в садик ходит, в старшую группу, малышечка в коляске сидит, пустышку обсасывает со всех сторон.

— Давайте, я вам хоть транспорт спустить помогу, — предложил я.

— Спасибо, но нет. Пусть вон, мои мужчины справляются, — твердо улыбнулась соседка и достала дочку из коляски. — Не расслаблялись — нечего и начинать. Хватайте, чего стоите?

Все-таки она была красивой женщиной, несмотря на четыре беременности. Статная, светловолосая, высокая, не худая и не толстая — такая, как надо. Талия, бедра, грудь — все при ней! Повезло журналюге! Или не повезло, или — сам повез, четверых детей вообще попробуй вывези! Пацаны примерно пяти и восьми лет ухватили коляску и, спотыкаясь, избивая себя пластмассовыми и железными деталями, пачкая колесами и путаясь в тряпичной обшивке, храбро поперли ее вниз. Однако, достойный пример воспитания!

— Мы пойдем на пляж, — сообщила Зборовская. — Хорошо — сентябрь теплый, так хоть искупаемся. Женя звонил, сказал — авария на подземном коллекторе. У моста через железную дорогу провал в дорожном полотне семь метров глубины, все стоки вытекают наружу, потому весь город, у кого центральная канализация, будет без воды минимум часов шесть еще, пока проблему не решат. Сейчас он материал в газету готовит, и вроде как в Сети будут размещать, но кто у нас тут в Сети что читает? Разве что молодежь… А газета — завтра. Люди ничего не

понимают, злятся… Ладно — кто в частном доме, у них септики, скважины, колодцы у многих. А квартиры?

Газета тут была мощной силой. Тираж — тысяч двадцать, не меньше. Не привыкли люди к интернетам в земщине, да и скорость связи тут такая, что заплачешь, пока статью с семью фотками подгрузишь. Про видео и говорить не приходится… Тем более — не у всех «Яблочковы», как у меня. Самая популярная линейка компьютерной техники — «Алдан», у большинства — пятой модели, но встречаются и четвертые, и третьи, а там вообще седая древность, на уровне в двухмерного «Марио» погонять. Тут у них, правда, не водопроводчик Марио бегает, а некий абстрактный Опричник монстров топчет, но суть та же. Потому — газеты, радио и телевидение крепко держат позиции в земских городах, формируют общественное мнение. Выписывают прессы много, вон — в нашем подъезде почтовые ящики по утрам разрываются.

Пацаны как раз дотащили коляску и теперь выпихивали ее в двери подъезда. Я придержал створки и зашагал к магазину за питьевой водичкой. Очередь там была капитальная, брали всё, что можно пить: бутилированную, минеральную, лимонад, пиво, соки. А еще — соль, спички, гречку. Похоже, это в подкорке у нашего народа: в любой непонятной ситуации затариваться солью, спичками и гречкой. Типа — лишним не будет.

— Праклящце на Вышемире! — уверено вещала неопрятная бабка. — То Радзивил нас прокляу! Таму, што трэба было пад яго руку…

— Говно из канализации полезло — так сразу и магия? Обязательно — проклятье? — спорил с ней дядька в очках. — Мы в земщине, сударыня, у нас чудес не случается, ни плохих, ни хороших. Это Вышемир, тут скука смертная!

— А амнистия? — парировала толстая тетка в соломенной шляпе. — А кто бандитов спалил месяц назад в хмызняке? Это что — тоже скука смертная? А психические эти, которые теперь по улицам шатаются? Вон, главный инженер у коммунальщиков шею свернул, когда в пьяном виде по лестнице спускался, на прошлой неделе. Это что — тоже совпадение? Там ни один начальник не выживает! Город зарос, в джунгли превращается, ворон уже больше, чем людей, и собак бродячих — больше, чем ворон! Я слышала, что в Зверинце какого-то алкаша уже псы эти обглодали! А вы — «не случается»! Точно говорю — надо всем нам в церковь идти и каяться, каяться, молиться и каяться! Тогда нас Господь простит, и все наладится.

— Вот и кайтесь, — отрезал дядька. — А я к сыну в Минск перееду. Давно пора.

— А подтопления? — влез благообразный дедушка с палочкой. — Я тут живу семьдесят шесть лет и никогда не видел, чтобы участки у вокзала топило. Паводок — это вдоль Днепра всегда было! А в этом году лягушки по весне у людей под кроватями квакали! Нечисто дело, что-то не так, точно вам говорю. Или власти наши земские что-то в природе нарушили, или то злонамеренность какая-то колдовская… Я вам говорю: надо нам в сервитут переходить и всем миром решать вопросы! То ли магов нанимать, а может — частное агентство, чтобы разобралось и ревизию провело, что у нас вообще происходит, и кто виноват! Может — кибургеров! У них компьютер вместо башки, все посчитают-вычислят! Это не наши вахлаки!

По итогу мне досталось две полторашки «Ессентуки». Воду давали по три литра в одни руки, дожили! Вода — дефицит, на Полесье! Какой кретин поспиливал колонки по городу? Надо вместо квартиры хатку себе покупать, скважину бурить и ручной привод к ней. И лампу керосиновую. И печь-буржуйку! И ружье, это само собой разумеется.

Город раз за разом оказывался не готов к накрывающим его бедам. Об этом говорили повсюду, на каждой лавочке и каждом перекрестке. Люди материли отсутствие воды, нерасторопность земского руководства, бессилие коммунальных служб. Грозились голосовать против нынешнего «земского предводителя», поддержать кого угодно, хоть бы и Рыбака или даже каких-нибудь магнатских клиентов, которые загонят город в кабалу к аристократам — только бы уже бардак кончился.

Два или три раза я замечал откровенных сумасшедших или — кликуш, как их тут звали. Одна закутанная в тысячу платков женщинка размахивала руками и что-то выкрикивала напротив здания милиции, другой — сутулый дядечка, моргающий всем лицом, остановился посреди проезжей части, на светофоре, и что-то шептал губами и вазюкал в воздухе перед собой пальцем, как будто чертил математические формулы на доске. Машины сигналили, водители ругались — он не обращал внимания, явно занимаясь гораздо более важными делами.

В общем — впечатление от прогулки выдалось гнетущее. И я сам не заметил, как ноги понесли меня к церкви. Столько раз грозился и собирался, а ни разу так и не зашел. Суета!

— А ОНО, МОЖЕТ, И СЕЙЧАС ТЕБЕ НЕ НАДО? — коварным тоном спросил дракон. — ТЫ Ж ВРОДЕ НА ТУРНИЧКИ СОБИРАЛСЯ? А ЕСЛИ НА ПЛЯЖ ПОТОРОПИШЬСЯ — ТО СМОЖЕШЬ ЗАЦЕНИТЬ ФИГУРУ ЗБОРОВСКОЙ. ИНТЕРЕСНО, А ПОД ПЛАТЬЕМ ОНА ТАКАЯ ЖЕ ЛАДНАЯ, КАК КАЖЕТСЯ? КАК ДУМАЕШЬ? ПОСЛЕ ЧЕТЫРЕХ РОДОВ?

Я продолжал его игнорировать. Он меня здорово подставил с этим огненным дыханием, мог бы хотя бы предупредить, скотина! Да и такие предложения — типа попялиться на многодетную замужнюю соседку, пусть она и симпатичная — весьма сомнительного свойства. Зараза, однако, а не дракон.

Так что я решительно свернул с Земской улицы в церковные ворота. Прихожане разбили тут настоящий парк: много высоченных кленов, детская площадка, дорожки, скамеечки, какой-то выложенный диким камнем прудик, в котором медленно, с чувством собственного достоинства, плавал выводок черепах… Сама церковь представляла собой большую византийскую базилику, белую, с полусферическими куполами и золотыми четырехсторонними крестами. Скромно, но впечатляюще.

Никакого разделения на православие и католицизм тут не произошло, правда, существовали целых двадцать патриархатов по всей Тведи — со своими особенностями богослужебной и богословской практики — и огромное количество маргинальных сект, но формально христианство было единым. Римский Папа оставался обычным патриархом, таким же, как Александрийский Папа, Константинопольский, Русский, Аравийский или Скандинавский Патриархи. Реформации как таковой не случилось — по большей части потому, что главное требование Мартина Лютера не имело смысла: тут и так служили на национальных языках. На гномском шпракхе? На эльфийской ламбе? Латинском? Греческом? Галльском? Что угодно.

По сути, двадцать патриархий и разделялись по языковому принципу. Так что сейчас я находился в Вышемирском соборе Русского Патриархата. Никому и в голову не приходило писать таблички с уточнениями типа «римско-католическая», «древлеправославная» или «евангельских христиан-баптистов».

Это было непривычно, но в общем-то внушало уважение.

На церковном крыльце я замер, взявшись за массивную дверную ручку. Дракон внутри шевелился, но молчал, так что я отворил дверь и шагнул внутрь. В нос ударил хорошо знакомый запах ладана, в голове на секунду потемнело, но я вдохнул поглубже и прошёл в притвор.

В храме было тихо, откуда-то с хоров звучал голос псаломщика, отдающийся эхом под церковными сводами. Расписанные стены и потолки представляли собой неплохую иллюстрацию местной библейской и церковной истории. Довольно странно было видеть среди святых незнакомых персонажей явно гномских бородатых статей или — с эльфийскими ушами, или даже — клыкастых орков!

В общем и целом — тут все напоминало православную церковь, разве что у стен имелось несколько рядов скамей — примерно на четверть площади, не больше. Я присел на одно из таких сидений, сунул сумку под ноги и замер на несколько секунд, наслаждаясь атмосферой тишины и какого-то особого умиротворения.

Впереди и слева, у самого иконостаса, какой-то высокий мужчина в военной форме и с офицерскими погонами беседовал со священником. Бородатый невысокий батюшка однозначно принадлежат к народу гномов! Я не очень хорошо пока разобрался в религиозных заморочках кхазадов, но христианство никогда не делало различий по расе и национальности, и христианский принцип «не будет между вами ни эллина, ни иудея, ни эльфа, ни орка, ни раба, ни свободного» тут тоже соблюдался, раз я наблюдал перед собой этого широкоплечего бородача в чёрном подряснике с серебряным крестом на груди.

— … сотня человек летит на воздух и погибает! А он смеется, обрекая их на смерть одним движением руки! — горячо говорил офицер. — Моя вера пошатнулась, отец Иоганн. Я всю жизнь служил в земских войсках, и мне не доводилось в бою пересекаться с магами, но теперь… Это ведь настоящая дьявольщина! Как Господь терпит магов, отец Иоганн? Они ведь почти всесильны, мы — жалкие насекомые, ничтожества перед мощью магии…

— Всесильны? — хмыкнул священник в бороду. — Как бы не так. Маги смертны, и разве мага не может бросить жена? Разве одарённые не спиваются и не превращаются в рабов дурмана? Или, может быть, магов не сбивают машины, или их не может придавить упавшим деревом, или — они не болеют Черной Немочью, когда все их чародейские ухищрения ничего не стоят? А разве одномоментный удар батареи реактивных систем залпового огня не может, как ты выразился, «поднять на воздух» гораздо больше, чем сотню человек? Так что же — оператор РСЗО тоже — дьявольщина?

— Не понимаю, к чему вы клоните, отец Иоганн… — моргнул офицер. — Мне всегда казалось, что церковь и маги, мягко говоря, являются соперниками…

— Соперниками в чем, Степан? Господь — не старичок на облачке, который летает над Твердью и пускает молнии в провинившихся! — усмехнулся батюшка. — Не рыночный фокусник и не министерский маг… Он — Создатель и Творец всего сущего, и мы ощущаем Его присутствие и его любовь во время меняющихся обстоятельств жизни! Когда мы голодны и неимущи — Он пошлёт возможность заработка, когда одиноки —

с нами случится нежданная встреча, если чувствуем себя бессильными — найдётся тот, для кого наша помощь бесценна! Главное — видеть эти обстоятельства, пользоваться ими и благодарить за них Бога. Маги так же подвластны Господу, как и каждый из нас. Они плачут, страдают, умирают, радуются, любят и грустят. Да, их талант способен принести горе и разрушения. Но Оппенгеймер, Улам и Теллер разве были магами?

— Ядерная бомба? — удивился военный. — Какое это имеет отношение…

— Они были физиками-ядерщиками, — воздел палец к небесам отец Иоганн. — И теперь у людей есть доступ к дешёвой и обильной атомной энергии. И ядерная бомба, которой можно испепелить целые города. Но ты ведь не будешь объявлять всю физику дьявольщиной из-за этого? Хотя силы, которые пробудили физики — невероятно мощные и непостижимые для таких убогих чад Божиих, как мы с тобой.

— Вот только что-то я давно не видел, чтобы маги сделали что-то полезное для людей… — было видно, что офицер колеблется. — В отличие от физиков. Они могут только порабощать, уничтожать, жечь…

— Степан! Ты суслика видишь? — внезапно спросил батюшка.

— Какого суслика?.. — вытаращился военный.

— Нет, нет, это я о своем… Я что хочу сказать? В сервитут съезди, например. Или в юридику, пусть даже и к Волк-Ланевским или Козелл-Поклевским. Посмотри, что делают маги для людей — и хорошее, и плохое. Вот как раз у тебя отпуск — соберись и съезди, а потом вернёшься и мне расскажешь. Тебе сколько лет? Сорок? Сорок пять? А только задумался над этими вопросами? Из земщины ты за деревьями леса не видишь… Давай, иди сюда, я прочитаю разрешительную молитву, и Господь простит тебе твои грехи и твои сомнения… И вот тебе епитимья — съездить в Мозырь и в каждом храме там поставить свечу. Между храмами ходить пешком! Вот пока будешь ходить — и поймёшь кое-чего.

Мне стало стыдно, что я как будто подслушивал, но на самом деле все это было очень интересно и отвечало на некоторые вопросы, которые родились в моей голове. Поэтому я глянул вверх, туда, где сверкало золотом гигантское паникадило под потолком и проговорил едва слышно:

— Благодарю за второй шанс. Я буду держаться дальше и буду делать то, что умею так хорошо, как могу.

Вдруг послышалось хлопанье крыльев, и сквозь всю церковь стремительно пролетела стая голубей и вылетела на улицу через открытое окошко над алтарем.

— Господи помилуй! — офицер, распрямляясь из-под епитрахили священника после чтения разрешительной молитвы, истово перекрестился. — Вот они — обстоятельства жизни… Птички!

— И птички тоже, — мягко улыбнулся отец Иоганн. И вдруг повернулся ко мне и за несколько быстрых шагов приблизился: — Не видел тебя здесь раньше, чадо Божие.

— А я и не заходил раньше… Теперь буду, — я встал и теперь глядел на него сверху вниз.

— Вот как? Ну, заходи, заходи… — пристально поглядел на меня он.

— Отец Иоганн… — с сомнением начал я.

— Ну, ну? Спрашивай, чадо… — он привычным жестом погладил бороду.

— А вот вы про суслика говорили, — чувствуя себя последним кретином, закинул удочку я. — Вы эту фразу где услышали?

— А! — священник сложил руки на груди. — Какой неожиданный вопрос. Но я отвечу, почему нет? Каюсь, грешен, посматриваю телевизор. Там на одном из шоу был приглашённый гость, певец. Бернес, кажется. Вот он про суслика этого и выдал, мол «Не видишь? А он есть!» Запомнилось, поди ж ты… А зачем спросил?

— Да вот один мой сослуживец так говорил, — ни разу не соврал я. Просто этот сослуживец, фанат «ДМБ», жил совсем в другом мире. — А тут я ни от кого такое и не слышал. Спасибо, отец Иоганн… Подскажите, а где свечку можно купить?

— Купить? Зачем её покупать? — искренне удивился батюшка-гном. — Вон свечной ящик в углу, возьми сколько тебе нужно, а если захочешь внести свою лепту на благоустройство храма — внеси, рядом со свечным — ящик для пожертвований.

В общем — в церкви мне понравилось. Надо будет зайти, послушать, как на службе поют, присмотреться — много ли людей ходит, кто из вышемирцев — верующий. Да и вообще — хорошо тут, тихо, спокойно. Дракон не заколупывает, опять же, тоже — плюс. Ещё и голуби эти…

* * *

На турничках меня уже ждала вся банда во главе с Беловым. Пацанов двадцать, не меньше, в основном — седьмой-восьмой класс, и почти все — из моей шестой школы.

— А мы вас видели в школе на линейке! Вы Бурову спасли! —

тут же заорали они.

— Конечно, видели, я ж там работаю! — усмехнулся я, сбрасывал рюкзак.

— Но не физруком! — почти обиженно заявил Белов. — Я думал, вы — физрук!

— А я — не физрук, — кивнул я. — Какое горькое разочарование. Чего расселись? Вы заниматься пришли или…

— … рожи корчить! — радостно подхватили они. — Разминаем голенстоп! Раз-два-три-четыре…

— Ох, ироды, доберусь я до вас в школе! — мне было приятно, что они так обезьянничают. — Посмотрим, на что вы способны, кроме как ногами в воздухе дрыгать…

— А кто такие ироды? — заинтересовались ребятки.

— А про царя Ирода Великого и ещё одного Ирода — Антипу вы должны были рассказывать на Истории Античности, — назидательным тоном заявил я. — А если нет — то приходите на факультатив, разберемся и с иродами, и со всеми прочими интересными персонажами. Но это — в школе. А сейчас…

— Разминаем коленный сустав! Раз-два-три-четыре! — заорали они.

И это было хорошо.

Солнце по-осеннему заходило рано, Днепр лениво катил свои воды, деревья на холме Детского парка уже начали ронять первые жёлтые листья, а на пляже, за мостиком, было не протолкнуться от купающихся. Воду, похоже, ещё не дали.

* * *

4. Инициация

Гутцайт меня напугала на той вчерашней совещаловке, если честно.

Все-таки в магической мире есть свои особенности, страшные и непонятные человеку из мира… Нет, не рационального. Но — куда более прагматического, материального. Директор с трибуны озвучила информацию для служебного пользования: об инициациях первого порядка, которые случаются чаще всего у подростков, во время пубертатного периода. У девочек это может произойти примерно лет с двенадцати, у мальчиков — с четырнадцати.

Что — это? Так, пустяки — проявление магических способностей. Спонтанное. Совершенно не очевидно, что именно становится катализатором: бывает, что инициацию провоцирует экстремальная ситуация вроде драки или всеобщего порицания, а бывает — первый поцелуй, или там — инфекционное заболевание. Весь ужас заключается в том, что точно также нельзя предсказать, какой будет эта самая инициация, в какой форме. Могут лопнуть все лампочки в кабинете, или — загореться одежда на ученике, или — в помещении резко похолодает. Ну и масса других вариантов, от превращения в животное до левитации. Магия!

Такие случаи считались максимально приоритетными. То есть — вся остальная работа школы единомоментно становилась вторичной. Один инициированный маг первого порядка для государства отказывался важнее учебного процесса тысячи ребят. Немедленно следовало провести эвакуацию, по возможности — изолировать новоиспеченного волшебника, и тут же сообщить опричникам. Ни при каких условиях нельзя было препятствовать инициации и причинять вред магу, даже если он начнёт крушить все вокруг и убьет кого-то. Под страхом лютой смерти запрещалось причинять чародею вред!

Просто кошмар какой-то. Колумбайн отдыхает. Куда там помповым ружьям и поясам шахида! Каждый из учеников — возможная бомба замедленного действия. На него наорешь — а он инициируется и изобьет тебя стулом не вставая с места, просто силой телекинеза. И ладно, если одного тебя… А если у него накипело и он ненавидит одноклассников? Все, аллес капут. Кровавое месиво.

При этом кое-какие положительные моменты все-таки имелись. Нам продемонстрировали несколько видео, с этими самыми инициациями, как первого так и второго порядка. Так

вот, первый порядок, в принципе, и ограничивался чем-то в стиле летающего стула. Одного. Или — разговора с животными. Или — беготни по стенкам. Магия проявлялась, но весьма ограниченно. Как, почему — в земщине мало кто разбирался. Элессаров намекнул что-то про энергетические каналы и резерв, но только усложнил понимание происходящего. Вот инициация второго порядка, которая случалось примерно до 21 года — там да. Там катастрофа. Или — нет. Потому что если инициация второго порядка не случалась, маг оставался «пустоцветом» — одарённым очень ограниченных талантов.

А второй плюс для школы — материальный. Все разрушения, причиненные учреждению образования во время инициации устранялись из опричного бюджета, пострадавшим выплачивали очень хорошие компенсации, и более того — матпомощь в следующем учебном году из Государева спецфонда обычно отказывалась более чем щедрой.

За последние десять лет в Вышемире случилось что-то около двух десятков инициаций. В шестой школе четыре года назад инициировалась девочка с явной склонностью к манипуляция с водой: тогда затопило все три этажа и спортзал, но в целом никто не пострадал. Вовремя отрубили электричество и вывели детей.

— Чем хуже школа, тем больше инициаций, — сказал зловещий шёпотом Элессаров. — Хочешь верь, хочешь — не верь. Третья школа — их участок это сплошной Зверинец, да еще и Снажья Слободка, а инициации почти каждый год. Один раз даже две — одновременно.

Вот и думай, как жить и работать после этого. Нет, мне-то фиолетово, я — нулевка. А дети? Как их защитить?

Я как раз шёл мимо магазина Рыбака, и остановился в раздумьях. Ну вот чисто теоретически — что я смогу сделать, если какой-то пацан или девчонка вдруг заполыхает как факел или начнёт биться током во все стороны? То есть, что делать я как бы знаю. Но КАК это сделать — непонятно. Да и нельзя.

Есть тут такая штука — негаторы, которые подавляют магию на некоторой площади. Они издавна известны, с античности — орлы римских легионов, например, работали именно так. А более-менее массовое, почти промышленное производство этих артефактов спровоцировало по всему миру волну социальных потрясений. Например, в России в 1917 году произошёл так называемый «Бунт Пустоцветов», или — «Революция Пустоцветов», название зависело от точки зрения. Кровавая попытка пошатнуть могущество старой аристократии породила хаос и анархию, Смуту, как здесь говорят. Были Смуты и до этого, связанные в основном с периодами безвластия или борьбы за

трон. Но местный вариант классовой борьбы, когда битва шла между классами не имущественными, а магическими, вылилась в миллионы и миллионы жертв, оказался самой серьёзной катастрофой не только для России, но и для всего мира.

Аналогии с нашей, земной революцией 1917 года и следующей гражданской войной вполне очевидны. Здесь, как и там все закончилось приходом к власти тирана и закручиванием гаек, но местный был не из революционеров, а из правящей династии. Тогда воцарился отец нынешнего Государя, и правил Иоанн Дмитриевич более полувека: магия не дарует бессмертия, но активное долголетие — вполне…

— Доброго дня, Георгий Серафимович, — поздоровался Рыбак. — Вы, наконец, надумали к нам присоединиться, или снова — за инструментами?

Я даже вздрогнул. Оказывается — ноги принесли меня в магазин, где я привык искать подходящее снаряжение для радикального решения вопросов. Не знаешь что делать — готовься к худшему, почему нет?

— Э-э-э-э… Я, господин Рыбак, думаю, мне нужно аптечку собрать, какую-нибудь экстремальную. Ну, удары током, ожоги, раны, переломы… Противошоковое, обезбол — в таком стиле. Ну и пару термических спасательных одеял… Есть у вас что-то такое? — я понимал, что тут у магазина профиль другой, но спросить-то можно? — Самоспасателей еще, наверное, не мешало бы, а то вдруг задымление, или ядовитый туман…

— Ты что это — в Хтонь собрался? — поднял бровь хозяин магазина.

— Нет, нет, просто учебный год начался… — откликнулся я, разглядывая новую партию военных ботинок и хороший выбор тактический перчаток.

— С аптечкой я тебе не помогу, но номер специалиста дам. Позвонишь, объяснишь что надо, она соберёт и цену честную скажет… — Рыбак достал откуда-то компактно сложенные термоодеяла и пару масок-самоспасателей.

И в этот момент из раздевалки вышел Криштопов в новых берцах и гражданской одежде. Тот самый «принципиальный милиционер», инспектор по делам несовершеннолетних, не помню, как эта должность тут называлась. Легендарная личность, между прочим!

— … вот я и говорю — органического происхождения! — он как будто продолжил разговор, который они тут вели без меня. — Никакой магии в земщине, в этом плане закон не нарушен, не опричная юрисдикция, а наша. Как будто кто-то набрал в пульверизатор ворвань, или рыбий жир, или какую-то такую

подобную жижу, распылил на засранцев и поджег! О! Пепеляев! Тебя ведь тоже опрашивали, да? Ты ведь там недалеко на турниках висишь по вечерам…

— Это вы о чем? — посмотрел в потолок я.

— О том случае, с бандитами! — надавил голосом Криштопов. — Между прочим мы уже выяснили — с двумя из них ты прямо тут бодался, на крыльце магазина! Месть — чем не мотив?

— Ну бодался, ну. Тоже мне — секрет Полишинеля. И началось все в ателье, где они на швею наехали, а не тут, на крыльце. Хамы и быдло. Я бы и сейчас с ними пободался, выпади такая оказия… И вы бы пободались, и вот — господин Рыбак тоже. Гады они потому что, с такими если не бодаться — совсем жизнь дерьмовая настанет. А в тот день тренировки не было, кстати. Из-за этих типов. Они мне пацанов напугали, вот и пришлось сделать перерыв… Да и до места этого сожжения там километра полтора от турничков, не меньше. Ничем помочь не могу, пояснить по существу нечего. Я это уже в письменном виде излагал.

Нервов мне тогда потрепали знатно, спасло только, что пацаны никому ничего не сказали — догадались разбежаться по домам и помалкивать. Нет, между собой трепались, конечно, и полмесяца на меня посматривали странно и с восхищением, но я виду не подавал, хотя дракон требовал немедленно принять почести и преклонение со стороны жалких людишек.

— Ладно, ладно, не кипятись, — примирительно поднял ладони милиционер. — Обвинения никто предъявлять не собирается. Сдохли и сдохли. Это представьте: там восемь из них только вышли из мест лишения свободы, по очередной амнистии, и сразу — к браткам своим, отмечать. Сидели за разбойное нападение! Кто их вообще выпустить додумался? Ну, теперь все равно уже… Братки, видимо, рот раззявили на кусок, который явно не в силах проглотить. Я не для протокола скажу: если бы кто-нибудь ещё пару-тройку раз так с огоньком подобное дело провернул — мы бы там у себя не сильно расстроились.

— Ну, кое-кто из ваших бы расстроился, — хмыкнул Рыбак. — Такие доходы.

— Да, — погрустнел Криштопов. — Кое-кто уже расстроился. Крысы конченые.

— Виталий Михалыч! Ну так вступай к нам, выдвигайся и голосуй! Будет сервитут — будешь начальником полиции! — рубанули воздух ладонью Рыбак.

— Да зае… Достал ты уже меня со своей политикой! — вызверился милиционер. — Не верю я! Не верю! Кого ты за собой

потащишь еще? Холода? Звертовского? Гойко? Швайнштайгера? Мне одним списком идти с бандитами и торгашами? Рыбак, я тебя уважаю, и репутация у тебя есть, ты мужик честный и слово держишь, но вся эта банда — за каким хреном она тебе?

Хозяин магазина и глазом не повел. Я думал — оскорбится, ан нет, аргументировал словесно:

— Это — люди дела. Всех задолбала говорильня нынешнего земского предводителя. Народ хочет чтобы городские власти перестали забалтывать проблемы и начали дела делать! Каким угодно образом! С нами у руля в Вышемире наконец начнёт что-то происходить. Какой-то прогресс, развитие. Второе дыхание, если хочешь. У нас будет цель — сервитут, и стремление решать свою судьбу самостоятельно! Если мы с тобой будем работать вместе — то удержим их в рамках. Ты ведь вышемирец, коренной, тебе не может быть наплевать…

— А потом Холод и его братец продадут сервитут Радзивиллам! — рявкнул Криштопов. — По кускам! То есть продавать станут другим таким же деловым людям, но за каждым из них будет стоять подпанок с мешком денег от ясновельможных! Ой, да не делай вид что ничего не знаешь! Этот жирный боров владеет поместьем в Несвижской юридике, и занимается вместе с Кшиштофом Радзивиллом Гомельским направлением…

Тут, кажется, милиционер понял, что хватило лишнего, и злобно засопел.

— Однако, похоже, я зашёл не вовремя, — проговорил я. — Если можно — дайте номер вашего специалиста, ну, который аптечку соберет, и я пойду. Мне ещё к урокам готовиться, у меня вторая смена сегодня.

Эти двое разве что искры из глаз друг в друга не пускали. Рыбак начирикал цифры на листке бумаги, принял у меня оплату за термоодеяла и самоспасатели и сказал:

— До свидания, Георгий. Вы тоже — подумайте. А Валентина Михайловича я думаю, всё-таки тоже перетянем на свою сторону. Вопросы надо решать, дела надо делать. И никто кроме нас этим заниматься не собирается.

Вышел я из магазинчика в состоянии лёгкого недоумения. Пищи для размышления добавилось: приближающиеся выборы в Земство, явный намёк на коррупцию в милиции, ещё эта история с братом Холода… Да и имя Кшиштофа Радзивилла показалось мне знакомым!

Я остановился прямо посреди тротуара и полез во внутренний карман костюма и достал оттуда тонкую пачку пластиковых и картонных прямоугольничков в канцелярском

зажиме. Не так-то у меня и много их было, всех этих скидочных карт и визиток, но потратить минуту, перебирая их, пришлось.

— Kshishtof Kazimir Radzivill, — прочёл я и уставился на герб из трех охотничьих рогов.

Эту визитку мне дали маги, которые посетили больничку в Гомеле, где я оказался после встречи с драконом. И в окружении того мажора с порочный лицом и в странном кафтане был только один жирный боров. Я как-то, помнится, с лестницы его спустил и пинками из подъезда выгнал. Однако, индийское кино получается!

Но если вспомнить фокусы с температурой в помещении, которым я сам, лично был свидетелем, и наложить такой расклад на прозвище Холода, то сомневаться не приходилось: Криштопов имел в виду именно Жевуского!

* * *

Какая-то ж-ж-женщина без меня наводила порядок на моем рабочем столе. Более того — в моих ящиках.

Сильнее всего на свете мне в данный момент хотелось найти её и скинуться душить с воплем «Молилась ли ты на ночь, Дездемона?» Нет, я прекрасно осознаю, что работаю в школе, что у нас учителя и ученики переходят из кабинета в кабинет, что в общем-то в школе все для всех, но есть же какие-то приличия!

И главное — черта с два теперь докопаешься, кто именно из тех семи или восьми сердобольных женщин, что проводили время в моем кабинете со вчерашнего вечера до третьего урока второй смены дня сегодняшнего. Разложила же какая-то заботливая сволочь по стопочкам! Листики — к листикам, учебники — к учебникам, пособия — к пособия, распечатки — к распечаткам! Скорее всего — какая-нибудь лингвистка! У них-то это могло проканать, если ведёшь один эльфийский язык, то и пособия и учебники у тебя только по эльфийскому. А у меня — четыре предмета! Две истории, обществоведения и география! И есть листочки географические, есть обществоведческие, есть всемирноисторические и краевоисторические. Были. Теперь же — есть стопочки.

Скотина сердобольная, позаботилась о несчастном мужике, который не умеет свое рабочее место в порядке содержать. Пропадаю, понимаете ли, без женщины! Да если ты не видишь тут порядка — это не значит что его нет! У меня четыре стопки на столе, для четырёх предметов, и материалы в них разложены по порядку — урок за уроком, как они стоят в МОЕМ расписании.

— ТОТ МУЖИК СКАЗАЛ ЧТО МЫ МОЖЕМ ЕЩЁ КОГО-НИБУДЬ СЖЕЧЬ! — впервые после церкви подал голос дракон. — ДАВАЙ СОЖЖЕМ ЭТУ СУКУ. НЕТ! СНАЧАЛА ОТТРАХАЕМ — А ПОТОМ СОЖЖЕМ! ЭТО БУДЕТ ПРАКТИЧНО.

Я его опять проигнорировал. Во-первых потому, что никого сжигать не собирался. Во-вторых, потому что «воук не палюе там, дзе жыве», то есть — «волк не охотится там, где живет». В контексте его предложения про траханье это означало, что никаких служебных романов я заводить категорически не собираюсь. Чревато. И в третьих — ну ладно, если это реально лингвистки. А если математичка тут с какого-то перепуга урок проводила? Или — кто-то из администрации? Какое уж тут траханье, свят-свят-свят!

Прозвенел звонок. Во вторую смену они звучат особенно громко: детей в школе остаётся мало, обычно — третьи и четвёртый классы в началке, и шестые-седьмые — на верхних этажах. Раздался грохот хлопающих дверей, а потом топот, такой, будто по степи скакали непобедимые тумены Чингисхана. Сейчас, сейчас они заорут «алга!» и ринутся в атаку!

— А-а-а-а!!! — предчувствия меня не обманули, школьники дикой ордой вырвались в коридоры и помчались.

Просто — помчались, и всё. Способность ребятишек от шести до двенадцати лет бегать и орать полчаса кряду меня всегда приводила в недоумение. Ну как такое у них получается, это ведь как минимум утомительно!

Вопли в коридоре стихли, но до моего кабинета не докатились. Я заподозрил неладное, тягостные предчувствия поселились в моей душе. Нужно было в них удостовериться: найти расписание и посмотреть в него, но тщетно! Сердобольная коллега ведь навела у меня тут порядочек, зараза такая… Добравшись до самого дна самого последнего ящика я нашел заветную табличку и горестно вздохнул: ко мне придут дети после физкультуры!

Это очень плохо. Разгоряченные, набеганные, всклокоченные и, чего уж тут, вонючие мальчики и девочки прибегут с большим опозданием, потому что шестиклашка, который принимает душ после занятий спортом и потом быстро и опрятно одевается — это фантастическое существо. Не встречал я таких…

Так что нужно было принимать меры упреждающего характера.

Я достал из шкафа роскошную карту Древней Руси десятого-одиннадцатого века — с Полоцким и Туровским княжествами которые располагались на территории привычной мне Беларуси и Путем из варяг в греки — он проходил аккурат по Днепру через

Вышемир и повесил ее на доску. В два щелчка мышки отправил на печать на принтер (привет инфантилу Сатырову!) портреты Владимира Святославича прозванного Красным Солнышка, полоцкого князя Рогволода, его дочки Рогнеды и их совместного с Владимиром сына — Изяслава.

Эх, хорошо быть богатым учителем! У меня и магнитики цветные есть, и мелки яркие — так что я размалевал доску схемами и терминами во всех цветах радуги, прицепил портреты и вообще создал торжественный вид. Ну и все светильники в кабинете зажег, даже — над доской, чтобы контраст после полумрака коридора чувствовался. Для пущего эффекта оставалось только надеть пиджак, застегнуться, расчесать волосы и бороду, и отвернуться к окну. М-да, чтобы многозначительно разглядывать, как идиоты-семиклашки щупают цыцки у скульптурной дриады на фонтане.

Класс начал прибывать мелкими группами, минуты через три после звонка.

— Ой, — сказала лохматая девочка в мятой блузке, входя в кабинет.

— Ого, а что это у нас такое тут? — удивились два пацана всклокоченных и потных до невозможности.

— А это чего — открытый урок что ли? — еще одна компания шестиклашек замерла на пороге, почесывая свои красные и разгоряченные лица.

— Это какой-то новый учитель-на? Мужик-ять! — я просто затылком почувствовал присутствие орчат в кабинете.

Обернулся на каблуках, обвел столпившихся у задних парт детей взглядом, и как можно более спокойным, размеренным тоном произнес:

— Присаживаемся на свои места, готовимся к уроку. Достаем учебники, тетрадки, ручки.

Им совершенно точно нужно было дать еще минуты четыре — дошушукаться и досуетиться, и тратить свой авторитет на то, чтобы орать на них и бегать по рядам я не собирался. Собрался — и вышел из кабинета под их недоуменными взглядами. Ну а чего? Водички схожу попить, а потом как выскочу, как выпрыгну и начну про феодализм вещать… Главное, дверью ляпнуть как следует. Это всегда работает!

Но тут важно не переборщить: все-таки громкость ляпания стоит контролировать, шестиклашки — не выпускники, еще обдрищется кто-нибудь, что делать буду?

* * *

вот на этом самом моменте книжке можно уже и лайк поставить, а на автора — подписаться)

5. Вечерняя школа

— Игра называется «Кто я?» Правила очень простые, — во рту уже пересохло, а к последнему уроку вода в бутылке кончилась. — Становишься лицом к классу, за твоей спиной на доске кто-то пишет любой термин или имя любого исторического персонажа, которого мы проходили сегодня на уроке, и ребята из класса должны тебе объяснить, что или кто там написаны. Не используя однокоренных слов. Знаете, что такое однокоренные слова?

— Ну, например, если вы напишете «булочка с маком», то нельзя говорить, что это хлебобулочное изделие! — сказала худая как щепка шестиклашка с интересной фамилией Дощечко.

Звали её Даша. Даша Дощечко. У неё мама работала в хлебном магазине, поэтому она знала такие сложные слова.

— Именно! Вперед, Дощечко! — я взмахнул рукой. Ты — первая!

Девочка вышла к доске, весь класс пялился на нее, ей было страшно. Игра новая, ситуация стрессовая и необычная, и тут даже знакомые лица одноклассников, которых она чуть ли не с рождения знает, козьими мордами покажутся.

— Я напишу первый, — предложил я. — Чья подсказка позволит тебе угадать термин — тот становится на твоё место, а ты пишешь уже ему. Ребята, поднимаем руки, Даша сама выберет, кто будет ей подсказывать.

Конечно, я написал «FEODALIZM». Леса рук не было, но человек пять заактивничали:

— Это так жили в средневековье все люди! — бывают такие — смелые, но непродуманные ребята.

— Это когда у кого земля, тот и главнее! — довольно близко к истине, накину ему пару баллов в конце урока.

— Вассал моего вассала на него нассал! — куда ж без этого?

Оригинально до ужаса. Такое надо пресекать, хоть и очень сильно не хочется. Придётся делать строгий вид…

— Вставай, Антонов… — хмурюсь я. — Ты на каком уроке сейчас находишься?

— На истории… — он думает, что я сейчас ругать его буду за слово «нассал», но ни разу Антонов не угадал.

— На какой именно истории? — вопрошаю как можно более серьёзным тоном.

— На истории Беларуси… То есть — на истории края и государства Российского! — не такой он и дундук, каким хочет казаться. Еще и Беларусь вспомнил, хотя тут это и не очень популярно.

На уровне «Сибирь, Кавказ, Поморье, Кубань, Урал, Беларусь…»

— А про вассалов это откуда? — ситуацию надо додавливать, иначе они ничего не поймут.

— Это из всемирной… — замялся Антонов. — То есть — из Истории мировых цивилизаций! Мы когда про Европу проходили, то…

— А сейчас мы что проходим?

— Ну, Древнюю Русь. Историю края в этом… В контексте истории государства Российского! — снова повторяет он.

— А у нас схема про «вассал моего вассала не мой вассал» в Древней Руси работала? — я оглядываю класс, который замер, как бандерлоги перед удавом Каа. — Или может быть — сейчас работает?

— Э-э-э-э… Нет? У нас все подчиняются Государю — и аристократы и…

— … дегенераты, — киваю я. — В Древней Руси не было как таковой феодальной лестницы, никаких герцогов-графов-баронов, только князь — чаще из Рюриковичей — и его дружина, которые при этом в течение своей жизни могли несколько раз поменять княжество. А века эдак с семнадцатого и до сих пор у нас все равны перед царем — независимо от сословия, расы или богатства. Приказ Государя важнее, чем приказ непосредственного начальника. Понял, Антонов? Это наша, местная особенность. Местная специфика этого самого термина, который за Дощечкой на доске написан.

Все похихикали от случайного дебильного каламбура, а Антонов буркнул:

— Понял… — я вообще заметил, что несмотря на свою показушную борзость, этот Антонов — парень неплохой.

Просто возраст у них такой — перед одноклассниками выпендриваться, свой статус утверждать. Бесят неимоверно, особенно — пацаны, но деваться некуда, будем тащить образовательный процесс дальше.

— Еще раз так затупишь — два поставлю. Не за поведение, а за то, что материал не знаешь, соображаешь? — поднимаю бровь я.

— Понял, — снова кивает парень и садится на свое место.

— Ну и хорошо. Дощечко, догадалась что за термин? — оборачиваюсь я к Даше, которая так и стоит у доски.

— Ага! — кивает девочка и её хвостики мотаются из стороны в сторону. — Это — феодализм! А пускай теперь Антонов к доске идет, а я ему напишу…

Делать нечего, к доске прется местная звезда и корчит

зверские гримасы, урожая одноклассснице убийством. А она ему язык показывает и пишет: «GORISLAVA». А молодец девчонка, запомнила про три имени княгини Рогнеды… А вот Антонову придётся помучиться — он-то в это время на щелбаны в «камень-ножницы-бумага» играл с соседом…

* * *

Девятнадцать тридцать. Уроки закончились! Я, ничтоже сумняшеся, закидываю ноги на стол и, балансируя на задних ножках стула, пытаюсь прийти в себя. Ударная доза преподавательства, да во вторую смену, да у самых отшибленных классов — шестых и седьмых — это невероятный комплекс ощущений. Примерно как если бы человека засунуть в стиральную машину, задать программу отжима на самой высокой скорости, вместе с тем сделав ему трепанацию и взбивая миксером мозги.

— Георгий Серафимович! — в дверь кабинета постучала и тут же вошла биологичка Надеждина: высокая, худая, в строгом костюме. — Можно? У меня к вам профессиональный разговор.

Ее явно бесили мои ноги на столе, и тот факт, что я качаюсь на стуле. Но этот стол и этот стул я купил сам, и пол покрасили тоже за мои деньги. А детей в школе уже почти и нет, стесняться некого. Так что она может прожигать меня взглядом сколько угодно долго. С другой стороны — женщина в кабинет вошла, надо проявить уважение…

Я снял ноги со стола, отодвинул стул, встал и принялся вытирать с доски.

— После ваших уроков я не могу детей угомонить. Они просто не замолкают! — в ее голосе была полная уверенность в своей правоте.

— А я после ваших уроков не могу детей разговорить. Из них слова клещами не вытянешь, — я отцепил все магнитики и стал складывать карту.

— Ну, знаете!… — Надеждина ушла, хлопнув дверью.

А я стукнул лбом о доску. Люблю и уважаю олдскул, но сам — не умею, не могу, не практикую. Без меня как-нибудь.

* * *

Меня всерьёз клонило в сон, когда я вёл «Урсу» по Светлогорскому шоссе. Нужно было загнать машину на

техосмотр: казалось, её ведёт вправо во время движения, и изо всех автосервисов Вышемира я имел какое-никакое представление только про один. Тот, которым владел Вождь, тот самый лихой молодой снага.

Ну да, может, это и глупости — отдавать такую машину на растерзание оркам, но у меня были свои резоны. Конечно, гномы в технике разбирались досконально, но и деньги драли нещадно. Плюс очереди у них серьезные, так что простоит мой броненосец там несколько дней, если не недель. Кхазады ведь в плане железяк и машинерии — дотошные до ужаса, настоящие перфекционисты.

Многоэтажки с желтыми от электрического света окнами и яркие витрины магазинов я проехал, теперь за окном мелькали редкие деревья и бескрайний Вышемирский частный сектор. Наконец и он закончился, и я пялился в ночную тьму, чтобы не пропустить нужный мне съезд с трассы.

Колеса прохрустели по мелким камешкам и песку, «Урса» слегка качнулась. Гравийная дорога вела меня среди гаражей и полузаброшенных складов, железных ангаров и покосившихся заборов.

Загони машину к людям — так знакомых у меня автослесарей нет, а отдай незнакомым — так себе лотерея получится. Может, вообще мои оригинальные детали поменяют на паленые раджпутанские. Или чжурчжэньские. Ну, и по деньгам нагреют, это как пить дать. Чтобы в автосервисе — и не нагрели?

По поводу орков у меня имелась своя идея и свой опыт. В том мире, на Земле, я знавал цыгана по имени Роман, по фамилии Иванов и по кличке Майкл Джексон. Он тоже владел автосервисом и был великолепным специалистом и честнейшим человеком. Потому что негативную репутацию древнего кочевого народа и букет стереотипов можно перебить только твердыми принципами и железобетонными фактами, такими, чтобы каждый из клиентов мог сказать:

— Ну и что, что цыган? Вон как тачку мне сделал — за-е-мечательно!

А Джексоном его звали, потому что этот цыган классно танцевал. Даже на сцене выступал в коллективе современного эстрадного танца. Такие вот бывают выверты.

По поводу Вождя у меня тоже имелись похожие подозрения, хотя произойти могло всякое. Например — я вот сейчас заеду за эти увитые неоновой гирляндой ворота, и на меня тут же набросятся зеленые молодчики с монтировками, оприходуют по голове и поминай как звали… Может, даже убьют. И съедят. Едят ли орки людей — вопрос хороший. Гоблины вроде как все едят,

они навроде крыс в этом плане, а вот насчет снага такой уверенности не было.

Я остановился перед воротами и побарабанил ладонями по рулю. Вообще-то было уж поздно, приличные люди в это время дома сидят, телевизор смотрят, а не по криминогенным окраинам шарятся. С другой стороны — за воротами спать никто не собирался: гремела музыка — какая-то странная смесь дабстепа и регги — искрила сварка, слышался визг болгарки и грохот металла о металл.

Вряд ли они услышали бы меня, если бы я стал стучать. Потому — посигналил. Голосок у «Урсы» — аки рев медведя-шатуна! Точно — услышали!

Одна из створок ворот приоткрылась, и наружу высунулась орочья рожа в защитных очках:

— Ты хто-ять? — спросила рожа.

— Клиент! Машину на техосмотр и ремонт пригнал, — выглянул в окно я.

— Ого-нах! Прям сам прям к нам-ска? Вот так врот взял и пригнал? Во-о-о-ождь! Тут какой-то рыжий хер у нас классную-нах тачку починить-ять хочет! — на зеленой морде застыло выражение искреннего удивления.

С той стороны ворот даже музыку заглушили, а потом целая толпа орков вывалила наружу.

— Ога! — сказал один. — Дык! Ска, ять. Это Пепеляев-нах. Препод-врот. Он у моего мелкого историю ведет-нах и это… По турничкам-врот скачет. Серафимыч, во!

— У препода-нах такая тачила-врот? — засомневались орки и стали переглядываться.

А потом ворота открылись пошире, и появился Вождь. Молодой, зеленый, с шикарной копной черных волос, красивый настолько, насколько снага в принципе могут быть красивыми. Его мускулистый татуированный торс был обнажен, на шее болтались амулеты, бусы и зубы каких-то тварей, запястья — защищены браслетами из толстой кожи, кожаные же штаны — заправлены в военные ботинки.

— Добро пожаловать, — сказал Вождь. — Сардэчна запрашаем. Мы всегда рады новым клиентам, да, пацаны?

— Ага, ага!- закивали зеленокожие пацаны. — Давай-нах, заезжай на эстакаду!

И я заехал, что уж там? Пугаться и давать заднюю было уже поздно.

У них на территории вообще оказалось довольно уютно: много железяк, старых машин — в том числе и бензиновых — неоновых светильников, граффити, огня и дыма. Но — чисто!

Никакого разлитого масла или разобранных под открытым небом двигателей. Функциональные боксы гаражей со всем необходимым оборудованием и инструментами, обжитая «контора» — бывшее двухэтажное административное здание, смотровые ямы, эстакады, кран-балки и манипуляторы… Солидно!

Вождь сам полез под капот и под днище моей «Урсы», предварительно выслушав объяснения о том, что машина досталась мне из конфиската, и что там у нее внутри можно найти — я понятия не имею. Да и сами сыскари, которые мне ее передали — похоже, тоже.

— Не, ну конфискат — понятно, — молодой владелец автосервиса вылез из-под моего внедорожника. — Но где так преподы в школах пашут, что на «Урсу» хватает?

— Я подрабатываю, — смотреть на ловкие ухватки орка было приятно, он явно знал толк в авто. — Частным порядком.

— О! — Вождь вытер руки полотенцем и стянул с головы налобный фонарь и бандану, которой были перетянуты его патлы. — Репетиторство, что ли?

— В принципе, и репетиторство тоже, — уклонился от прямого ответа я.

— А еще учеников берешь? — этот вопрос вкупе с испытующим горящим взглядом орочьих бельмищ застал меня врасплох. — Новых.

Вождь был ниже меня, ростом что-то около метра семидесяти — но довольно высокий для снага и сложен пропорционально, говорил правильно и вообще — казался очень человечным.

— Мне нужен этот, как его… — необычный орк пощелкал пальцами. — Ликбез! Культрпросвет!

— Ты где это таких слов нахватался? — удивился я. — Ты же вроде школу бросил!

— Ну-у-у… Почитываю то одно, то другое… — смутился снага. — Короче — нужен репетитор мне, чтобы разобраться, как все устроено. Там, какие страны в мире, как всякая политика работает, откуда орки произошли, чего в бошках у баб делается…

— Однако, ты хватил! В бошках у баб! Сие тайна великая есть! — рассмеялся я. — Но в общем я даже заинтригован и готов взяться. В принципе, мы можем разбирать с тобой тот же школьный курс обществоведения, только расширим парой обзорных занятий по истории и географии… Но сначала — ответь на один вопрос, Вождь…

— Че? — насторожился он.

— За каким бесом тебе это надо? — в лоб спросил я.

— Черт… — молодой орк почесал нос и запачкал его в

мазуте. — Ну, ладно. Скажу честно: я к Бабаю Сархану хочу. Но — не просто так, в обычные пехотинцы, а важным кем-то! Вот — автосервис у меня, пацаны рукастые и зубастые… Это хорошо, это Бабай оценит. Он любит снага, которые умеют решать вопросы и делать дела, а не только хату разносить и матом ругаться. Кстати — я не ругаюсь, заметил? Я сильно стараюсь, если честно, ага. Так Бабай — он не просто орк, он такой… Ну… Он почти как пророк для нас, чтоб ты понимал. Такого орка со времен Аспаруха не было, а? Личность!

Я сразу ничего не понял. А потом до меня стало постепенно доходить. Бабай Сархан и его «Орда»! Та самая ЧВК, которая еще и франшиза быстрого питания! Какая-то странная автономная структура, форма самоорганизации в основном для орков — уруков, снага, троллей, гоблинов — но при этом без расовых и национальных предрассудков.

— И что — этот ваш пан-атаман оценит широкий кругозор и общую эрудицию? — засомневался я.

Конечно, тот же Бахар Двухголовый или тролль Барбакан из Мозырской «Орды» были личностями примечательными, но увлечения социологией и политологией за ними я не заметил.

— О-о-о, да! — закивал Вождь, и в глазах его загорелся фанатичный огонь. — Он всегда говорит, что мы боремся за звание Орды высокой культуры труда, войны и быта. Мы не вытираем хрен об занавески, не материмся при дамах, моем руки перед едой и вообще — за все хорошее против всего плохого. Причиняем добро, наносим радость и доставляем невыносимое счастье! Я мечтаю встретиться с ним лицом к лицу и присягнуть ему… Моя жизнь принадлежит Орде — вот что я ему скажу! Лок-тар огар!!!

— Лок-тар!!! — откликнулись остальные орки.

Они, похоже, разделяли убеждения своего лидера.

— Однако! — тут определенно пахло матерым прогрессорством, дон Румата Эсторский просто в гробу бы перевернулся от такой социальной инженерии.

А не попаданец ли этот их пан-атаман часом?

— Так что с машиной? Беда? — постарался сбить их пафосный настрой я.

— Да! — тут же настроился на деловой лад Вождь. — Но нет. За два часа сделаем, там…

Тут он стал говорить что-то на электрокарском языке, а я в этом не очень разбирался. Я вообще в авто не очень. Раньше мог разве что масла долить, колесо поменять и аккумулятор новый поставить, а теперь, с этим электрическим безумием и вовсе потерялся. Так что мне оставалось только спросить:

— Сколько с меня?

— Десять. Десять занятий для меня и для всех нас! — решительно заявил Вождь. — Нам нужно повышать образовательный уровень! Вот будем ремонтировать — а ты рассказывай! Ленку посажу записывать, потом еще раз все перечитаю…

— Да и бес с вами, — отчаянно махнул рукой я. Что я, оркам посреди автосервиса курс лекций не прочитаю? — В конце концов, что такое сон вообще? Сон — для слабаков! Начнем, пожалуй, с происхождения государства…

* * *

6. Деструдо

Утром я едва вырвался из объятий сна: вздремнуть удалось часа два, не больше, потому голова ощущалась квадратной.

А еще — я впервые тут, на Тверди, проснулся со стихотворением в голове. Не то, чтобы я сильно люблю поэзию, но кое-что из культурного наследия твердо втемяшилось в голову и иногда всплывало — в основном по утрам. И потом преследовало меня весь день. Например, сегодня это был Есенин:

— Шум и гам в этом логове жутком,

Но всю ночь напролет, до зари,

Я читаю лекции оркам

И с кхазадами жарю спирт! — продекламировал я, глядя в зеркало на свое заспанное лицо.

Бриться, завтракать и прихорашиваться было некогда: плеснул в морду холодной воды, надел свежую рубашку, брюки, ботинки поудобнее — и побежал на выход.

День обещал быть адовым, потому как к нам в Вышемир приезжали актеры из труппы Виленского Великокняжеского драмтеатра. Они ставили спектакль на белорусском языке под названием «Чорная панна Нясвижа». То есть — «Черная панна Несвижа», если кому-то непонятно. За каким бесом нужно показывать детям романтизированную историю последнего Великого Князя Литовского из династии Ягеллонов и первого короля Речи Посполитой Сигизмунда Августа про его великую любовь с Барбарой Радзивилл — это отдельный разговор. Но вопросы такие решаю не я, я — веду на постановку десятый «а», тот самый, где Кузевич, Легенькая и Ляшков, и прочие интересные персонажи.

Почему я? Потому как что такое история и география по сравнению с указиловкой сверху, из самого Гомеля — чтоб все дети с восьмого по десятый класс обязательно посетили театр! Мол, повышали чтоб культурный уровень. Лучше бы Мольера там поставили или Островского — ребятки хоть посмеялись бы. А то — Радзивиллы… У меня от этой фамилии уже оскомина на зубах образовывалась, и начинали мерещиться заговоры и злонамеренность даже в обычном театральном представлении…

Так что, раз у меня пятый и шестой урок в десятом классе — значит, будь любезен, Георгий Серафимович, вместо Корейской войны (тут тоже такая была, и примерно в то же время, что и у нас) и истории Российско-Авалонского противостояния в Азии веди десятиклассников в Земский дом культуры… С другой стороны, десятый класс — это нормально. Был бы шестой — там

хоть вешайся.

«Урса» после орочьего автосервиса вела себя отлично. Несмотря на позднее время и долгие разговоры про общественный договор, войну всех против всех, естественные права и естественные же законы, сработал Вождь зеленокожих как положено, любо-дорого кататься!

Задумавшись, я проехал свою любимую парковку — подальше от школы и поближе к магазину — и потому пришлось искать место рядом с калиткой. И — конечно же, я спалился!

Вылезая из машины, я мигом оказался под прицелом двух десятков глаз: восьмиклассники — Бурова, которая на линейке была зеленая, Игнатов, которого тошнило, и самый умный из всех гоблиненок Яша из зверинца, а еще шебутные, но толковые ребята Жаркин, Невзорин и Морковкин, и четверняшки снага — все они с открытыми ртами пялились на «Урсу» и на меня, из нее вылезающего.

— Будете хорошо учиться и много работать — у вас тоже такие же будут, — сказал я как можно более убедительно, хотя сам себе не верил. — Главное, ребята, четко понять, что ты можешь, и чего ты не можешь — и действовать в соответствии с этим пониманием. А теперь — кру-у-угом! На уроки — шагом марш! Третьим уроком — ко мне, будем говорить про географию отечественного автомобилестроения и про «Урсу» — тоже. Понятно?

— Поня-а-а-атно! — протянули восьмиклашки.

Растрендят всей школе, точно. Будут говорить, что я мафиози и в Гомеле собираю бабки с ларьков в районе вокзала. Или еще что-то подобное. Потому что учитель — это кто-то нищий и несчастный. А если нет, то или бандит-мошенник, или муж у нее хорошо зарабатывает. Второй вариант точно не про меня, стало быть — все кристально ясно.

Ничего, стереотипы надо ломать. Вождь смог, а я что — хуже, что ли?

* * *

Столовая вообще и организация питания в земских школах в частности — священная корова всей системы образования. Все дети России обеспечиваются бесплатным питанием в детских садах и школах за счет Государя! Ты не кушаешь припущенную рыбу, синий омлет, холодную овсянку и тушеную морковку? Значит, не уважаешь Иоанна Иоанновича! Аргумент более, чем свирепый, но не особенно эффективный. Государя дети уважали и

даже в общем-то были ему благодарны, особенно — те, которые родились в малообеспеченных семьях, но ситуация в целом была классической: младшие давились и ничего не ели, старшим не хватало. Ничего удивительного.

В нашей школе столовка была средней паршивости. Вся выкрашенная голубенькой краской, с обшарпанными столами и тяжелыми табуретками, выщербленным и замазанным сверху вечным суриком дощатым полом. Гутцайт планировала отремонтировать ее в следующем году, пока — средств не имелось, руки не доходили.

В буфете почти ничего не продавалось, кроме отрубных хлебцев, шоколадных батончиков и сока с мякотью, а на кухне работали два типа поваров: старые толстые женщины, которые подворовывали, и молодые сутулые юноши, едва-едва окончившие кулинарный колледж. Не лучшие из его выпускников точно, лучшие после выпускного шли в рестораны. Так что еда тут тоже предлагалась так себе — средней паршивости.

Сегодня была среда, а в среду расписание оказалось составлено таким причудливым образом, что на мою долю выпадало водить в столовку народ почти каждую переменку. После второго, третьего и четвертого урока. Шестой, восьмой и десятый класс соответственно. Но десятиклассники — здоровенные лбы, им ждать четыре часа не улыбалось. Молодые организмы хотели горючего в топку прямо сейчас!

Кое-кто их них кучковался в столовой вдоль окон, начиная со второй перемены и голодными глазами смотрел на уныло ковыряющихся в своих порциях мальчиков и девочек из четвертых, пятых и шестых классов, искренне не понимая, как можно не есть синий омлет! Это же еда-а-а!!!

Я тоже лет до десяти ел очень медленно, мог полтора часа над тарелкой молочной гречки провисеть. А лет в пятнадцать-шестнадцать наворачивал ту же гречку со страшной силой, после меня вообще оставался только стол! Так что десятиклассников понимал прекрасно, и их дикий возглас:

— Куда-а-а, малой? Ты че, офигел? Совсем тю-тю? — его я тоже понимал очень хорошо.

Малой уносил на выброс тарелку с оладушками. Большие, пышные, поджаристые, с джемом! Что-что, но оладушки у поваров получались отлично, и даже привередливые пятиклашки хоть по одной — но съедали. А тут… Пацан совершал настоящее кощунство — хотел выбросить такой деликатес прямо перед носом у полудюжины голодных старшеклассников!

— Что вы к нему пристаете! — завопила одна из лингвисток, которая привела пятиклашек в столовую. — Отстаньте от

мальчика.

Мои шестиклашки особо не буянили, так что я решил вмешаться в ситуацию:

— Елена Владимировна, ну, какая разница, пусть ребята съедят! Иначе он отнесет на выброс, и оладьи достанутся свиньям Коха.

— К-к-каким свиньям? — девчоночка-учителка была что надо, лет двадцати двух, стройненькая, голубые глазки, брюнетистая челочка, аккуратный носик, туфли на каблуках, юбка-карандаш до колен и белая блузочка.

Но тупенькая.

— А куда, вы думаете, остатки еды деваются? Вон — в ведро. Ведрами и продают пищевые отходы. По дешевке может приобрести любой желающий. Конечно, их приобретают работники столовой и используют как угодно. У Коха — четыре свиньи, он откармливает.

— Не положено же… — захлопала глазами она. — Они же у детей еду отбирают!

— Да не едят дети, на выброс целые порции идут, давайте будем называть вещи своими именами! Вот смотрите, — я глянул на своих шестиклашек и гаркнул: — Кто не хочет есть котлеты и оладьи — поставьте их на этот пустой стол!

Шестиклашки — кроме тех, кого дома плохо кормили — любили есть компот с хлебом. И картофельное пюре. А школьные котлеты в панировке из сухарей не любили и свекольный салат — тоже не очень. Оладьи любили, но одну, а не две. Потому на пустом столе мигом образовался значительный запас провизии.

— Кузевич, Ляшков! Кто там еще? Идите все сюда, ешьте…

— О-о-о-о, Серафимы-ы-ы-ч! — парни набросились на еду, как голодные волки.

— Не положено же… — Елена Владимировна вообще не понимала, что я вытворяю. — Вон, директор же дежурит, сейчас будет вам…

Гутцайт действительно двигалась в нашу сторону, неодобрительно глядя на меня.

— Если бы к нам сейчас пришла проверка — мы бы имели бледный вид, Георгий Серафимович, — сказала Ингрида Клаусовна.

Пацаны начали есть быстрее, тревожно посматривая на директрису, а я почесал бороду и проговорил:

— Но проверка не пришла. А десятый «А» теперь будет хорошо себя вести на русской литературе и не сделает нервы Галине Ивановне, потому что сытый мужик — это добрый мужик, верно говорю? — последнюю фразу я выделил интонацией в

сторону десятиклассников.

И они, эти здоровенные лбы, тут же согласились со мной:

— Да-да-да-да… — и стали жевать еще быстрее.

После четвертого урока, перед самым выходом в театр, они ели ещё раз, уже свои порции — с не меньшим аппетитом. Правда, оладий старшеклассникам не полагалось, но те же котлеты со свекольным салатом и картошкой улетали с гиперзвуковой скоростью.

* * *

Мы шли по Земской, пешком. До дома культуры тут было километра три, общим решением прогулку признали предпочтительней езды на электробусе и потому — растянувшись метров на двадцать, 10 «А» класс со мной в качестве замыкающего двигался по асфальтовому разбитому тротуару в сторону центра города.

Я подставлял лицо солнцу, дышал осенним, еще теплым воздухом, разглядывал одноэтажные кирпичные и деревянные дома со ставнями на окнах, котов на заборах, желтеющие кроны деревьев… Впереди уже виднелась громада собора и холм Детского парка. И мне в голову снова постучался Есенин, только теперь — на мотив исполнившей на его стихи песню группы «Монгол Шуудан»:

— Я люблю этот город вязевый,

Пусть обрюзг он и пусть одрях.

Золотая дремотная Азия

Опочила на куполах… — да, да, он сочинил про Москву, но вот — навеяло.

— Это что — Есенин? — спросила вдруг Легенькая. — Вы читаете вслух Есенина? Или это песня?

— Хм! — я смутился. — Так, навеяло.

— Действительно — похоже. Осень, разруха, церковь… — девочка вздохнула. — Хорошо, что Есенина в школьную программу включили. Ну и что, что участие в Бунте Пустоцветов принимал, талантливый же поэт! Причем тут политика до стихов? Моя бабушка, например, про Есенина первый раз услышала, когда мы «Ты жива еще, моя старушка…» учили. У них в школе его не проходили. Так она себе полное собрание сочинений заказала, представляете?

— Представляю, мне тоже нравится. Талантливый, — кивнул я, удивляясь вывертам альтернативной истории. — Хороший поэт.

— А сейчас вот мы на постановку идем… Как думаете —

хорошо будет?

— Про Барбару Радзивилл-то? — я пожал плечами. — Мне не очень нравятся пляски вокруг магнатов, если честно. Но причем тут политика, да? Так ты сказала? Может, спектакль будет и ничего.

* * *

Спектакль оказался и вправду ничего. Артисты играли классно, сюжет — драматический, про любовь, смерть и непонимание со стороны королевы-матери. Правда, мне снова мерещилась социальная инженерия, рептилоиды и заговоры. Почему? Да потому, что Радзивиллы — родичи королевы Барбары, там все как один были благородными, красивыми и чуть ли не святыми ребятами. Сама Барбара — тоже само очарование, идеал женщины.

А Сигизмунд Август — король Польский и Великий князь Литовский — выглядел каким-то инфантилом. Это тот, который Речь Посполитую создал и пока жив был — с Иваном Грозным бодался на равных. Помер — так что в нашей, что в этой истории дичь полная началась, разобрались с которой поляки только Стефана Батория из Трансильвании на трон пригласив… В этой истории, кстати, Батори был всамделишный упырь. Это местный Пепеляев точно знал, он пару склепов с его балканскими родственничками зачищал… Настоящий, стопроцентный вампир, кровопийца с клыками, как положено! На королевском престоле!

Но это к делу не относилось. Театр для меня ушел вообще на второй план после того, что случилось в антракте.

* * *

В антракте я пошел в туалет. Учителя тоже в туалет ходят, писяют и какают, между прочим. Это для некоторых детей — шок и дикое разочарование в жизни, но я заработать проблемы с мочевым пузырем из-за их наивности был не намерен и потому, спустившись по лестнице в цокольный этаж Земского дома культуры, двинул к мужскому туалету.

И только потянул за дверную ручку — сразу понял: дело нечисто. То есть сам туалет был чистым, убирали тут отменно, а вот то, что внутри происходило…

Знаете, для школьных пацанов туалет — это последний рубеж обороны. Последняя автономия. Там устраивают разборки, иногда

— курят, чем-то обмениваются, решают какие-то вопросы. Потому что педагоги — почти всегда женщины. И ходят если не в учительский туалет, то — в женский, что логично. В мужской вхожи только бесцеремонные технички, но это — отдельная тема, да и появляются они в нужниках все-таки сравнительно нечасто. Конечно, в нашей школе в этом году ситуация несколько изменилась, но это было скорее исключением.

Так что в школьном мальчиковом сознании туалет — это безопасная территория. И моментально переключиться на то, что есть такой Серафимыч, который запросто ходит писять туда же, куда и они, подростки не могли.

И теперь — сгрудились вокруг незнакомого высокого патлатого сутулого хлыща! Хлыщ, скорее всего, был уже взрослый, совершеннолетний. Не всегда угадаешь, конечно, мальчики мужают с разной скоростью, но — лет восемнадцать или девятнадцать ему уже стукнуло. И за каким бесом он пришел сюда, в туалет дома культуры, а?

— Однако! — громко произнес я. — И за каким бесом вы вокруг него столпились? Что там дают-то такое интересное?

Паника — вот как это можно охарактеризовать. В туалете воцарилась натуральная паника! Препод спалил их за чем-то ужасным! Вот прямо сейчас все они резко стали иллюстрацией к любимой присказке Гутцайт: пацаны имели бледный вид. Среди толпы незнакомых мелких я выхватил взглядом Яшу, Невзорина и Морковкина, моих восьмиклашек — и они поняли, что попались.

— Все на выход, быстро! — рявкнул я. — Съе… валили отсюда, моментально! Марш в зал спектакль смотреть! А ты, скот, останься!

Школьники рванули прочь, как стадо испуганных зайцев. Патлатый попытался скрыться тоже, рванув к выходу, аки сайгак, но был пойман за шкирку. Черта с два он сбежит от меня, ублюдок.

Я уже все понял. Я знал, чем он тут занимался, но еще не определил нюансы. В груди уже жгло огнем, это знакомое чувство бодрило и пугало одновременно.

— УБЬЕМ ЕГО ПРЯМО ЗДЕСЬ!!! — взревел дракон.

— Я сам все сделаю, — сказал я. — Не сметь.

— Ч-ч-что сделаете? Пустите меня! Вы не имеете права! — заверещал этот гад.

Он еще пытался вырваться.

— Все из карманов — в унитаз, — сказал я, когда убедился, что в туалете остались мы вдвоем. — Давай, быстро.

— Вы не знаете, с кем связались! — я даже ждал этого аргумента. — Я все расскажу, вам знаете, что будет?

— Однако, мне насрать. Если ты сейчас не вывернешь карманы в унитаз — я суну тебя туда башкой и смою воду. На счет три. Раз, два… — он не поверил, поэтому я дал ему под коленки изо всех сил, поволок за шиворот к кабинке туалета. — Три!!!

Скот этого точно не ожидал, он думал, что ему все сойдет с рук.

— А-а-а-а!!! — не знаю, это пол в туалете был мокрый, или он обмочился, мне было плевать.

Ей-Богу, я бы убил его, если бы он попытался сопротивляться. Задушил бы к чертовой матери, ударил бы башкой о плитку или об унитаз, проломил бы ему череп. Потому что эта патлатая гнида продавала детям дрянь.

Пластиковые зип-пакетики с какой-то зеленой жижей или белым порошочком отправлялись в туалет один за другим, а он не переставал бормотать:

— Я все скажу, все скажу! Вы не знаете, что они с вами сделают! Вас найдут, вас найдут!

И тут я врезал ему по морде. Крепко, так, что у него башка мотнулась из стороны в сторону. Может — челюсть свернул, кто знает. Кулак у меня заныл всерьез, как бы костяшки не выбил…

— Меня зовут Георгий Серафимович Пепеляев, я работаю в земской школе номер шесть учителем истории, — прошипел я ему в самое ухо. — Живу на улице Мира, дом три, второй подъезд. Номер телефона дать? Или твои эти сами уже разберутся дальше?

Мне очень хотелось, чтобы они меня нашли, честное слово.

Это точно были не холодовские. Холод — он занимался рэкетом и держал под крылышком воров. Карманники, домушники, угонщики — они ему отстегивали все. Кажется — попрошайки тоже.

Я не знаю, что втюхивал ребятишкам этот слизняк, может — какой-то местный аналог насвая или что-то похуже, вроде экстази или солей, и знать не хотел. Скорее всего, что-то недорогое и ядовитое… Тот, кто продает такие штуки детям — продал душу дьяволу. Повинен смерти, вот и все. Надо будет — убью сам, и рука не дрогнет.

— ПОВИНЕН СМЕРТИ! — взревел дракон, но я смог его удержать в узде и просто отвесил патлатой гниде еще один хороший пинок под зад, так что он, завывая, на четвереньках ринулся прочь из туалета.

Я просто взял — и помочился туда же, куда он выбросил свою дрянь. Ну, а что? В туалет все это время хотелось прямо сильно. И смыл. Может, трубы где-то забьются, может — нет… Кто знает?

Меня даже колотило от нервяка на выходе. Черт знает, что происходит, подумать только! Я сделал вид, что тороплюсь на спектакль, нарочито бодро простучал ногами, поднимаясь по ступенькам на первый этаж. А потом остановился и тихонько, крадучись спустился вниз, на цыпочках добрался до туалета, открыл дверь и ворвался внутрь

Патлатый ублюдок, рыдая и размазывая кровавые сопли, копошился рукой в сливной чаше, пытаясь выудить оттуда смытый товар! Вариантов не осталось: я с силой опустил ему на башку пластмассовую крышку унитаза и смыл еще раз.

— МОЙ ПАРЕНЬ, — сказал дракон. — ИЗ ТЕБЯ МОЖЕТ ВЫЙТИ ТОЛК. МЫ ЕЩЕ ПОСТАВИМ ВЕСЬ ГОРОД НА РОГА.

Если в этом городе вот так запросто восьмиклашкам продают дрянь в туалете дома культуры — то, пожалуй, поставить его на рога будет не самым плохим решением.

— Сердце бьется все чаще и чаще,

И уж я говорю невпопад:

'Я такой же, как вы, пропащий,

Мне теперь не уйти назад'.

В моей голове снова звучал Есенин, пока я поднимался в зрительный зал и усаживался на свое место. Там, на сцене, страдала отравленная Барбара Радзивилл, но мне было на нее плевать. Сегодня я сделал хорошее дело, и моих детей отравить не смогли.

А дальше… Посмотрим, что будет дальше.

* * *

7. Ригидность

— Пепеляев, ты охерел? — Криштопов разве что по потолку не бегал. — Ты что, думаешь, тебе все можно? Твои пацаны молчат, как рыба об лед, но побои этот черт Васенька снял! Если он заявление напишет на тебя — за тобой приедет наряд, понимаешь? Хотя ничего он не напишет… Они сами с тобой будут решать.

Я качался на стуле и смотрел в потолок. Мой, беленый, кухонный. Было ли мне страшновато? Нервничал ли я? О, да. В тюрьму сесть мне не улыбалось. Я и не собирался садиться, сбежал бы от них — да хоть бы и в Мозырский сервитут. Из сервитута попробуй ещё выцепи. Дракон поможет, в конце концов, да и вообще — свалить из Вышемира много ума не надо. Если по асфальтовым дорогам не ехать и машиной с мобильником не пользоваться, да под камеры видеонаблюдения не соваться — без Сыскного приказа точно не найдут… Русь большая, я — маленький. А с Сыскным приказом я, кажется, как-нибудь разберусь.

Но сбегать не хотелось. Это ведь МОЙ Вышемир и МОИ дети. Кто их защитит, если не я? Криштопов, что ли?

— Ты ему челюсть вывернул и ноги отбил! — милиционер утомился бегать вокруг меня и уселся на край стола, отдуваясь. — И в унитаз головой макнул. Что за варварство?

— Он сам туда полез, говно свое выуживать. А я просто кнопку смыва нажал, — пояснил я. — копошиться руками в сортире — разве не варварство?

— Ты понимаешь, что теперь с тобой сделают? — Виталий Михайлович принялся мять в руках фуражку. — Не наши, нет. Наши на тебя разве что уголовное дело заведут, а вот те, другие…

— Ну, а что они со мной могут сделать? Нам нечего терять, кроме наших оков! — улыбка моя была довольно вымученной. — если называть вещи своими именами: я — контуженый сапер, комиссованный с фронта накануне победы. Живу один в средней паршивости районе настоящего Мухосранска, в однокомнатной квартире. Жены и детей нет, родители умерли. Работаю в школе. Чем они будут меня шантажировать? Тем, что спалят однушку? Надавят на Народное просвещение, чтоб меня уволили? Или что? Схватят меня и будут мучить?

— Да! — выкрикнул Криштопов. — Присоединят клеммы аккумулятора к твоим охренительным стальным яйцам и крутанут рубильник. Куда денется твой гонор? Ты об этом подумал? Ты хороший человек, я ж тебя ещё с детства помню! Я

тебя в Гориводу возил на байке, в школу! Тебя дети любят, потому что ты добрый, интеллигентный парень. А это… Это не старомодный Холод со своими блатными понятиями… Это дельцы, они делают деньги, им плевать на тебя, на меня, на всех этих детей… Они придут к тебе, и никто им не помешает!

Каково ему было: знать все это и при этом — ничего не делать? Он делал много другого, хорошего и полезного. А тут был бессилен. У него ведь — мама лежачая, жена, дети, даже внук уже есть. Все — в Вышемире. Не дай Бог оказаться перед таким выбором.

— Однако, только этого я и жду, — мрачно кивнул я. — Пусть подкрадутся ко мне со своим аккумулятором. Очень хочу на них посмотреть, на этих паскуд. Внимательно, с пристрастием посмотрю! Слушайте, я понимаю, что вы хотите их всех посадить, но не можете. Васенька этот ваш ведь не в канаве товар нашел, а у этих ваших дельцов приобрел. И черта с два без конкретной такой крыши он припер бы дрянь в сортир театра и стал предлагать детям…

— Дома культуры! — поправил меня милиционер, как будто это имело какое-то принципиальное значение.

— Пусть — дома культуры, не важно, — отмахнулся я. — Говорю напрямую: я это так не оставлю. Вы мне просто не мешайте, вы же нормальный человек. И другим своим скажите, чтобы не мешали. Ну, тем, которые нормальные. А я с дельцами этими сам пободаюсь. Помните вашу эпичную фразу про то, что всем было бы только легче, если бы кто-то спалил ещё парочку мерзавцев?

Нет, я не считал себя супергероем, да и дракона в это вмешивать не собирался. Наверное.

Просто — если я настоящий интеллигент, то у меня есть принципы. И принципы эти важнее всего на свете. Вон, даже у орков они есть: хрен там об занавески не вытирать, руки перед едой мыть, друг друга не кушать…

Вот и у меня — есть. Лишать детей шансов на дальнейшую жизнь — какой бы она ни сложилась, втюхивать им дрянь прямо на мероприятии — это вообще за рамками законов Божьих и человеческих. И если не встать на пути у этой мерзости — мы до такого докатимся, что Хтонь ясельной группой детского сада покажется. Зачем вообще жить в таком мире, где это — норма? Ладно, не в мире — в городе. Такая жизнь и такой город нам и даром не надь, и за деньги не надь.

Это что получается: оставь я все как есть, то через пару лет со смотровой комиссией на дому посещая несовершеннолетних, я в один прекрасный день увижу, как Невзорин или Морковкин

слюни пускают и под себя гадят, или на мамку с кулаками кидаются ради очередной дозы? Да, да, может, там был насвай или ещё какой-нибудь снюс, а не гашиш или что покруче… Это вовсе не имело никакого значения. Значение всегда имеет только то, что ты можешь, и чего ты не можешь.

Этот Васенька мог продавать какую-то мерзость в пакетиках малолеткам в сортире. Я — не мог этого позволить. Вот и все.

— Так, ладно, — Виталий Михайлович нахлобучил на голову фуражку. — Заявление он не написал. Зачем побои снял — непонятно. Пока с нашей стороны делу ход не давали. Если это и вправду ты тех братков спалил — может, и тут справишься… Гос-с-споди, что я делаю? Вот своими руками выращиваю из хорошего парня народного мстителя… Яношик, Соловей Разбойник и Роб-в-Капюшоне вышемирского разлива. Это очень, очень плохо… Но…

— Но продавать детям наркотики в сортире — ещё хуже, да? — кивнул я. — В конце концов, вы ведь знаете, где я живу. Может, даже беседу нашу записывали. В любой момент можете прислать за мной наряд, но тогда никто не сделает за вас грязную работу, да?

— Слушай, Гоша, — Криштопов пристально посмотрел на меня. — Это ты спалил бандитов?

— Нет. — совершенно искренне ответил я. — Но да.

— Ты маг? Пиромант? — проникновенно спросил он.

— Тьфу, какой из меня маг? Я — нулевка! — отмахнулся я.

— Значит, всё-таки смесью… И поджег! Ну, ты зверь вообще! — он покачал головой. — Нет, не зверь. Ты — сам дьявол. Понятия не имею, как такое можно провернуть без армейского огнемета… Но я точно знаю — у тебя нет армейского огнемета! А на вид хороший, добрый парень, тонкая натура… Наглухо вас там в Поисковом отбивают, похоже. Правда что ли — огнестрельное не дают потому, что вы одними лопатами всех потрошите?

— Дают, как не давать? Как у вас — «АТУшки», автоматы Татаринова укороченные. Одолжишь пару? — усмехнулся я. — Вот с «атушкой» я бы точно справился!

— Отцепись, нечистая сила! — Криштопов сдался. — Можешь считать, что этого разговора не было. И про Васю Баратова, который на переулке Чугунном, дом шесть, живёт и каждый вечер в сквере имени Эльфийских добровольцев трётся — тоже я тебе ничего не говорил. Если будут над твоей головой сгущаться тучи по нашей линии — маякну через Рыбака. А что касается не по нашей линии — тут уж смотри… Подставишь детей под удар — сам ведь себе не простишь, да?

— Да, — я кивнул.

Это было единственное, чего мне стоило бояться по-

настоящему: если неизвестные дельцы -полные отморозки и приедут под школу решетить меня из автоматов или взрывать «Урсу». Но вероятность такого расклада была крайне мала: им точно захочется меня унизить, смешать с дерьмом, может быть — сделать моё наказание демонстративным. Они точно выйдут на меня лично.

— Черт… — милиционер взял с буфета пустую кружку, налил из-под крана воды, залпом выпил и сказал: — Не знаю, что ты собираешься делать. Но искренне надеюсь, что у тебя получится.

И быстрыми шагами, хлопнув дверью, вышел прочь из квартиры. Однако, судя по всему, местный Бэтмен получил своего комиссара Гордона.

* * *

Улица Чугунная располагалась на самой окраине Зверинца. Переулок Чугунный, соответственно, там же. А в Зверинце у меня имелись глаза и уши, так что, не откладывая дело в долгий ящик, я купил на рыночке белокочанной капусты, в ларьке с мелочевкой — лампочки и изоленту, в магазине — почему-то дефицитного тут риса (он продавался в пакетиках по триста грамм, как у нас — чиа или льняное семя), а ещё — говяжье-свиного фарша и банку сметаны, и пешком пошел в сторону бараков по улице Бакланова.

Дурак я, что ли — на «Урсе» в Зверинец ехать и там ее оставлять?

Несмотря на вечернее время, в душе моей царила уверенность — баба Тома, она же Тамара Павловна Пырх, встретит меня вполне позитивно: я давно обещал зайти и починить у нее люстру, но все никак руки не доходили. То одно, то другое…

— Я зауседы тута, куды мне хадзиць? — говорила она. — Да магазина, тольки… Прыходзь, не тушуйся.

Телефона у нее не было, с детьми и внуками бабуля переписывалась по старинке, почтой. Все новости узнавала или из газет, или во дворе, пока ухаживала за цветами в палисаднике и небольшими грядками, и кормила своих трех кур, которых держала тут же, в сарайчике.

Здесь я ее и застал: баба Тома сыпала птицам зерно.

— Цып-цып, холера! Цып-цып-цып!

Куры клевали пшеницу, бабуля улыбалась, глядя на их активность. А потом увидела меня и всплеснула руками:

— О, прыйшоу!

— Здрасьте, баба Тома, я тут вот шел мимо, вспомнил, что

люстру вам обещал починить, дай, думаю, зайду…

— Ага, ага… Люстру! А у сумке у цябе што?

— Ну, фарш там, рис, капуста…

— Галубцы! — хитро прищурилась она. — Не, ну а што? Зраблю!.. А ты дроу наруби пакуль…

«Наруби дроу»… Темные эльфы бы не одобрили, точно. Но вообще — дрова колоть я даже любил, если честно, так что согласился моментально. Почему бы и нет? Березовые полешки раскалываются довольно легко, колун у Павловны — умеренной тяжести, на удобной длинной рукояти… Да и сколько там тех дров нужно? Она дольше будет капусту готовить, чем я — дрова рубить…

— МАЕШЬСЯ ДУРЬЮ, — рыкнул под руку дракон. — МЫ НАЙДЕМ ЕГО ПО ЗАПАХУ, В ДВА СЧЕТА. А ЕСЛИ ПОКАЖЕМ СВОЙ ИСТИННЫЙ ОБЛИК — ТО ЖАЛКИЙ СКОТ МИГОМ СДАСТ ПОСТАВЩИКОВ И ВСЮ СЕТКУ ДИЛЕРОВ. ТЫ ВЕДЬ ЗНАЕШЬ ЭТО, А?

— Мой истинный облик — вот он, — злобно сплюнул под ноги я и врубился колуном в очередное поленце. — Я — Георгий Пепеляев, человек. Я справлюсь сам!

— А-А-А! ЗАГОВОРИЛ, ЗАГОВОРИЛ СО МНОЙ! УА-ХА-ХА!!! — обрадовался дракон. — ЗАГОВОРИЛ, ЗАГОВОРИЛ! ЛЕД ТРОНУЛСЯ, ГОСПОДА ПРИСЯЖНЫЕ ЗАСЕДАТЕЛИ!

— А ну-ка, перестань воровать мои фразы! — возмутился я. — Ты не читал Ильфа и Петрова и ничего не знаешь про Остапа Бендера! Тут не было советской власти и НЭПа, а значит — не было и Бендера!

— ДА БРОСЬ ТЫ, ГОША. НЕУЖЕЛИ ЕЩЕ НЕ ПОНЯЛ? ВСЕ, ЧТО ЗНАЕШЬ ТЫ — ЗНАЮ Я. ВСЕ, ЧТО МОГУ Я — МОЖЕШЬ ТЫ! МЫ — ОДНО ЦЕЛОЕ, ОТНЫНЕ И ДО ТЕХ ПОР, ПОКА СМЕРТЬ НЕ РАЗЛУЧИТ НАС!

— Однако, мне до звезды, — очень неинтеллигентно заявил я и с хрустом вогнал колун в бревно. — Разберусь сам, понял? Не сметь никого палить и жрать, ясно?

— ПРИДЕТ ВОЙНА — ПОПРОСИШЬ ХЛЕБА! — буркнул дракон. — НО Я НЕ ЗЛОПАМЯТНЫЙ. Я ПРОСТО ЗЛОЙ, И ПАМЯТЬ У МЕНЯ ХОРОШАЯ. ТЫ ОБРАЩАЙСЯ, ЕСЛИ ЧЕ, Я ТУТ, НЕПОДАЛЕКУ, ТОЛЬКО ПОПРОСИ ВЕЖЛИВО.

— Не дождетесь!

— НУ-НУ! — в этом его нуканье было столько иронии, что мне стало аж противно.

Ну да, имея такую мощь в распоряжении, казалось логичным использовать ее во благо…

«Если наделить меня такой властью — в моих руках она

сделается стократ могущественнее и страшнее! Но власть Кольца надо мною будет еще более крепкой. Более гибельной! Кольцо знает путь к моему сердцу: оно будет действовать через жалость, жалость к слабым и желание обрести силу для благих дел.» — всплыло в моей голове.

— ГЭНДАЛЬФ? ТЫ ЦИТИРУЕШЬ ЭТОГО СТАРОГО ЗАСРАНЦА, СЕРЬЕЗНО? — возмутился дракон. — ДАЖЕ В ЭТОЙ БАЙКЕ ИМЕЮТСЯ ПЕРСОНАЖИ ГОРАЗДО БОЛЕЕ СИМПАТИЧНЫЕ И ПОДХОДЯЩИЕ. И ВООБЩЕ — У НАС СЕЙЧАС ЕСТЬ ДЕЛА ПОВАЖНЕЕ…

— Возмездие, — мрачно кивнул я.

— МЕСТЬ? МЕСТЬ? Я ПОКАЖУ ВАМ МЕСТЬ! Я ЕСТЬ ОГОНЬ! Я ЕСТЬ… СМЕРТЬ! — торжествующе взревел мой воображаемый друг.

— Ну-ну, — откликнулся я. — Теперь ты цитируешь Смауга. Тоже — так себе типус. Опять воруешь у меня из башки, да?

— Я ЗНАЮ ВСЕ, ЧТО ЗНАЕШЬ ТЫ!…

— … а я могу все, что можешь ты, — продолжил его мысль я. — Но это ровным счетом ничего не значит. Я могу подниматься на свой этаж по лестнице, а могу — по водосточной трубе и по чужим балконам. Но не делаю этого, потому что я — человек, а не обезьяна. Я иду по лестнице.

— ТЫ НЕ ЧЕЛОВЕК, ТЫ — ИДИОТ! — буркнул дракон и замолчал.

А я потащил дрова наверх, к бабе Томе. Из ее окон уже пахло вареной капустой, и я должен был успеть поменять лампочки на люстре в большой комнате и по-человечески повесить ее, и заизолировать провода, пока голубцы не приготовились.

* * *

Все-таки Тамара Павловна была одним из самых ценных моих знакомств. Васеньку она знала хорошо, и сразу мне сказала, что он мерзавец. То есть она назвала его двумя ласковым белорусскими словами «латруга» и «туебень», но суть от этого не менялась.

По её информации, он сильно разбогател за последние два месяца, ровно с тех пор, как стал знаться с какими-то заезжими «рэмнями», вроде как — из Гомеля. Как это стало понятно? Ну, так музыка из его окон начала долбать в три раза громче и допекла всех окрестных бабок, а они уже разнесли эту весть по округе. У него новая аудиосистема появилась. А ещё Васенька стал ездить на скутере и возить девок. Девки были явно самого

что ни на есть проституцкого статуса, поскольку ни одна нормальная и уважающая себя вышемирская мадемуазель с таким «ёлупнем» связываться не будет. То есть, деньги у него действительно водились — аудиосистема, скутер и траты на подружек разночтений не предполагали.

А гомельские, или какие они там «рэмни» по словам бабы Томы, были настоящими «пачварами» — то есть тварями или чудовищами. Странно себя вели, цеплялись к местным, сорили деньгами, испражнялись под заборами и вообще — вели себя так, будто они тут хозяева жизни. И выглядели как настоящие придурки. Хлопцы со Зверинца пытались наехать на приезжих, но в карманах у придурков имелись серьёзные аргументы, а на телефонах — контакты каких-то дюже важных вышемирских людей.

— Увечары я их бачыла. Ехали на сваим тарантасе и слухали сатанинскую музыку! Будуць у Васьки да ночы гуляць… Яго нехта пабиу сёння раницай, — бабуля выложила в глиняную миску штук семь голубцов, полила сметанкой, присовокупила ломоть черного хлеба и подвинула ко мне. — Вось яны и прыехали, яму на дапамогу! Ешь давай, чаго ты? Худы, як шкилет!

Я мигом набросился на тающие во рту голубцы и стал поглощать их с бешеной скоростью. Информация, полученная от неё, казалась бесценной: группа поддержки прибыла к Васе Баратову, и он прямо сейчас жалуется им на моё поведение! Кода они примутся мстить — одному Богу известно… Но я им такой возможности давать не собирался! Лучшая защита — это нападение!

Голубцы залетели в мгновение ока, я вымазал сметану с тарелки хлебом, посидел немного, отдуваясь, встал из-за стола и проговорил:

— Большое спасибо, баба Тома!

— Што ты як ня тутэйшы? — с укором глянула на меня Тамара Павловна, склонив голову. — Скажы па-беларуску!

— Вялики дзякуй! — откликнулся я.

Никогда не видел проблем — по-русски общаться или по-белорусски. Конечно, высшая математика или органическая химия на белорусском — это форменное издевательство над мозгом, а вот в быту — почему бы и нет? Чем больше языков — тем лучше, здорово развивает когнитивные функции, однако.

— Я зараз табе запакую! — безапелляционно заявила бабуля и принялась пихать голубцы в какой-то глиняный горшочек и накрывать неприспособленной для этого пластмассовой крышкой, и заматывать в тряпочки, и завязывать бечевкой и закутывать в газету — чтобы сохранить тепло. Я честно пытался

сопротивляться, но тщетно. Все, кто хоть раз пытался остановить вошедшую в раж бабушку, которая пытается всучить вам с собой еду — прекрасно меня поймут.

Так что готовиться к великой битве с наркоторговцами я шёл в компании горшочка с голубцами. Вокруг меня распространялся сытный мясной и капустный дух, собачки смотрели мне вслед осуждающе своими жалобными голодными глазами и подвывали. Но не отдавать же псинам голубцы! Это святотатство!

Наверное, если бы не эта идиотская ситуация — я бы сильно нервничал. В конце концов, впереди маячила перспектива схлестнуться с несколькими крутыми парнями, и всякое могло случиться сегодня ночью. Но голубцы настроили меня на несерьезный лад, так что до «Урсы», припаркованной за домом, я дошёл в бодром расположении духа. В квартиру решил не подниматься: а ну, как там меня уже ждёт засада? Маловероятно, но рисковать не стоило… Благо, все необходимое имелось у меня тут же, в машине.

Я достал из багажника безразмерную кофту, штаны-карго, тяжёлые ботинки и перчатки, переоделся прямо тут, на улице, сунул в запаску горшочек с голубцами, в сумку — лопатку, нож и ещё кое-что по мелочи, захлопнул заднюю дверь и пошёл садиться за руль.

Объеду-ка я Зверинец по кругу и оставлю «Урсу» метрах в семистах от Чугунного переулка, в посадках у железной дороги… Велика вероятность того, что мне понадобится срочная эвакуация.

Мотор Урсы мерно загудел, а я пропел, постукивая по рулю ладонями:

— … по всему тверскому околотку

В переулках каждая орчанка

Знает мою легкую походку!..

Вот же — Есенин! Сергей наш Александрович! Прицепился намертво!

* * *

8. Флегма

Честно говоря, я готовился к битве с братками типа Саши Белого из «Бригады» или Круглого из «Брата». А оказалось — Васеньке на подмогу приехали клоуны из «Даже не думай». Вот что имела в виду баба Тома, когда называла их «пачварами»! Они не страшные, они — стремные!

В ярких кислотных одеяниях вычурных фасонов, со странными прическами: выбритые узоры на затылках и висках, зачесанные волосы самых разных цветов, эти три типа на данный момент попивали какие-то напитки во дворе и стреляли из пневматических пистолетов по бутылкам. Из пневматических! Нет, с первого взгляда такие штучки довольно похожи на настоящие. И местная зверинцевская шпана вполне могла решить, что заезжие ребята обнаглели и привезли в земщину огнестрел. Тем паче — кроме как в кобурах у милиции, огнестрела тут особенно и не видали. Ну, кто в армии отслужил — те да. Но они или прямо сейчас тоже в армии, или — возраст не тот, чтобы к заезжим цепляться. Так что в принципе… Может, из аргументов в карманах у них и правда только пневматы? Что касается численности, тут некоторые выводы можно было сделать, исходя из вместимости машины, на которой они прикатили.

Ярко-оранжевый тарантас имел форму причудливую, напоминал старые еще ретро-машины, и вообще — мне казалось, что корпус его действительно позаимствовали от бензинового авто. Ну, вот эти «выпученные» фары, выпуклые детали корпуса — чисто как на старых «Победах» или «ЗиСах»! Небольшого он был размера, человека на четыре…

— Тыц! — раздался звук выстрела. — Тыц-тыц!

А потом лопнула бутылка:

— З-з-звяк!

Я сидел под забором у них за спинами и мог рассмотреть каждого из «дельцов» в деталях. Лампочка над крыльцом Васиного дома это позволяла. А вот стрелять в темноте у них получалось не очень: бутылки, батареей выстроенные на штабеле кирпичей у стены сарая, разбивались крайне нерегулярно.

— И че этот учитэл?- нарочито коверкая слова, проговорил парень в салатовых широченных штанах и майке в сеточку. — Реально опасный?

— Контушеный! — раздался шамкающий Васин голос. — Ф поишкофом слушил.

Похоже, он сидел в доме и пытался общаться через окно. Но с речевым аппаратом у Васи все обстояло не ахти — моими

стараниями — поэтому участие в беседе было ограниченным.

— Мы его уработаем,- сказал юноша с розовым ирокезом и в розовом же костюме, который отдаленно напоминал военную форму. — Уработаем и состижем с него бабла, чтобы вернуть должок за товар. У него есть бабло, Васян?

— У него ешть «Урша», — откликнулся Васян из окна.

— Тыц-тыц! — третий парень, в лимонном трико, продолжал насиловать пистолетик и все пытался попасть в бутылку. В разговоре он участия не принимал. — Тыц!

— А-а-а, так учитэл все армейские денежки на тачку спустил? — обрадовался салатовый. — Ну че, так даже проще. Значит — отожмем «Урсу». Че тут ехать-то до Мозыря? Загоним тачку Формации, состижем бабла. «Урса» без документов, бэушная, тысяч на пятьдесят-семьдесят налички потянет. Перекроет и долг твой, и ещё товара возьмем…

— Не-не-не, — раздался испуганный голос Васяна. — Я паш. Я болше не хошу!

Какой хороший мальчик! Обучаемый, оказывается! Но это ему не поможет… Я стал красться вдоль забора, перемещаясь к крепенькой молодой яблоне, которая росла с моей стороны, и ветви её нависали над двором. Оптимальная точка для проникновения на территорию.

— А кто тебя спрашивает? Это Штриху мы долг отдадим. Мы, а не ты, Васян. А нам-то ты будешь торчать всерьёз и надолго! — салатовый сунулся в окно, что-то там сделал руками, и Вася Баратов заверещал. — Ты кем себя возомнил, лошара?

Остальные загомонили, а я воспользовался этим — и мигом взобрался на дерево, и сиганул через забор, спрятавшись как раз у того самого сарайчика, в тени.

— Че ты его там крутишь? Отстань от Васяна, он же свой! — неожиданно вступился за дилера лимонный.

— Отштань, отштань! — истерически кричал Василий.

— Мудак он и вошь, — резонно заметил салатовый. — Мелочи жижку задвинуть — и то не смог. Лошара. Похрен, ща допьем и поедем учитэла щемить. Он, сука, наглый. Адрес назвал, фамилию имя и отчество… «Урса» у него верняк на индивидуальной блокировке, придется его с собой первое время потаскать… Ничего, так уработаем, что как звать себя забудет. Пидор бородатый, схему он нам поломать решил! Сука, я на эти деньги уже напланировал, а он… У-у-у-у, я ему бороду подожгу, говноеду!

— Может, ждёт нас? — подал голос лимонный. — Может, он реально крутой? Или ствол имеет?

Ствол у меня был. В тайнике, за туалетом. Но использовать

его против таких мелкотравчатых мерзавчиков я не собирался…

— ДАВАЙ МЫ САМИ ПОДОЖЖЕМ ЕМУ БОРОДУ! — оживился дракон. — ВСЮ РОЖУ ЕМУ ПОДОЖЖЕМ, ПО САМУЮ ЖОПУ!

— Тыщ-тыщ! — тявкнул пневматический пистолет и наконец лимонному повезло — одна из бутылок разбилась. — О, да-а-а!

Он так сильно обрадовался и исполнил что-то вроде победного танца, как будто миллион в казино выиграл или трехочковый в НБА забросил. Аж волосья его желтые затряслись от счастья. Они, похоже, действительно подбирали наряды и краску для волос! Не верю, что они из Гомеля были, в земщине всяких таких полупокеров на дух не переносят. У нас тут народ попроще, и предпочтения в моде и стиле весьма консервативны. Даже я в костюмчике и с прической «андеркат» тут смотрюсь очень на грани. Так что эти — сервитутские, как пить дать. А ближайший сервитут у нас где?..

— Откуда у него ствол в земщине? — усмехнулся салатовый. — За огнестрел кол в жопу засаживают, дураков нет с ярыжками вязаться… Успак-о-о-ойся, мы зайдем, ему в хлебальник настреляем, скрутим и в лес вывезем.

— А в дверь как…

— Вот! — явный лидер компании извлек из кармана какую-то висюльку на цепочке. — Ключ от всех дверей. Ты, лошара, ещё не понял, что в сервитуте можно купить все? До сих пор меряешь все меркой вшивого Гомеля? Ты давно не в Гомеле, гы-гы! Вся движуха у нас, в сервитутах! Пшли, допьем, баллончики поменяем и поедем…

Я услышал все, что мне было нужно. И потому, когда они по очереди стали заходить в дом, просто протянул руку, взял одну из не разбившихся бутылок — и, крепко размахнувшись, швырнул ее, целясь в дверной проем. Стеклянный снаряд, вращаясь в воздухе и странным образом посвистывая, помчался вперёд со страшной силой.

Стоит отдать должное лимонному, который шёл последним. Он обернулся! К несчастью для себя. Реакция у парня была отменная — и она сослужила ему дерьмовую службу. Бутылка могла прилететь в череп, но теперь — ударила в лицо.

— ДЫК! — куда там точно ему попало, я угадывать не брался, но припечатало страшно: лимонный просто провалился внутрь дома, а я перехватил ещё одну бутылку в левую руку, лопатку — в правую, и рванул в атаку.

— А-а-а, это он! Он! — заорал Васян из окна, и я левой рукой швырнул стеклотару в него.

— Дз-занг! — бутылка разбилась о подоконник, я

натуральным образом промазал, но стеклянные осколки, похоже, нашли свою цель.

— И-и-и-и!!! — визг дилера был похож на бабий.

Васенька вопил и дергался внутри комнаты, а двое из коридорчика опомнились и ринулись в мою сторону. Конечно, баллончики со сжатым воздухом-то они уже высадили по бутылкам и потому теперь решили вступить со мной в рукопашную схватку. Черта с два я собирался сражаться с ними лицом к лицу: с размаху закрыл дверь, надеясь врезать кому-нибудь из них, и побежал вокруг дома.

— У, падла! Он сам сюда пришел! Обходи его, обходи, а я с той стороны зайду! — орал салатовый.

Как они вообще выжили в сервитуте, такие убогие? Нет, я понимаю, почему в качестве оружия использовали пневматы: лупили такие пукалки будь здоров, почти — травматический пистолет, в ближнем бою на самом деле аргумент серьезный. Правда — перезаряжать долго, когда баллон кончается, а без шестигранника — и вовсе практически невозможно. А на кол сесть за использование огнестрела в земщине — это никому не улыбалось, тут салатовый был прав. Так что бес с ними, с пневматами. Но — зная, что я злой, агрессивный и могу крепко вломить — они разделились! Ну, тупые…

Развернувшись на каблуках, я побежал в обратную сторону — и через пару секунд столкнулся нос к носу с розовым «дельцом».

— Я-а-ать!- он от неожиданности попятился, замахнулся, явно рассчитывая врезать мне рукояткой пистолета…

Я просто ткнул ему лопаткой в солнечное сплетение, без всяких замахов, а когда он согнулся, пытаясь вдохнуть хоть немного живительного воздуха — врезал плашмя по голове. Этого хватило, чтобы вывести его из строя всерьез и надолго. Даже если он и сдох — мне было плевать.

Расправившись с ним, я не стал бегать за салатовым вождем, а просто вошел в дом, пнув ударенного бутылкой лимонника. Электросчетчик я заметил тут же, на стене — и одним движением вырубил автоматы, погасив свет в хате.

— Кто здесь? — заорал Васенька.

Я ему не ответил, оглядываясь. Дом у Васи Баратова был небольшой и обставленный даже слишком по-бабусячьи. У Тамары Павловны и то все выглядело более современно. Какие-то ковры, кровати чуть ли не с перинами, шифоньеры… И окна, много окон. Для одной комнаты и кухни — даже слишком. Но для моих нужд — в самый раз. Полупокер крался как раз мимо одного из них, так что мне оставалось только нанести удар: снова — колющий, быстрый, прямо сквозь стекло — штыком лопаты в

самое его ухо.

Все получилось как в замедленной съемке: куски стекла летят во все стороны, кровь брызжет, кусок уха парит на ветру… Тут же, резко вернув руку с лопаткой на место, я устремился на улицу под аккомпанемент стонов и воя, которые раздавались уже со всех сторон.

Скулил Вася на кухне, постанывал ушибленный лимонник в коридорчике, мычал розовый воин с явной черепно-мозговой травмой от удара лопатой, выл, пытаясь остановить кровь из уха, салатовый лидер, приплясывая в огороде. Жидкие они какие-то оказались. Замах на рубль, удар на копейку, так говорят? По здешним реалиям — замах на деньгу, удар на гривенник…

Я настиг салатового, который держался обеими руками за правое ухо, и ударом ботинка под коленки сбил его на землю:

— Однако, здравствуйте. Моя фамилия Пепеляев, и это мне ты собирался поджечь бороду.

— У-у-у-уй!!! Спасите! Милиция!!! — он принялся отползать от меня, забыв про кровь, которая продолжала струиться у него из уха.

— Это Зверинец, чучело, — почти ласково сказал я. — Милиция сюда не захаживает, особенно ночью. А Васеньку тут не любят, задолбал он соседей громкой музыкой… Кста-а-а-ати! Когда я вас буду потрошить, то включу громкую музыку — никто и не услышит!

Конечно, я не собирался их потрошить, однако он об этом знать не мог.

— Не-не-не… — он даже слюни пускать начал, как будто испугался до чертиков.

Но взгляд у него был острый, нехороший… И поза — напряженная. Его рывок я не увидел — почуял! Тело среагировало прежде, чем я сообразил, что делаю: рука салатового с зажатым в ней амулетом — той самой висюлькой, универсальным ключом — мигом оказалась у меня в захвате.

— Я нулевка, чучело. На меня вся эта муть — не действует! — проникновенно сказал я и дернул его конечность в сторону до характерного хруста.

Он уже не подвывал — скрипел. А я поражался собственному хладнокровию… С другой стороны: драконы — рептилии. Хладнокровные. А местному Пепеляеву не привыкать участвовать в переделках. А мне — мне этих мерзавцев ни разу жалко не было. Может, вообще убью их — и угрызения совести мучить меня не будут. Схемы у них, однако. Их схемы — это мои дети!

Я затащил их в дом, наподдав ещё каждому хорошенько по нижним конечностям лопаткой, чтобы сбежать не пытались.

Гематомы там получатся серьезные, а вот резаные раны — это едва ли, даже тот, кому я в грудак ткнул, отделался поврежденными ребрами. Не оттачивал я шанцевый инструмент до бритвенный остроты, пожалел гадов… А не стоило.

С другой стороны, меня теперь интересовал тот Штрих, у которого они брали товар. Я не верил в то, что эти клоуны сами выдумали такой замечательный бизнес-план: возить всякие-разные вещества в земщину… В мою конкретную земщину. Кто-то их надоумил. И ради этого кого-то я заточу лопатку у гоблинов в гаражах, на наждаке.

Каждого из цветастых и самого Васю я замотал в шторы и связал бельевыми веревками. Рты заткнул чем придется, особенно не присматриваясь. А потом принялся грузить их в электрокар. И тут глаза мои уперлись в шильдочку на руле. «ZAVOD IMENI SAPUNOVA» — вот что там было написано. ЗиС! Это реально был ЗиС! Нет, эти выверты альтернативной реальности меня никогда не устанут забавлять!

Перетягал «пачвар» в машину с серьёзным напряжением всех физических сил и уложил одного на другого — штабелем. Они там мычали и завывали — ясное дело, было больно и неприятно! А кому сейчас легко? Мне вот тоже вести чужой электрокар по ночному Зверинцу нелегко… Ямы, колдобины, псины под колеса кидаются, фонари — разбитые, улицы извилистые.

— Не злодей я и не грабил лесом,

Не расстреливал несчастных по темницам.

Я всего лишь уличный повеса,

Улыбающийся встречным лицам… — напевал я, выворачивая руль и проезжая мимо той самой посадки, где я оставил «Урсу».

Нет уж, я туда совсем не скоро попаду. На Светлогорском шоссе — камеры, светиться перед ними я не намерен… Разгоняя машину, я натянул на себя поглубже капюшон и натянул кофту на самый нос: может, Криштопов обещал меня прикрыть, конечно, но проблема в том, что к видеоконтролю доступ может получить кто-то кроме наших вышемирских милиционеров. И наверняка получает…

Путь мой лежал недалече — на берег речки Ведрич, в сосонник. По осеннему времени тут уже редко можно встретить отдыхающие компании, да и местечко я присмотрел укромное: овражек, где легко можно спрятать машину. И где можно найти тех, кто сделает для меня всю грязную работу. Я ведь не злодей какой, чтобы им пальцы плоскогубцами давить и аккумулятор к яйцам подключать! Я — интеллигентный человек!

— Значит так, ребята, — отдуваясь после интенсивных физических нагрузок по перетаскиванию замотанных в шторы

тел, проговорил я. — Сейчас у нас ночь. Все спят. И хозяева этого места тоже спят. А вот с первыми лучами солнца — проснутся. И через полчаса-час найдут вас и начнут разбираться — как вас можно использовать… Восход у нас примерно в полседьмого. У меня — два первых урока в школе, их пропустить не могу никак, история края — это святое! Так что полежите вы тут примерно до десяти. Как раз местные вас на вкус распробуют, станете посговорчивее… И про Штриха мне расскажете, и про схемы ваши дебильные, как вы детишек травить собирались и чем. И почём нынче опиум — то бишь жижка — для народа, тоже расскажете. А я засиделся тут с вами, мне поспать бы хоть часика два, уроки вести после бессонной ночи — так себе удовольствие. Ну, всего хорошего, доброй ночи.

И оставил их в овражке, аккурат вокруг самого большого в этом лесу муравейника. Огромная куча хвои, палочек и веточек служила прибежищем настоящим владельцам этого урочища: большим красно-черным муравьям в полтора сантиметра величины, которые кусаются как тысяча чертей и жрут все подряд: от сгущенки до мышей, буде те попадутся им в лапы! Вот пусть они с «дельцами» и разбираются. Авось, не подохнут цветастые от передоза муравьиной кислоты. А если и подохнут — так колесом дорога.

* * *

Знаете, что делает учитель, когда ему жутко лень вести урок? Конечно, знаете. Он даёт детям самостоялку.

— Итак, дорогой мой восьмой «бэ», — я оглядел мутным взором восьмиклашек, фиксируя напряжённые лица Морковкина, Невзорина, Жаркина и Яши Носова. — У нас самостоятельная работа.

— У-у-у-у, — завыл класс.

— Слушаем внимательно правила игры! — повысил голос я. — Вы можете подсматривать в учебник…

— О-о-о-о! — оживились детки.

— … но максимальная отметка будет четыре балла, — охладил их радость я. — Никого не предупреждаю, не ругаюсь, просто помечаю себе — кто списывал из учебника, тот получит максимум четверку. Вы можете подсматривать в тетрадку, потому что все, что вы писали на уроках, все термины, даты и схемы — это результат вашего труда. Им можно пользоваться, но тогда…

— Опять четыре? — вздохнул Игнатов.

Вообще-то он интересовался историей, книжки читал про

витязей, пиратов, королей и эльфов и передачи смотрел. Зря вздыхал, нормально он самостоятельную напишет. В отличие от тех, кто в учебнике подсмотреть будет пытаться. Как показывает практика — такиекадры даже списать нормально не могут, сдувают подчистую первое попавшееся предложение из параграфа и ждут отличной отметки… Но вслух я пояснил:

— Нет, не четыре. Максимум — семь. Если будете смотреть только исключительно в свою тетрадь и пользоваться плодами своего труда. Не к соседу, не к маме, не к папе и не к тёте Дусе, понятно? Только в свою тетрадку!

— У-у-у-у, так это надо было писать! — нарочито хлопнул себя по лбу Невзорин. — Вот блин!

— Наука будет на будущее, такие правила — на весь год, — хмыкнул я. — Привыкайте. Ну, и самый высший балл — девять или десять — можно получить, работая самостоятельно и развёрнуто отвечая на вопросы своими словами, а не фразами из учебника. Десятка — если увижу в ответах что-то, кроме программного материала. Если сами читали, смотрели что-то дополнительное по теме.

Теперь у них будет стимул — строчить на уроках ручкой, как стенографистки на Нюрнбергском процессе. Зачем мне это? Чтобы сидели тихо и не трендели, это раз. Потому что в универе этот навык им дико пригодится, это два. Ну, и на запоминание будет работать не только слух, но ещё и визуал, и мелкая моторика. Вуаля!

— Записываем первый вопрос… — черта с два я поспал даже два часа, я следы своих действий-злодействий заметал оставшуюся половину ночи, потому и вид, и голос у меня были как у алкаша с бодуна.

— Какой-то Серафимыч сегодня помятый, — сказала одна восьмиклассница другой. — И борода у него всклокоченная.

— Ну да, обычно он такой масик… — откликнулась её подружка.

Какой еще, к бесам, масик? Что ещё за масик-то такой?

* * *

— Вижу, вы дошли до кондиции, — я вытащил это сборище китайских пчеловодов на пригорок, одного за другим, и принялся вытягивать у них кляпы из ртов. — И познакомились с обитателями наших негостеприимных вышемирских дебрей. Кто-то из вас готов отвечать на вопросы?

— Убери их, убери!!! — захрипели наперебой дельцы,

наркоторговцы и рэкетиры.

Звучало, честно говоря, так себе, невнятно. Обкусанные опухшие рожи слабо способствуют отличной дикции. Выглядели они скверно, а Васенька так и вовсе — краше в гроб кладут…

— У меня есть дихлофос, — сказал я и продемонстрировал инсектицидный аэрозоль. — Но я его сразу использовать не буду. Я сяду и поем, потому что я с вечера уже ничего не ел, а два урока на голодный желудок и с недосыпа — нездоровая история. У меня тут голубцы где-то были…

Я полез в багажник «Урсы», на которой и приехал за отданными муравьям на расправу молодчиками, достал горшочек бабы Томы и стал его разворачивать. Конечно, кушанье остыло, тут никакие газетки и тряпочки не помогут, целую ночь ведь стояли! Но пахли отлично, да и вообще — холодные голубцы тоже очень даже ничего залетят!

— Ну, так что там, какая у вас была схема? — я раскрыл выкидуху, наколол первый голубец и откусил половину. — Что продавали, почем, кому, кто поставщик… Какие ещё города охватили своей деятельностью? Кто помогал на местах? Кто надоумил заняться таким бизнесом? Кто первый начнёт говорить — размотаю и запшикаю, слово даю…

Я даже на пятый урок не опоздал и голубцы доесть успел, вот как ловко и быстро все получилось!

* * *

9. Эффект ореола

В течение получаса из персонажа триллера перейти в разряд персонажа анекдота — это больно. Не больнее, чем межреберная невралгия, конечно, но все равно — неприятно.

Ситуация получилась следующая: «Урса» сдохла. Я тупо забыл зарядить аккумуляторы. Замотался. Машина чего-то там подмигивала мне приборной панелью, но я отмахивался — мол, успеется! Сначала выслеживал этих клоунов, потом — на муравейник завозил, потом — на уроки ездил, после этого — допрос устраивал, с пристрастием… Шутки шутками — пятнадцать километров от города, несколько раз — туда-сюда, по итогу — электричество кончилось аккурат у заезда на трассу. И стояла моя «Урса» в тени сосен, как обычный железный гроб, а никакое не чудо техники. Потому что техника в руках дикаря превращается… Во что угодно. В моём случае — в кусок бесполезного дерьма.

Ну, может не совсем бесполезного: можно было посидеть там в салоне, поплакать, пока никто не видит. Однако плакать я как-то не умел и решил попытать счастья на трассе…

Клоуны из Мозырского сервитута пошли к бесам — я их распутал и предложил валить на все четыре стороны, иначе, мол, сожгу. Они поверили и прониклись. Не знаю, что у них, избитых, обкусанных и запшиканных дихлофосом, получится в плане расставания с негостеприимным градом Вышемиром… Меня это, впрочем, не сильно интересовало. Шины на их ЗиСе я на всякий случай проколол — две из четырех — и более никакого участия в их судьбе решил не принимать. Выберутся — значит выберутся. А если нет — ну, как говорится, на нет и суда нет.

Так что я сел в «Урсу» и уехал, правда — недалеко, километров за пять всего… Ну, и заглох.

И вот теперь стоял на обочине Светлогорского шоссе, в этой дурацкой кофте, по уши в глине и хвое, злой и невыспавшийся, смотрел на люксовый ярко-синий кабриолет и сексапильную девушку в синем же платье с белыми-белыми волосами, которая снимала себя на дорогущий смартфон и эпично катила мимо: медленно, явно рисуясь на камеру и используя выгодный ракурс и естественное освещение — мягкое сентябрьское солнышко.

Красивая она была, эта девушка на кабриолете. Просто высшая лига. А я до высшей лиги явно не дотягивал, даже квалификационный отбор бы не прошел, потому как напоминал скорее бича, чем хоть сколько-нибудь привлекательного мужчину.

Анекдот звучал так:

"Известная голливудская актриса, секс-символ и мечта всех мужиков планеты, на своей машине приехала в Россию и заблудилась. Едет по раздолбанной грунтовке, страдает. Связи нет, указателей на английском нет, что делать — непонятно. Вдруг видит: на перекрёстке стоит джип чёрный, дорогущий, огромный, рядом с ним — солидный бизнесмен: в костюме, с золотыми часами и золотыми запонками, ухоженный, респектабельный.

Красотка с надеждой притормаживает, откручивает окно и спрашивает:

— Мистер, мистер! Ду ю спик инглиш?

— Что ты там лопочешь, милая? Ни черта непонятно… — огорченно разводит руками олигарх.

Едет актриса дальше и видит — стоит патрульная машина, рядом с ней — полицейский, как с картинки. Форма с иголочки, сам — высоченный, бицепсы литые выпирают, плечи широченные, глаза голубые, на волевом подбородке — ямочка.

— Хэллоу, офисер! Ду ю спик инглиш? — обрадованно вопрошает она, оглядывая всю его атлетическую фигуру и принимая пикантную позу.

— Не полагается нам с иностранцами лясы точить, дамочка, — с видимым сожалением вздыхает полицейский. — А вдруг вы американский шпион? Проезжайте, проезжайте! Ничего я не понимаю, что вы там говорите.

Следующим ей на дороге попадается интеллигент. Стоит на обочине, волосы всклокочены, на очках — трещина, пальто — несвежее, в репейниках каких-то, сам худой, нескладный… В руках — перевязанная бечевкой стопка книг: полное собрание сочинений Фридриха Ницше в пяти томах и «Тошнота» Жан-Поля Сартра, чтобы разгрузить мозг перед сном.

— Ду ю спик инглиш? — с явным страданием произносит красавица-актриса.

Он смотрит на нее, потом — на себя, снимает очки и со вселенской тоской в голосе говорит:

— Йес, ай ду. А толку?"

Почему тут ехала именно эта смутно знакомая симпатичная девица, а не какой-нибудь молоковоз или говноотсос, или пневмонасос? С мужиками бы я точно договорился… А тут — вот что делать? Стоять на обочине и пялиться на неё как дебил? Ну, уж нет! В конце концов, девушка — тоже человек, пусть и жутко привлекательная, и явно — сильно фешенебельная. Кто бы тут ни ехал — я намеревался попросить помощи, и отступать от этого намерения только потому, что она потрясающе выглядит — несправедливо. Надо давать шанс людям творить добро!

Так что я сделал над собой усилие и взмахнул рукой:

— Сударыня! Сударыня!

Как хорошо, что тут имелись такие архаизмы, как вежливая форма обращения к незнакомке… Некоторое время эта нимфа все так же крейсировала по встречной полосе со скоростью два или три километра в час, но вскоре убрала из рук смартфон и глянула на меня сквозь стекла очков дополненной реальности. И притормозила!

А потом сдернула со своего хорошенького, чуть вздернутого носика эту высокотехнологичную приблуду, посмотрела на меня яркими зеленющими глазищами из-под пушистых чёрных ресниц и проговорила звонким, задорным голосом:

— Погодите-ка! Вы — Пепеляев! — вот тут-то я и вспомнил про это самое «Йес, ай ду!» — Я везла вас из Мозыря в Вышемир, Мельниченко попросил!

— Э-э-э-э… Да! — сказать, что я был растерян — это ничего не сказать.

Я вспомнил её тут же, и картинка склеилась: белые волосы, зелёное платьице, зелёная машина, трусики на заднем сиденьи… Дались мне эти трусики — водит она, как сумасшедшая! Как Даниэль из «Такси»!

— И чего вы тут делаете? — прищурилась она.

— Аккумулятор в машине сел, — признался я. — Тут, в низине, пятьсот метров от шоссе. Мне бы до автосервиса…

Я с сомнением осмотрел ее и кабриолет и представил себе Вождя и его команду. Однако, неподходящее общество для такой шикарной подруги…

— А чего это вы так смотрите на меня, сударь Пепеляев? — она притормозила на противоположной полосе дороги и теперь улыбалась явно вызывающе.

— Да вот поверить не могу: вы что, машину в цвет платья перекрасили? — не выдержал я. — В прошлый раз, вроде бы, был зеленый?

— А-ха-ха-ха! — запрокинув голову рассмеялась девушка. Смех был хороший, не злой. — Нет, Пепеляев, нет. Это другая машина. Не стойте там, двигайте уже сюда, садитесь, поедем в ваш автосервис!

Я перебежал дорогу, приблизился к кабриолету и увидел, что у него только два места — водительское и пассажирское… Девушка похлопала ладошкой по обшивке сидения:

— Не стесняйся, садись! Куда едем? Меня, кстати, Ядвига Вишневецкая зовут, можно — Яся. Для ближнего круга. Вот вы, например, если в мою машину второй раз сели — значит, к нему, в принципе, относитесь. Вы ведь смельчак, да?

Она ещё и издевалась! Вот ведь — пигалица! Но симпатичная до ужаса, это стоило признать.

— Нет, я в безвыходном положении, — нашарив ремень безопасности, признался я. — Однако, я, наверное, попрошу вас высадить меня у крайних домов Вышемира, там, куда я еду — обстановочка так себе, и публика не самая чистая…

— Да ладно? — она щелкнула парой тумблеров, вывернула руль и с жутким визгом колёс заставила свой электрокар совершить лихой полицейский разворот. — И что там за публика?

— Орки, — откликнулся я, пытаясь удержать недопереваренные голубцы в рамках желудочно-кишечного тракта. — Это орочий автосервис.

— Ах, орки? — она взмахнула гривой своих белых-белых волос и снова опустила на нос очки дополненной реальности. — Орки, которые работают в автосервисе? Очень любопытно, я должна на это посмотреть! Поехали!

Электрокар рванул вперед. Я физически ощутил, как меня вдавило в спинку сидения, и вцепился в дверную ручку. Дурная баба, что она делает?! Мы летели со скоростью километров двести в час, точно. Её длинные волосы развевались на ветру, движения, которыми она переключала тумблеры и поворачивала руль, были отточенными, почти хореографическими. Ну, ножки… Ножки — просто отвал башки. Синее платьице до середины бедра открывало отличный вид на эти ножки — стройные, сильные…

— Глазки поломаете! — усмехнулась она.

— Однако, насмотреться совершенно невозможно, — абсолютно серьёзно ответил я. — У вас очень красивые ноги. И вообще — вы вся очень красивая. А я похож на бомжа и чувствую себя чрезвычайным кретином. Первый раз мы встретились, когда я в какой-то дурацкой тенниске таскал клетчатую порепанную сумку с оргтехникой, теперь — когда я в таком неприглядном обличьи…

— Думаете, в другом обличьи вы бы могли произвести более благоприятное первое впечатление? — она поглядывала на меня искоса, мы пролетали деревеньки и перекрёстки со страшной скоростью.

— Я бы очень постарался, — продолжал рубить напрямую я. — Но теперь уже ничего не попишешь: говорят, никогда не представляется второго шанса произвести первое впечатление, но мне он представился — и я его просрал.

— Ха! — Ядвига дала по тормозам, и машина ушла в дрифт.

Благо, дорога была пустая! Я даже от ножек её отвлекся: может, ну их к бесам, эти ножки, если хозяйка у них — придурочная?

— Мы поворот не пропустили? — спросила она.

— Это он и есть, — кивнуть и не стошнить для меня стало настоящим подвигом. — Еще раз предупреждаю…

— Орки, я помню. Поверьте, я могу за себя постоять… Ну, и вы ведь меня в обиду не дадите, вы же смельчак, Пепеляев?

— Йа-а-а? — удивился я. — Ну да, наверное… Вот сижу рядом с вами и сам от своей смелости с ума схожу. Разговоры вот с вами разговариваю, даже заигрывать пытаюсь…

— Да-а-а? — её брови взлетели вверх. — Что, я вам прям нравлюсь?

— О-о-о, да, — кивнул я. — А толку? Мы с вами в разных лигах. Даже и пытаться не стоит.

— Глупости какие… — Вишневецкая даже, кажется, обиделась. — Что за ерунду вы говорите? Какие ещё разные лиги? По грунтовке ехать?

Последнюю фразу она произнесла другим, деловым тоном.

— По грунтовке, — сказал я. — Вперёд до металлических ворот с неоновой подсветкой. Разные лиги — это значит, что вам со мной будет сначала непонятно, а потом скучно. А мне с вами сначала тревожно, а потом — грустно.

— Много вы обо мне знаете! Думаете, небось, что я какая-то фифа с крутыми тачками… Да! Мне нравится выглядеть привлекательно и нравится быстро ездить, но это ведь не всё! Это — не вся я, понимаете?

— Прекрасно понимаю, наверное, даже лучше, чем кто-либо, — что-то, наверное, у неё в жизни происходило, раз она решила со мной об этом поговорить. — Вот мы и приехали…

Я оттолкнулся ногами — и резко выпрыгнул из машины, не открывая дверцу. Красиво получилось, мог бы и сальто попробовать сделать, но очень не хотелось опростоволоситься.

— Во-о-о-ождь!!! — закричал я. — Открыва-а-ай! «Урсе» кирдык пришел!

— «Урсе»? — услышал удивлённый выдох девушки я.

Ворота загромыхали, и перед нами предстал Вождь — зеленый, мускулистый, в своих цацках-бряцалках и с той самой Леночкой в обнимку. Леночка, которая променяла проживание в семье человеческих алкашей на общество молодого-перспективного орка, тоже была ничего, фигуристая деваха с лицом диковато-красивым и живыми, хитрющими глазами.

— Учитель! Что за базар? Как — кирдык? Я сам же её перебирал! Не мог никакой кирдык…

— Я зарядить забыл, — развёл руками я. — Замотался. Стоит тут, в лесочке, в десяти километрах.

— Ну… Это… Ох, тяжко не материться, учитель. Ох, и тяжко!

— Вождь аж надулся весь от негодования. А потом медленно выпустил из себя воздух, успокаиваясь, и спросил: — А это кто с тобой?

Он и вся его банда смотрели на Ядвигу Вишневецкую во все глаза. Как дети смотрят на торт, который на День рождения вносят. А потом вдруг — их взгляды переменились на настороженные, опасливые — и я проговорил:

— Это хорошая девочка Яся, она меня на трассе подобрала, домчала до вас, аки ветер, и вообще — ведите себя прилично, а то напугаете человека.

— Это! — старый автослесарюга-снага, который вместе с Вождем крутил мою «Урсу», тоже старался не материться. — Она — эта! Магичка! Это самое! Не человек, а колдунша! То есть… Самое! Она — эта!

— А? — я обернулся к Вишневецкой и глянул на неё квадратными глазами. — В каком смысле — магичка?

Её глаза были не менее квадратными:

— В каком смысле — учитель? — одними губами спросила девушка.

— Так! Лена-а-а… — Вождь почесал свои космы. — Лена, мне нужен запасной аккум от «Ставра». Помнишь, где он?

— В боксе у Чуба, — девчонка-то его была тоже не промах, вон, как в снажьем бардаке ориентировалась…

— Та-а-ак, уже легче… Значится, Чуб и Сипатый — идите берите танковый аккум. Грузите его мнэ-э-э-э… Например, в мой пикап. И едемте в лес заводить «Урсу». Аккум мы поставим в салон, подключим по-дикому. А потом пригоним «Урсу» сюда и будем заряжать. А с тебя, учитель — лекция про Митрандира, Буддия и Христоса. Ты обещал про мировые религии!

— Есть проблема, Вождь, — Сипатый, крупный, толстый снага, мялся на месте. — В пикапе сильно насрато, там только два человека влезут… А разгружать — нах-нах-нах… Ой!

Он даже ладонями рот прикрыл, глядя то на Лену, то на Ядвигу. Вот ведь как их Вождь выстроил, действительно — стесняются! Значит, я им про Буддия с Митрандиром, а они мне — аккумы зарядят? Нормальный расклад.

— Я довезу, — сказала Ядвига. — Мне все это ужасно интересно! Садитесь, Пепеляев!

И она снова похлопала ладонью по сиденью.

Когда мы ехали по все той же Светлогорской трассе, она спросила:

— Что это за прикол такой с Буддием, Митрандиром и Христом? Почему снага просят вас лекции по религиоведению читать? И как вы оказались учителем? Я-то думала, вы сталкер!

Или — бандит.

— Я не бандит, — обиделся я. — А что в Мозыре в Хтони подрабатывал — так это потому, что в Поисковом батальоне служил, комиссовали меня по контузии месяца три назад.

— Да-да-да, Олежа говорил, что вы сослуживцы…

— Вот! И попросили помочь там, по специальности. А я с них оргтехнику стребовал, себе в кабинет. Я ж в школе работаю, в самой обычной, земской — там в плане принтеров-ноутбуков, не говоря уже о проекторе — хоть шаром покати. Вот я и перся тогда из Мозыря с этой сумкой…

— Уф! Капец какой-то, — Ядвига потерла лоб костяшкой большого пальца. — А орки тут причем?

— А они в Орду хотят. К пану-атаману Бабаю Сархану! — пояснил я. — А у него — жёсткий конкурс, как я понимаю. Вот Вождь и решил помимо собственного бизнеса еще и общий культурный уровень повышать, потому что хочет в важные ордынские шишки выбиться.

— Ах, в Орду-у-у-у! — понимающе протянула она. — Тогда кое-что на свои места становится. Это действительно — одно из наиболее интересных общественных движений сейчас, наряду с Зоотерикой, Формацией и Скоморохами.

— Так, — теперь настало моё время чесать лоб. — А вы каким образом магичка?

— Так! — вернула она мне мою же интонацию. — Во-первых, не «магичка», а — «коллега». Я тоже в некотором роде препод. Ассистент кафедры Аквамантии Мозырского колледжа прикладной магии, на секундочку. Во-вторых — давай на ты. А в-третьих — ты что, совсем ничего не чувствуешь?

— А что я должен чувствовать? — удивился я. — А, ёлки. Тебе Мельник… Мельниченко ничего не сказал, да? Я — нулевка.

— А! Точно! Сослуживцы, поисковый, нулевка… Что это я? — она дала по тормозам, потому что мы едва не проворонили нужный съезд. — Вы… Ты полон сюрпризов, Пепеляев! Кстати, а как тебя зовут и сколько тебе лет-то?

— Георгий Серафимович, если по-батюшке, — приосанился я, хотя выглядело это в грязной кофте довольно глупо. — Двадцати шести годков.

— У-у-у, а я думала — на пять лет старше! Хотя это все борода, наверное. Но борода мне нравится… И нет, я не скажу, сколько мне лет, но я моложе, моложе! — я вообще-то и не спрашивал. — Слу-у-ушай, то есть у тебя педагогическое образование, и ты нулевка, да? А какие предметы в школе ведешь?

— Историю, обществоведение, географию, — я уже

разглядывал её более, чем откровенно.

Скорее всего, интерес со стороны Ядвиги был платоническим, даже в некоторой степени — научным. Увидала вот такой любопытный экземпляр, теперь — решила изучить… Но вводить её в заблуждение и делать из себя вид мальчика юного с сердцем пылким я не собирался. Она мне нравится — и пусть знает об этом и соотносит с этим фактом свое поведение.

— Так! Ты как относишься к подработкам? — напрямую спросила она. — У нас в колледже есть некоторая проблема с кадрами, и я думаю, директор будет очень рад, когда я расскажу о тебе. Все по твоему профилю!

— Школу я не бросаю, Вышемир — тоже. Если наше начальство утрясёт тему с расписанием, а твоему директору удастся меня заинтересовать — то почему бы и нет.

— А мне?.. — её бровь взлетела вверх то ли иронично, то ли — игриво.

Нет, точно — не игриво. Разные лиги — это никуда не делось.

— ИДИОТ! ЭТО ТЫ, ТЫ — В ВЫСШЕЙ ЛИГЕ! А ОНА — ОЧЕРЕДНАЯ САМОЧКА! — дракон рвал и метал. — ХОЧЕШЬ — ОНА БУДЕТ ТВОЕЙ? ВИШНЕВЕЦКАЯ — ХОРОШАЯ ФАМИЛИЯ, КРЕПКАЯ. ОТ НЕЁ МОГУТ БЫТЬ ХОРОШИЕ ДЕТЕНЫШИ. ОНА МОЖЕТ БЫТЬ ТВОЕЙ ПРОСТО — ПО ЩЕЛЧКУ ХВОСТА!

Мне дорогого стоило сдержаться и не выматерить его. Но — снага смогли, и я смогу. Поэтому я как можно более искренне улыбнулся и проговорил:

— А тебе — удалось. Может, скинешь мне свой контакт? Когда буду в Мозыре — можем выпить кофе или — вина, или — чего угодно.

— Скину, — на сей раз она даже и глазом не повела. — Только ты мне сразу отпиши, чтобы я потом с тобой директора связала, ладно?

Вот и бес её знает, дурит она мне голову, или правда я чем-то её заинтриговал? С такими девушками всегда надо держать ухо востро!

* * *

Сказать, что я сильно удивился, увидев выплясывающих вокруг моей «Урсы» разноцветных униженных и оскорбленных сервитутских клоунов-инвалидов — значит ничего не сказать! Эти четверо бедолаг, которые за время своей прогулки по лесам потеряли всякий облик человеческий, пытались вскрыть машину. Розовый, как наименее пострадавший из всех, долбил камнем в

водительское стекло, но результат был так себе — одна-единственная змеящаяся трещина.

Я мигом выскочил из кабриолета Вишневецкой.

— Ага-а-а! Попались! — одного окрика хватило, чтобы дельцы с нечленорадельными воплями кинулись в чащу.

— Это что — Эпплджюс и его команда? И ты вот так вот их гоняешь? — Ядвига приподнялась в салоне, а потом снова рухнула на водительское сидение. — А это — машина обычного учителя из земской школы? Знаешь, Георгий Серафимович Пепеляев, я уж устала удивляться за сегодня. Можешь считать — в третий раз тебе удалось произвести очень яркое первое впечатление! Но — я, пожалуй, поеду. Мне к семинару надо готовиться, а папе я обещала отзвониться, как приеду. Наверное, он уже волнуется… Да! И держи контакт! Напиши сразу же, как… Как сеть поймаешь.

Девушка протянула мне визитную карточку, лихо, почти на месте, нарезав шинами круг по поляне, развернула электрокар и помчалась по лесной дороге, едва разминувшись с пикапом Вождя. А я посмотрел на аккуратный кусочек картона в своей руке и прочел:

YADVIGA SIGIZMUNDOVNA VISHNEVECKAYA

yasyasakuraoka@yam.ros

А потом, размахнувшись, выбросил визитку к черту, и она закружилась на ветру, и полетела в лесную чащу. А я пошёл помогать оркам вытаскивать аккумулятор. Почему? Потому что это так не работает.

Потому, что это было бы уже слишком.

— Так что там Буддий? — Вождь вылез из кабины пикапа и обошёл «Урсу» кругом. — И куда поехала та магичка?

— Буддий… Царевич Сиддхартха Гаутам родился в Лумбини, или — в Капилаваттху, на севере полуострова Индостан, примерно в шестьсот двадцать третьем году до нашей эры. Будда — это не имя, это что-то вроде титула или звания — Пробужденный, Просветленный — вот как это переводится, — вздохнув, начал я. — И до тридцати лет он жил как царевич, ни в чем не зная недостатка. Однако после тридцатого дня рождения Сиддхартха выбрался за пределы дворца. Там, в большом мире, он впервые увидел «четыре зрелища», изменившие всю его последующую жизнь…

* * *

Яся от нейросети

10. Пассионарность

Пацаны возвращались с войны. Пацанам было от двадцати пяти до тридцати пяти лет — вот такие тут рамки первой волны мобилизации. Вторую и третью не объявляли, берегли людские ресурсы всевеликой русской земщины на случай полномасштабного вмешательства Высокой Порты — Османской Турции, или попытки японских даймё и дзайбацу пощупать Государство Российское за вымя, пока государевы служивые люди и дружины аристократов на Балканах мозги упырям вправляют.

Балканская Федерация сдувалась, теряя все новые и новые территории под ударами группы армий «Прут», восставших черных уруков из Монтенегро и сепаратистов из Раскии и других регионов. А еще были совершенно малопонятные для меня телодвижения ЧВК «Орда» и приданных ей добровольческих формирований в районе Паннонской Хтони — самого большого аномального пятна в Европе. Что там происходило — одному Богу известно, информация до земской глубинки доходила самая противоречивая, но становилось понятно, что война из полномасштабного конфликта плавно переходила в состояние управляемого хаоса на Балканском полуострове. Управляемого понятно кем — Государем.

И это нравилось далеко не всем здешним глобальным игрокам.

По новостям говорили, что Авалонский король уже выдвинул инициативу мирной конференции, тут же зашевелились Альпийские кланы, предлагая площадку для ее проведения, хор миротворцев моментально пополнился мелкотравчатыми солистами из Италии и Германии, подключилась Галлия, которая привыкла пользовать Средиземное море пополам с Турцией. Арагонская монархия выразила недовольство по поводу сохранения и усиления владений черных уруков в Монтенегро, но войну с упырями в целом фанатики с Иберийского полуострова одобряли и приветствовали освобождение населенных людьми провинций от гнета вампиров.

На этом фоне пацаны мелкими группами отправлялись по домам. Одни части земского войска снова становились кадрированными, профессиональными — и уходили на места постоянной дислокации. Из других — формировался костяк БОМС — Балканских Ограниченных Миротворческих Сил Государства Российского. Над аббревиатурой посмеивались, но тихонько, не вслух. Потому что постепенно обретавший плоть стотысячный корпус, состоящий из мотопехотных, инженерных и

танковых ветеранских частей земских войск, опричных полков, добровольческих и наемных формирований и прикомандированных магических специалистов от аристократических родов представлял собой, наверное, самое боеспособное воинское соединение такой величины на всей Тверди.

Тотальной демобилизации не было — в Вышемир отвоевавшие ребята прибывали в течение пары месяцев. Наверное, в других городах дело обстояло примерно так же. Или — нет. Мне, по крайней мере, такие расклады снова казались частью дьявольского плана по расшатыванию родного городка. Потому что, вернись пацаны скопом, например — каким-нибудь поездом Бухарест-Гомель или — Скопье-Минск — по пути вышемирцы из разных частей успели бы перезнакомиться, и тут, на месте, наверняка появилось бы какое-нибудь «Общество ветеранов Балканской войны». Такие организации обычно являются серьезным центром силы в провинции… И вполне могут дать отпор беспределу. Или — стать его частью, тут как сложится, всякое видали, всякое бывало.

Но и порционное прибытие двух или трех сотен молодых, матерых мужиков, понюхавших крови и пороху, почувствовавших себя победителями, вдохнуло новую жизнь в провинциальные будни. Государь платил за службу щедро, а пацаны принялись наверстывать упущенное, реализовывать отложенные из-за войны планы. И в сферы ремонта и строительства, общественного питания и медицинских услуг, торговли и развлечений потекли деньги. Вокруг денег тут же стали виться стервятники, за месяцы разрухи и бессилия местной власти привыкшие к своей безнаказанности. И вдруг — стали получать отпор!

— Если бы у ветеранов был лидер — Вышемир перевернулся бы с ног на голову, — Женя Зборовский сидел в беседке, откуда уже ушли вечные снага-доминошники, и пил кофе. — А так — даже не знаю, что будет. У Криштопова работы добавится — это точно. Кстати, его в уголовный розыск перевели. Такие дела…

Я возвращался после второй смены домой и подсел к нему. Вот и заобщались на темы, близкие в нашем захолустье всем и каждому. Правда, вместо кофе у меня была бутылка кефира. Так себе решение, учитывая осеннюю стылость, но в общем-то тоже ничего.

— Слушай, а ты ведь и сам — ветеран, да? — вдруг оживился он. — Ты же побывал на Балканах, несколько месяцев воевал, да? Может — займешься? Зарегистрируешь общественное объединение, я дам объявление в газету, интервью у тебя возьму… У тебя награды есть? Раскрутим всю эту тему как

положено!

Я задумался. Память Пепеляева подкидывала что-то о том, что дважды его включали в какие-то наградные списки, но был ли дан этому делу ход — неизвестно. Да и с контузией и спасением офицера история получалась какая-то мутная, то ли — подвиг, то ли — наоборот серьезный косяк… В любом случае это не имело ровным счетом никакого значения.

— Я не буду этим заниматься, Жень, — отпив кефиру, я поставил бутылку на стол. — Где я — и где ветераны? Я в армии человек случайный, сам знаешь. Призвали как ценного специалиста, повесткой, прямо с занятий сняли. А в мобпункт я добровольцем не бежал в порыве верноподданнических чувств и искреннего патриотизма. В отличие, например, от тебя… Мой фронт — он у доски, перед строем парт. Я это прекрасно понимаю.

Зборовский хмуро поболтал кофейную гущу на дне кружки. Он действительно в самом начале эскалации на Балканах, еще весной, просился на фронт военкором. Ну, а что — в армии служил, в мотострелках. Писал про всякий экстрим — то милиция, то пожарные, то аварии, то канализации прорывы… Но — не взяли. Отец четверых детей, дома сиди и детей, мол, расти. И не дури голову. Найдутся холостые или со взрослыми детьми, чтобы про войну писать. И Женя страдал. Вот такой человек: мол, почему, если они там грудь под пули подставляют — я должен тут спокойно кофе пить?

Что характерно — супруга его не отговаривала тогда. Не знаю, вообще — какая-то почти идеальная семья у них получалась. Много смеются, постоянно вместе проводят время, почти никогда не ругаются друг на друга и очень редко — на детей, часто занимаются сексом (да, да, слышимость потрясающая, да и четыре ребенка — явное тому свидетельство), ремонт делали сами, кочуя из комнаты в комнату… Книжки детям на ночь правильные читают, вслух. С соседями всеми дружат, опять же, в церковь ходят — видал их там пару раз. Какие-то фантастические ребята эти Зборовские, похлеще эльфов и орков. Разве что — ни бабушек, ни дедушек, ни каких иных родственников в окрестностях не наблюдалось — всё сами. Вроде как переехали откуда-то несколько лет назад, но что, как, почему — неизвестно.

Короче, не удивлюсь, если они сатанисты, рептилоиды или агенты под прикрытием. Это куда более правдоподобно, чем счастливая, красивая, многодетная семья, да? Нет. Надеюсь, что нет.

— Я тебе поражаюсь, Пепеляев, — сказал Женя. — Ладно, я

дурак — журналист. Но журналист — это типа круто! Стильно, необычно, престижно, в конце концов. Я с детства журналистом мечтал быть, потому что они всегда — как будто главные герои в кино, понимаешь? Но учитель… Вечно замученный, вечно виноватый, пашешь, как лошадь, за копейки… Я со своими четырьмя едва справляюсь, крыша едет порой, а там сколько детей? Пятьсот? Шестьсот? Кем надо быть, чтобы мечтать быть учителем?

— Мной, — пожал плечами я. — Нужно быть мной. Можешь считать это даром свыше: мои одноклассники, которые ни бельмеса не понимали на уроке, подходили ко мне — и я в два счета все объяснял. Даже физику и химию, в которых вроде как твоя моя не понимать. А пока объяснял — сам разбирался, доходило до меня! Я умею упрощать сложные вещи, делать их понятными. Мне это дано: запросто изложить доказательства существования Бога от Фомы Аквинского или суть отличий барокко от рококо и готики в архитектуре, или — причины и предпосылки Мятежа Пустоцветов. И что, плюнуть на очевидное мое преимущество и пойти дальнобоем фуру водить? А еще — у меня была трудная юность, у меня отец погиб — и до многого приходилось доходит своим умом, понимаешь? Потому что не было такого вот взрослого, который мне бы объяснил простые и банальные вещи… Типа того, что девушка может быть сердитой не потому, что ты ведешь себя как-то не так, а потому что у нее месячные и ей физически неудобно, и от нее, может быть, нужно просто отстать, и через три или четыре дня она будет милейшим существом на планете! Вот ты когда об этом узнал?

— В семнадцать, — он понимающе хмыкнул.

— А я — в девятнадцать. Ну, то есть, теоретически я понимал, как женский организм работает, но что это все прям настолько влияет на жизнь — это нет. Потому как спросить не у кого было… И никто из парней не понимает. И это ведь банальщина, обычная вещь! С девочками еще хуже все обстоит: у них о мальчиках имеют представления дремучие и маловразумительные… Да Бог с ними, с девочками и мальчиками. Как насчет кредитов и «семнадцати процентов годовых»? А про отличие земского собрания от Госсовета? А про четыре расы орков? А…

— Ага, — сказал Зборовский. — Всем все вроде понятно, но никто на самом деле ничего не знает. И исправить сей досадный факт — это твоя священная миссия. Понял.

— Потому что я — могу. Ты можешь классно описать то, что видел, сделать крутой репортаж. Я — могу объяснять сложные вещи простыми словами. Это и есть главное — то, что мы

можем…

— … и чего мы не можем, — Женя усмехнулся. — Ты уже задолбал с этой присказкой. Так что, ты НЕ можешь стать у руля ветеранской организации?

— Не могу, — развел руками я. — Не споюсь я с военными, даже бывшими. Я в Поисковом служил, там немного другие порядки были, да и вообще… Неавторитетная у меня внешность.

— Слишком интеллигентная, — развеселился журналист. — Бородка эта профессорская, причесочка! Рыжий, как… Не важно, как кто — очень рыжий! А когда улыбаешься — то вообще несерьезный. Военными рулить должен харизматичный мордатый мужик с мощными руками и внушительным пузом, а не какой-то хлыщ в пиджачке!

— Так точно, — откликнулся я. — Вот, врубился, журналист. Начинаешь понимать! С тобой приятно иметь дело… Ну — бывай, спокойной ночи. Пойду книжку читать…

— А что за книжка? — заинтересовался Зборовский. — Солидный томик, потрепанный… В библиотеке брал?

— Ага, — я продемонстрировал ему обложку.

Вот что там было написано:

MONSTRUM MAGNUM
ili
Drakonologiya
Genrih Institor

— Странное чтиво на ночь… — брови журналиста взлетели вверх. — Хочешь, я тебе лучше из нынешних сетевых хитов что-нибудь на ноут скину? «Сумасшедший Цесаревич», «Столоначальница», «Такой себе Властелин», «ОПГ "Хутор», «Самый теплый ветер» — народ с ума сходит! У меня планшет есть, рабочий, я скачиваю сразу пачку, когда в сервитуте бываю — там сеть хорошая, потом месяц читаю. Зачем тебе такая древность?

— Чтиво как чтиво, — пожал плечами я. — По крайней мере, лучше, чем Сартр. В любом случае — мне для дела, надо с одним вопросом разобраться…

— ИДИОТ! — сказал дракон. — МЕНЯ СПРОСИ, Я ВСЕ ТЕБЕ РАССКАЖУ!

Дракона я привычно проигнорировал.

— Ну, пошли тогда. Я тоже, в общем, тут закончил, — Зборовский вытряхнул кофейную гущу под желтый, совсем осенний куст, и мы пошли в подъезд.

* * *

Книжечка эта досталась мне весьма интересным образом.

Я просто-напросто заглянул в конец журнала того самого восьмого класса, где учились Невзорин, Жаркин, Игнатов, Морковкин, Бурова и — гоблин Яша. Там в специальной табличке рукой классного руководителя в соответствующие ячейки вписывается информация о каждом ученике и о его семье — тоже. Фамилия, имя, отчество родителей, номера телефонов, место работы, количество детей в семье, домашний адрес и прочие такие штуки.

И вот завеса тайны над удивительной эрудицией мелкого гоблина была приоткрыта: его мама, Авдотья Афанасьевна Носова, работала в Публичной городской библиотеке хранительницей фондов, что бы это ни значило. Вот откуда такой начитанный парень взялся! Нет, он говорил, что мама его в раннем детстве часто брала на работу, но я грешным делом думал, что работенка у нее типично гоблинская: дежурная в платном туалете или там — приемщица вторчермета, или — кладовщица… Стереотипы уже и в мою голову проникли, хотя, конечно, я знал, что серокожий мелкий народец имеет много талантов: в сфере ай-ти, финансов, ремесла типа ремонта одежды, обуви и бытовой техники или там в салонах красоты с парикмахерскими их тоже было полно.

А тут — библиотекарша!

В Сети ничего нет — это прописная истина для любого историка. Точнее — есть, наверное, но ничего не найдешь, если не знаешь, что искать. Для того, чтобы знать, что и как искать — нужен кругозор, база, основа. Которая приобретается или парой-тройкой сотен прочитанных книг — этим я усиленно занимался, или — учебой в приличном заведении. Это я упустил и наверстать не мог никак. То есть — знания местного Пепеляева, который тоже был неплохим историком, иногда помогали, но свободно ими оперировать, как своей собственной памятью, я не мог. Хорошо хотя бы, что они всплывали в моменты, когда меня на уроке спрашивали напрямую, типа:

— А как Арагон смог одолеть гораздо более населенную и большую по территории Кастилию?

Никакого брака Изабеллы и Фердинанда тут не было, между двумя испанскими государствами здесь произошла страшная магическая война, породившая несколько крупных хтонических аномалий… Арагон победил благодаря сплоченности аристократов-магов и их верности Короне. Так что я по памяти (его, здешнего Гоши, а не моей) мог наизусть оттарабанить клятву арагонских дворян, впервые озвученную в 1400 году и ставшую эталоном взаимоотношений между магами и монархами

Европы.

— *«Мы, которые так же хороши, как ты, клянёмся тебе, который не лучше нас, признавать тебя нашим королём и правителем при условии, что ты будешь соблюдать все наши свободы и законы; но если нет — нет».*

Конечно, в России это не работало. В России в это время только-только на равных со Степью бодаться начинали… Но это к делу не относилось. Главное — мне нужна была база, начальный уровень знаний по насущным вопросам, так что я просто взял телефон и позвонил Носовой:

— Здравствуйте, Авдотья Афанасьевна, это Георгий Серафимович, учитель Яши по истории и географии. Нет-нет, все хорошо, подготовка к олимпиаде полным ходом идет. Я по личному делу… Вот, намереваюсь кандидатскую писать о влиянии хтонических сущностей на исторический процесс, подбираю литературу. Не поможете по драконам списочек составить? Да-да, конечно, подойду, у меня форточка с четырех до пяти! Большое спасибо…

Кто ж знал, что в глубинке окажется такая библиографическая редкость? Генрих Институр, он же Генрих Крамер — между прочим, местное альтер-эго того доминиканца, что «Молот Ведьм» в нашем мире написал. Авторитетный тип! Здесь он про ведьм ничего не написывал, обстановка не располагала. А вот про Хтонь и одержимых — очень даже, всего десять или пятнадцать книжек.

Издание было редкое — аж восемнадцатый век! Из спецфонда. Вообще-то такие книжки обычно в земщине не хранились, все, что было связано с магией, Хтонью и паранормальными явлениями, из публичного доступа старательно изымалось. Но в каждом уезде имелся свой спецхран — для сотрудников правоохранительных органов, власть предержащих, ну и — педагогов и прочих музейщиков. Так что мне по блату досталось. Были там еще интересные издания, но нудная Носова буквально стала бить меня по рукам.

— И так нарушаю должностную инструкцию, выдавать и выносить за пределы библиотеки не положено! И вот еще — никаких фотографий и цифровых носителей, если что-то из этого появится в сети — меня посадят. А я потяну за собой вас!

Конечно, я уверил ее, что надолго такое сокровище не задержу, отвечаю головой и вообще — буду максимально аккуратен, почитаю и повыписываю что надо. Старинные книги в большинстве своем только выглядят страшно, и их огромность и основательность — весьма обманчива. Так-то и шрифт там большой, и расстояния между строчками солидные — в общем,

все как в первых изданиях Гарри Поттера. А самого текста не так, чтобы и очень много, самое оно за ночь прочитать. Ну, может не за ночь, а за пару вечеров: ночью спать надо!

Так что я закипятил чайник, заварил чернющего «купчика»… Купчик — это не чифир, это его младшенький братишка, тот самый крепчайший оптимум. И уселся на диван — книжку читать. Для начала открыл наугад, странице эдак на десятой, и вгляделся в латинские буквы. Я в местной грамматике здорово поднаторел, но все еще в голове своей, когда думал о текстах, представлял кириллицу. Можно сказать — переводил с одного алфавита на другой:

— … опасность заключается, что монстры оные долгое время носят человеческое обличье, свершают дела великие и ужасные и легко могут снискать славу среди людей как поборники справедливости, великие воины и правители. Однако сущность драконья неизменно верх над человеком берет, раз за разом облик его, Богом данный, изменяя. Признаки для распознавания монстра в человечьем обличии из века в век неизменны: взгляд его во гневе горит, подобно угольям из костра, в момент смертельной опасности тело покрывается чешуей, подобной кольчуге, а дыхание — смрадное и жаркое…

Я подставил ладонь и подышал на нее: вроде как не воняло, но зубы чистить почаще, пожалуй, стоит, а то мало ли… А потом продолжил чтение:

— … известны случаи, когда человек, носящий в себе дракона, взлетал в воздух, подобно птице небесной. Таковым образом известный бунтовщик и еретик Ян Жижка убил под Судомержем генерального приора Йиндржиха из Градца, коий от поля сражения на расстоянии версты находился. Богомерзкий Жижка, как говорят очевидцы, обладал всеми признаками дракона, однако в монстра не обращался и до шестидесяти четырех лет прожил, сгинув в Хтонической Багне между Пршибыславом и Видовице, что недалеко от Праги… — я уставился в текст и протер глаза, а потом задал вопрос в воздух: — Видовице, Багна, Хтонь… Нет, определенно, тот факт, что кому-то удалось дожить до преклонных лет и остаться человеком — он внушает надежду, но эти совпадения сведут меня когда-нибудь с ума. Или это не совпадения, и все на самом деле взаимосвязано — в нашем мире и этом?

— ЙОЖИН С БАЖИН! — взревел дракон. — ВЕСЬ В БОЛОТНОЙ ЖИЖЕ! ЙОЖИН С БАЖИН К ХУТОРУ ВСЕ БЛИЖЕ!

— Идиот, — сказал я.

И дракон не стал со мной спорить.

* * *

11. Эксплозивность

Я смотрел в цеклик с зарплатой и не знал — смеяться мне или плакать.

Ну, то есть по школьным меркам зарплата у меня была за сентябрь ничего такая, средненькая. Почти тысяча, на руки — за вычетом налогов получалось восемьсот пятьдесят, если быть точным. Это учитывая нагрузку чуть больше ставки, вторую категорию и статус ветерана. Тут за него доплачивали. Конечно, там, на Земле, имея высшую категорию, звание учителя-методиста и степень кандидата исторических наук я в эквиваленте получал раза в три больше, но тут… Коммунальные платежи плюс самый крутой в земщине сетевой тариф «Турбо», плюс оплата за мобильный телефон — это сто пятьдесят денег в месяц. Килограмм свинины — пятнадцать денег, литр молока — три деньги, киловатт-час зарядки для авто — деньга. Кофе (капучино 250 миллилитров в кафешке средней паршивости) — четыре деньги.

Если бы я снимал квартиру в Вышемире — такую же однушку, как у меня — то платил бы двести пятьдесят-триста денег за месяц.

Рабочий на металлургическом заводе получал две с половиной тысячи, водитель автобуса — две. Учитель — в среднем по школам — тысячу двести. Ну, возьми я все тридцать шесть часов под завязку — получится тысячу семьсот. Ве-ли-ко-леп-но. Как хорошо, что я еще и на Сыскной приказ работаю, и в деньгах не особенно нуждаюсь… Хотя — уже почти нуждаюсь, давно мне никто не звонил по этому поводу.

А в цеклике сразу под цифирками в графе «itogo k vydache» можно было прочесть: «nomer telefona kruglosutochnoj psihologicheskoj podderzhki — 223 – 322–223–322». Цинизм чистой воды! Трагикомедия! Нате вам дерьмовую зарплату, а если сильно переживать начнете — вот вам телефон психологической поддержки. Нервничаете? Ну, не нервничайте.

Так что я стоял в учительской и беззвучно ржал ровно в тот момент, когда зашла та самая молоденькая лингвистка. Старательно вбивая каблучки туфелек в крашеный жутким морковным цветом пол, она, как модель по подиуму, двинулась в мою сторону, продвигая меня взглядом голубых глаз.

— Георгий Серафимович, я пришла сделать вам строгий выговор: у вас снова на столе бардак! Я ведь недавно только все убрала как положено…

— Кому положено? — спросил я, разглядывая этот

превосходный образчик учительского шарма.

На сей раз юбка-карандаш у нее была бежевая, блузочка — тоже, а все аксессуары — бусы, браслетик, сережки и даже бэйджик — зеленые. Челочка — тщательно уложена, косметики — ровно столько, чтоб мужчины думали, что красота у нее — естественная. Глазки голубые моргают весьма решительно. Ну, и на блузке расстегнуто ровно на одну пуговицу больше, чем принято считать приличным. Готов поклясться — она только что перед дверью ее расстегнула.

— В каком смысле? — удивилась она, не ожидая от меня отпора.

— В таком смысле, Елена Владимировна, что если вы еще раз позволите себе сунуть руки в мои ящики — то попадетесь в капкан. Ей-Богу, я куплю капкан на лис и поставлю его туда. В один из ящиков. И прикрою сверху бумажкой с неприличным рисунком, который вы с присущими вам перфекционизмом и беспардонностью точно захотите выбросить, — я сложил руки на груди. — Если у вас нет кабинета и негде разместить тетрадки-бумажки и прочее — просто подойдите ко мне и скажите: Георгий Серафимович, нет ли у вас свободной полки? Это довольно просто. Люди так иногда делают — говорят ртом слова.

Ну да, она была хорошенькая, но выбесила меня за этот месяц знатно, со своими уборочками. Вот я и поговорил с ней как с нерадивой ученицей, очень суровым тоном — это когда не повышаешь голос, а понижаешь его. И брови тоже — сдвинул на переносице и смотрел не мигая, не в декольте, а в глаза.

— Ну… Ну… — пролепетала она.

Нет, так нельзя! У нее подбородок задергался, и она всхлипнула! Ну, что за дерьмо? Еленочка Владимировночка развернулась на каблуках и стремительно уцокала прочь из учительской, и плечи у нее дрожали. А потом хлопнула дверь учительского туалета и послышался шум воды. Ну, вот отлично теперь! Рыдает там. Что за детский сад?

Нет, конечно, она могла так со мной заигрывать некоторым образом, да. Такое кокетство хорошей девочки-отличницы, типа — шефство взяла над двоечником и щас его жизни научит. Только я-то не двоечник, и мамочка мне не нужна. Эдиповым комплексом не страдаю и вообще — его существование не признаю, как и прочую фрейдистскую анально-фаллическую муть. Не привлекают меня женщины, которые пытаются построить меня и воспитать. Мимо! Даже если у них красивенькая грудь второго размера, ножки что надо и глазки голубые.

Наверное, какой-нибудь жеманный дядечка лет сорока стал бы расшаркиваться и играть в поддавки в стиле «ой, а это вы, а

мне так приятно, да я специально буду беспорядок наводить, чтобы почувствовать вашу заботу». И шоколадку бы положил с запиской. Но не я.

Тем паче — «воук не палюе там, дзе жыве». Так что — точно мимо!

— Я зачем вообще сюда пришел? — задал себе вопрос я.

Сначала цеклик, потом — Елена Владимировна со своей попыткой устроить мне «строгий выговор»… Все это сбило меня с толку.

— А! Спаренный урок в двух восьмых классах! — сообразил я и двинул в сторону кабинета завуча.

Это из учительской — налево. Оттуда раздавалось шелестение бумаг и громкий, на взводе, телефонный разговор — еще секунд пятнадцать назад. А теперь — слышались какие-то странные звуки. Тихонько постучавшись, я приоткрыл дверь — и тут же отшатнулся. Завуч — тоже Елена, но Викторовна — самозабвенно рыдала, уткнувшись лицом в ладони.

Я отступил на шаг — и двинул к заместителю директора по воспитательной работе. В конце концов, она тоже могла меня сориентировать — брать мне всю параллель сразу, или все-таки никаких глобальных изменений в расписании не предвидится. Зам по воспитательной у нас была совершенно новая, точно такая же, как я, и даже новее. До нашего дурдома она работала в какой-то деревенской школе учительницей пения, и отзывы о ней поступали самые положительные. Но чтобы закрыть вакансию — перевели к нам. Матемачехова — вот какая у нее была интересная фамилия. А звали ее Любовь Львовна.

И Любовь Львовна — эта красивая, приятная женщина лет сорока пяти, сейчас плакала навзрыд, зарывшись в бумаги.

— Господи, Господи, Господи… — приговаривала она.

Стоит ли говорить, что я ретировался и двинул к последнему бастиону — в приемную кабинета директора. Только потянув за дверную ручку, я тут же столкнулся нос к носу с заплаканной и раскрасневшейся Верочкой — секретаршей, которая любила «чтоб все было и-де-аль-но!»

Она всхлипнула — и умчалась выламывать дверь в учительский туалет. Но там заперлась лингвистка, которая уже обрыдалась, так что этой новой плакальщице пришлось стоять около окна, у туалета, и драматично вытирать носик бумажными платочками, глядя на школьные клумбочки и газоны.

Я, честно говоря, пребывал в прострации от поднявшейся волны горя и досады, и боялся, что школа отсыреет к бесам, и у нас заведется грибок или появятся водоплавающие животные. И в кабинет к директору заходил я с некоторой опаской, боясь

увидеть… Именно то, что увидел.

Ингрида Клаусовна имела бледный вид. Последний бастион пал, башни были разрушены, гарнизон сдался и махал белыми флагами. Непробиваемая кхазадка терла уголки глаз большим клетчатым платком и страшно вздыхала, погрузившись в бездну страдания.

Утешало одно — в этих педагогических и административных муках моей вины не было. Наверное. Чего она вообще расклеилась? Не из-за зарплаты же?

— Дерьмо, — сказал я, выходя в коридор. — Дал Бог работать в женском коллективе. Будем импровизировать. Кхе-кхе!Та-а-ак, восьмой бэ и восьмой а! Собрали свои шерстяные вещи и двинули на третий этаж ко мне в кабинет! Р-р-р-рысью, ма-а-арш-марш!!!

Дикий радостный ор и топот полусотни пар ног заполнил лестничные пролеты. У детишек почему-то бытовало превратное мнение, что если два класса вместе — то это значит, что урока не будет. Такое мнение было фатальной ошибкой, и им предстояло в этом убедиться.

* * *

— Вы знаете, что такое курная изба? — залетаю я в класс с вопроса, и пятьдесят пар глаз смотрят на меня с удивлением. Такого захода они точно не ожидали! — Курная изба — это значит, что жилище топится по-черному. Никакой трубы, дым уходит через отверстие в потолке! Пол — земляной, редко — дощатый.

Я-то знаю, что курные избы бывали разные, и порой-довольно комфортабельные, но на данный момент роли это не играет.

— И вот представьте: жил человек в курной избе, в лаптях ходил, из транспорта — лошаденка… А через тридцать лет — самовар, граммофон, калоши, поезда, керосиновые лампы! Вот это — скачок вперед! Вот это — прогресс! Сейчас мы можем это сравнить с появлением Сети, да. Мобильники, видеохостинги, и все такое — могли наши родители в своем детстве представить нечто подобное? Девятнадцатый век был не менее богат на открытия, случился настоящий прорыв в уровне жизни, в развитии науки, техники, артефакторики, магии… Чем же было обусловлено такое бурное течение событий, такая плотность изменений? В первую очередь — изменениями социальными! — я уже был около доски, с грохотом распахнул ее и принялся размахивать руками: — Чего сидим-то? Тетрадки открываем и записываем: Реформы середины девятнадцатого века в

Государстве Российском…

Они думали, что я им сейчас скажу конспект делать, конечно. И они примутся играть в морской бой, крестики-нолики, точечки и прочую муть, а я буду бегать между рядами и гавкать, чтобы два класса сидели тихо. Вот уж нет! Тут фокус заключался в том, что для того, чтобы потратить меньше энергии — нужно потратить ее больше. Это иллюзия, что можно дать двум классам сразу самостоятельно работать и отсидеться. Или — включить кино на проекторе. Ничего не выйдет, они уничтожат друг друга, кабинет и проектор. Вот в одиннадцатом… То есть — по местным реалиям — в десятом, может быть, в девятом классе — это могло бы сработать. Но в шестом-седьмом-восьмом — нет, нет и еще раз нет. Поэтому — я решил бомбануть хороший лекционный урок, тем более, тема была мне очень близка и хорошо знакома.

Волей Творца миров, многие исторические события тут перекликались с нашими. И реформы Александра Второго, Освободителя — тут тоже проводились. Только — на двадцать лет раньше, с тысяча восемьсот сорокового по тысяча восемьсот пятидесятый. Под чутким руководством тогдашнего Государя Василия Седьмого Феодоровича. Но многое — очень многое — в обеих историях оказалось идентичным.

— Итак, освобождение крестьян с землей за выкуп часто подвергается критике — с обеих сторон. Мол, половинчатая, запоздалая реформа. Или наоборот — радикальная, преждевременная. Даже Николай наш Некрасов в своем произведении «Кому на Руси жить хорошо» намекает… — я вдохнул поглубже и продекламировал: — «Распалась цепь великая, распалась и ударила, — одним концом по барину, другим — по мужику». Ну да, на наш взгляд это было довольно дико — требовать от людей денег за землю, на которой они жили и с которой кормились. Но давайте абстрагируемся от ситуации и представим, что ваши родители снимают квартиру… Есть тут те, кто живет в съемном жилье? Ну, вот… Чье это жилье?

— Хозяина! — откликается пара голосов.

— А вы знаете, как оно ему досталось? — уточняю.

— Нет, какая разница? Сняли, да и всё!

— Именно. А если вы проживете в квартире десять или двадцать лет, она станет вашим?

— Нет, это же его квартира!

— А если ваши родители умрут, а вы продолжите ее снимать, и ваши дети продолжат — квартира будет вашей?..

— Вот блин! — сказал кто-то из учеников. — Понятно, к чему вы клоните! Но это ведь земля, а не квартира!

— А какая разница? Землю даровали предкам аристократов

за службу Государю. Весь смысл существования аристократии в России — это война и служба государству! Когда государыня Ирина Великая издала Жалованную Грамоту Аристократии, и служить стало необязательно — мы едва не получили… — вот тут я вовремя заткнулся. — Хм! Благо, Василий Феодорович осознавал необходимость реформ… Итак, земля по тогдашнему законодательству была собственностью аристократов. И сейчас они сохранили за собой значительные земельные владения…

— Юридики! — сказал Яша Носов.

— Домены… — проговорила Бурова.

— Уделы! — обернулись две близняшки с первой парты.

— Что есть одно и то же, — улыбнулся я. Приятно, когда дети имеют базу! — Абсолютно верно. Забрать у кого-то собственность — значит совершить преступление. И потому — было решено воплотить в жизнь компромиссный вариант реформы…

— Но в Авалоне… —

О, да. Я это услышал. Что характерно — от Игнатова, того самого паренька, который блевал на линейке. Высокий, бледный, худой, он постоянно побеждал в конкурсах рисунков и неплохо учился по гуманитарным предметам. Говорили, в нем есть эльфийская кровь, но я как-то не видал пока полукровок, да и не был он похож на эльфа. Скорее — на еврея, грузина или итальянца. Если бывают бледные евреи, грузины или итальянцы.

Я договорил за него:

— В Авалоне, действительно, отменили крепостное право на триста лет раньше, чем в России. Но! Оно там появилось чуть ли не на семьсот лет раньше, чем у нас! После ухода Рима… То есть — Первой Империи Людей из провинции Британия, эльдары вернулись из Каледонии, Инис Мона и Гибернии, и, практически не встречая сопротивления, захватили населенные людьми территории и закабалили их… А в конце шестнадцатого века, действительно, освободили крестьян. Через тысячу лет после их порабощения. Без земли. Кто помнит, как это выглядело, вы должны были изучать в седьмом классе…

— Огораживания, — поднял руку Яша Носов, действительно — самый умный.

— Они растили овец, потому что овцы дают шерсть и съедобные! — внезапно интерес к происходящему проснулся у Невзоркина — заводилы банды непосед и бузотеров. — А крестьян освободили и выгнали с земли, чтобы те не мешали пасти стада. Потому что крестьяне…

— Не дают шерсть! — заржал Морковкин.

— И не съедобные! — подхватил Жаркин.

— А-а-абсолютно верно! — щелкнул пальцами я. — Земля —

собственность аристократа, помните? А знаете, что они сделали потом, после того, как выгнали крестьян с земли?

— Дали им рабочие места в городе? — предположила Бурова.

— О, нет. Эльдары провели через парламент закон о смертной казни за бродяжничество.

Такое в головах детей не укладывалось, но что в этом мире, что в моем — было абсолютной правдой. Выгнать с земли на улицу, а потом повесить за бродяжничество… Очень цивилизованно. При нашем земном Генрихе Восьмом за бродяжничество казнили каких-то несчастных 72 000 человек, при местных эльдарских пресветлых королях — около ста тысяч. А потом смертную казнь заменили на «штрафное перемещение» — и повезли народ в колонии…

— Кроме эльдарского варианта, имелся еще германский — когда крестьяне оставались арендаторами, но землей не владели, а в Галлии шла парцелляция крестьянского хозяйства, но это все частности. Главный факт заключается в том, что, по сравнению с другими вариантами отмены феодальных пережитков, «половинчатая» или «компромиссная» реформа Василия Феодоровича может показаться верхом гуманизма, а удар одним концом по барину, другим — по мужику той самой «вековой цепи» — более предпочтительным результатом, чем сотни тысяч повешенных… — закончил лирическое отступление я. — Теперь давайте запишем формулу выкупных платежей…

Как по мне — так реформа на Тверди выгодно отличалась от нашей. По крайней мере, дикой переплаты за землю, как в Российской Империи, не наблюдалось, и в целом большая часть тех, кто хотел оставить себе надел, а не переселяться в город или на свободные территории — выплачивали «ипотеку» лет за двадцать-двадцать пять, не перекладывая это ярмо на шеи своих детей. Но сходства, определенно, прослеживались… Мне самому было чертовски интересно во всем этом разбираться, поэтому я вошел в раж и бегал по классу, и размахивал руками, и обрисовал всю доску мелом и, кажется, сумел загипнотизировать детей. Так что, когда прозвенел звонок — они даже сразу этого не поняли.

— Восьмой «А» и восьмой «Бэ»! — провозгласил хриплым голосом я. — На следующем уроке — проверочная по этой теме. У каждого класса — по отдельности. Все, что писали в тетради — этим пользоваться будет можно. Правила помните?

— Да-а-а! — грохоча стульями и партами, восьмиклашки покинули кабинет. — До-сви-да-ни-я-ге-ор-ги-й-се-ра-фи-мо-вич!!!

А потом в дверь вошла Ингрида Клаусовна. Ее лицо все еще было красным — как ни парадоксально, это являлось свидетельством того, что директор не так давно имела бледный

вид. Но с трагедией она так или иначе справилась и теперь снова была той самой могучей кхазадской валькирией:

— Большое вам спасибо, Георгий Серафимович, — сказала она. — От нас только что ушла очень серьезная проверка, но целых десять минут мы все стояли под дверями вашего кабинета и слушали. Вы так интересно рассказываете! И два класса… Знаете, я подам ходатайство, чтобы вам присвоили первую категорию. Экзамен — внутренний, я — председатель комиссии, думаю — все получится. Нужно будет только обобщить опыт, тему придумать…

— Интерактивные методы обучения на уроках истории, — сказал я.

Плавали — знаем. Писал.

— Отлично! — обрадовалась директриса. — Вот завтра и дадим ход этому делу… В общем — я ни разу не пожалела, что пригласила вас к нам коллектив.

— Вы не приглашали, я сам навязался, — напомнил я. — Что-нибудь еще?

На самом деле, мне не нравилась мысль, что какая-то «очень важная проверка» стояла под дверью и слушала. Я, когда в раж вхожу, такого наговорить могу… Ну, знаете — такая правда, которая никому не нужна.

— Да-да! За вами там приехали, кажется. На вахте какой-то импозантный молодой человек, судя по документам — Сыскной приказ. У вас какие-то проблемы? — настороженно глянула на меня она.

— Нет-нет, это мои работодатели… Ну, вы же подписывали документы на совместительство? Во-о-от! Консультирую их по некоторым вопросам археологии, находкам всяким, вещественным доказательствам. По моему профилю…

— А-а-а! Доннерветтер, а я уже подумала невесть чего… — выдохнула кхазадка.

— А этот сыскарь — он не рыжий часом? — на всякий случай спросил я.

— Рыжий! — обрадовалась она. — Ваш знакомый?

— О-о-о-о, да! — обреченно кивнул я.

Если бы это был кто угодно, кроме Риковича — оставалась бы надежда отделаться малой кровью и парой часов времени. Но встреча с Иваном нашим Ивановичем всегда сулила большие проблемы и большую головную боль… А у меня и так после спаренного урока голова раскалывалась, и вообще — кажется, я потерял килограмма три веса.

— У вас есть что-нибудь поесть? — внезапно даже для самого себя, спросил я у Ингриды Клаусовны.

— У меня есть конфеты, — как-то озадаченно проговорила она. — С ликером. Хотите?

— Очень! — честно признался я.

* * *

12. Фрустрация

Дорога Гомель-Брест и в моем мире была весьма живописной, а здесь, с эдаким местным налетом техномагии, и вовсе заставляла пялиться в окно почти беспрерывно. Я одну за другой поедал конфеты с ликером, которыми меня снабдила Ингрида Клаусовна, запивал их водой из пластиковой нольпятки, которую выцыганил у Риковича, и, в общем-то, чувствовал себя вполне прилично, разглядывая проносящиеся за окном пейзажи.

Убранные поля, скирды сена и соломы, коровы, дожевывающие последнюю осеннюю травку на пастбищах, болота и перелески, густые дубравы и березовые рощи, чистые и светлые сосновые боры, многочисленные ручьи, озера и речушки — все это природное, спокойное великолепие Полесья соседствовало тут с творениями рук людских.

Ну, ладно, применительно к этому миру — Тверди — не только людских. Например, на опушках леса иногда взгляд выхватывал аккуратные хутора лесных эльфов — галадрим. Двух- или трехэтажные срубы — терема с крышами из дерна, украшенные резьбой и увитые плющом и хмелем, в окружении таких же изящных деревянных хозяйственных построек выглядели так, будто только-только вышли из сказки. Стада лосей и благородных оленей рядом с такими усадьбами, сторожевые волки, патрулирующие периметр, или медведь в качестве привратника — все это служило отличным напоминанием, что я сейчас нахожусь не на Земле.

Как и многофункциональные харвестеры, висящие над землёй метрах в трех. Бог знает, какая энергия и какие технологии или чары держали в воздухе эти махины размером с хороший рейсовый автобус, но орудовал он своими манипуляторами весьма споро, обрабатывая плодовые сады какой-то местной юридики. Почему юридики? Потому что яблок размером с арбуз в земщине быть не могло по определению. Ходкевичи, Острожские, Олельковичи — роды, утратившие значительную часть своего древнего могущества, но все ещё владеющие обширными доменами на Полесье, растеряли былую шляхетскую спесь и уже лет сто как активно вкладывались в экономику, используя все преимущества, которые давали им природные магические таланты, родовое богатство и привилегии, полученные одаренной аристократией от Государей за верную службу. И конкурировать земским предприятиям с ними было очень и очень сложно.

Мне становилась понятной протекционистская политика для

земщины, при которой достать товар, произведенный не на земских фабриках, в том же Вышемире было практически нереально. А перепродажа — сурово каралась. То есть я мог купить себе «Яблочков» в Мозыре, но вздумай я загнать его тому же Женьке Зборовскому — оба получили бы как полагается… Может, и плетей бы дали, бес его знает, надо местный уголовный кодекс дотошно изучить. С другой стороны — во втором полугодии буду десятиклассникам основы юриспруденции преподавать — изучу.

— Чего молчишь, Пепеляев? — спросил Рикович, который вёл машину все это время тоже молча. — Не интересно, куда едем?

— В какие-нибудь дебри, где случилась какая-нибудь бяка, которую проще не убивать и жечь, а обойти или договориться. Ну, или в контейнер запихать, — меланхолично отреагировал я. — Кажется, вариант с турецкой баней, массажем и щербетом в нашем контракте не предусмотрен. Я на щербет и не рассчитываю, когда мне ваши звонят… Но всякий раз, когда за мной ты приезжаешь, бяка эта оказывается особенно мерзкой. Сыскари из Гомеля как-то в этом плане мне больше нравятся. И платят исправно. А у меня, между прочим, четыре урока завтра. География! Там как раз темы с метеорологией связанные, мне б почитать, повторить… Не моя специальность, малость плаваю, понимаешь ли. А тут — срывайся, мчись с тобой невесть куда… Знаешь, что такое альбедо отражающей поверхности?

— Звучит как попытка вызова Сатаны, — откликнулся Иван Иванович. — Но, если рассуждать логически, то, скорее всего, это что-то, связанное с тем, как блестящесть… Что за слово такое — блестящесть? Оно есть вообще? Короче, понятно все — если много снега, он отражает солнечный свет — то становится ещё холоднее! Чем холоднее — тем холоднее! Слушай, прям философия получается — чем хуже, тем хуже…

— Не любишь снег? — хмыкнул я. — Но догадка в целом верная.

— Я в Сан-Себастьяне в последний год работал в основном. Там тепло. Субтропики! Снег только в горах. А теперь вот мотаюсь от Москвы до Бухареста, черти что… Раньше о повышении мечтал, как о манне небесной, а теперь…

— А теперь везешь меня Бог знает куда. И Бог знает зачем!

— Ну, не только Бог. Сейчас и ты узнаешь, — он сунул руку под сиденье и достал оттуда вполне себе изящную трость. И похвастался: — Смотри, как демидовские спецы твой спикулум упаковали! Красота? Красота! Пафосно и претенциозно, но к твоим костюмчикам и штиблетам пойдет. Надо ещё тебе перелом коленного сустава симулировать, чтобы отговорка была, мол —

хромаю, потому и трость ношу.

— Я контуженый, — взяв в руки трость, я принялся разглядывать её и ощупывать, и результаты осмотра мне понравились. — У меня проблемы с вестибулярным аппаратом бывают.

— А что? — Рикович кивнул. — Нормальная отговорка. Нет, ты погляди, как сделано, погляди!

Его восхищение было понятно: тот самый артефакт, который я нашёл в куче мусора в ТУ САМУЮ Ночь, и которым я убил дракона, теперь совсем не напоминал копье и уж точно не походил на обломок граблей. Древко было покрыто каким-то коричневым лаком и перетянуто металлическими кольцами с затейливой гравировкой, остриё спикулума теперь представляло собой вполне вписанный в общую концепцию наконечник, а венчал все это великолепие набалдашник из слоновой кости. Взвесив этот аксессуар и одновременно оружие в руках, я, наконец, спросил:

— И для чего мне может сегодня понадобиться Копье Убийцы Драконов? — последняя часть фразы должна была прозвучать максимально пафосно, и, кажется оно получилось. — Я, знаешь ли, не планировал сегодня убийство рептилий…

— САМ ТЫ РЕПТИЛИЯ! — обиделся дракон. — МЫ — СУЩНОСТЬ ВЫСШЕГО ПОРЯДКА!

— Ну, не рептилии, а скорее — примата, да и убивать, я надеюсь, никого не придется… — внес коррективы Иван Иванович. — Но и вариант ликвидации исключать не стоит. Наши умники рассудили: если копье годится против драконов, то другие высшие хтонические сущности для него будут вполне уязвимы. Но, кроме настоящего владельца, использовать эту штуковину толком все равно никто не может… Потому решили привлечь тебя. Оно дешевле выйдет. Не в плане денег, а в плане разрушительных последствий для окружающей среды в целом и государства — в частности.

— Никогда не поверю, что у вас, таких умных и сильномогучих, есть только один вариант решения проблемы… — я полез в коробку, сдвинул шуршащую бумажку, пальцами вынул ещё одну шоколадную бутылочку в фольге, снял обертку и сунул в рот. — Как будто на мне свет клином сошелся.

— Ну, если не привлекать министерских магов… То есть — сотрудников Чародейского приказа. Или — танковый полк, например… Если без них, то, в принципе, Бабая можно попросить. Не, он бы согласился, ещё бы и придурка этого летающего с собой притащил или — ходячий танк с хоботом, но… Понимаешь, пан-атаман — это такой тип, как тебе объяснить? Когда он начинает

решать вопросы — то они вроде как и решаются, и все получается в итоге складно, но…

— Но…? — все эти их танцы с бубнами вокруг легендарного орочьего лидера меня уже подбешивали, если честно.

— Но — через жопу! Вот что! Все у него получается через жопу, и жопа эта горит, и всё вокруг горит и рушится, и все бегают, орут и ни черта не понимают, и происходит все прямиком в аду, нахрен! — Рикович явно имел с этим Бабаем весьма болезненный опыт общения. — Знаешь, как этот ненормальный называет все это? Крокодительство. Он говорит, мол крокодил, крокожу и…

— … буду крокодить, — закончил за него я. — Понятно. Но тут такой способ решения вопроса не подходит, тут нужно все сделать аккуратно, и потому тебе нужен интеллигент.

— Да! Потому что Бабай придёт — и натянет Мартышке глаз на жопу, с него станется. Или — она ему, тут как получится, но ни то, ни другое до добра не доведет!

— Так, стоп! — я ляпнул ладонью по панели. — Какая, к бесам, Мартышка? Куда мы, к бесам, едем? Что вообще я там должен сделать?

— В Лясковичи едем, — горько вздохнул Иван Иванович. — Усмирять хтоническую сущность высшего порядка. Мартышку, то бишь… Она припизж… Дурная баба, вот кто она!

— Ничего не понятно, — откинулся на сидении я. — Но очень интересно. Есть фото? Видео? С чем вообще придётся иметь дело?

— Возьми в бардачке планшет, там на рабочем столе сразу папочка — «Марта Крышкина».

— В каком смысле — Марта Крышкина? — удивился я. — Это сущность-то?

— Уф-ф-ф-ф… — рыжий сыскарь потёр лицо ладонью. — Ну, получается, все хтонические сущности высшего порядка раньше ничем от нас с тобой не отличались… В том смысле, что они могли жить себе и поживать, зубы чистить, в туалет ходить, чай пить, работу работать. А потом — хренак! Их пути-дорожки пересекались с Хтонью, и какой-то там резонанс случался, и все, кирдык — человек или там эльф постепенно превращается в эту самую сущность.

— Это типа как Хранители Хтони, про которых все говорят? И типа как дракон? — уточнил я.

— Хреновые примеры, — Иван Иванович попытался сосредоточиться на дороге. — Хранители Хтони иногда получаются и из животных, и из хтонических тварей низшего порядка. А драконы — они ведь без Хтони существовать могут, в отличие от остальных. Они сами и есть — аномалия, эпицентр,

хранитель и сущность в одном комплекте. Но эта — была дурной бабой, человеческой лаборанткой вроде… А потом — трах, бабах, какой-то там эксперимент, какие-то мультики про Мартышку, Слоненка, Попугая и Питона… Или — Удава? И они вот у нас…

— У нас? — на голубом глазу уточнил я.

По косвенным признакам я давно уже понял, что гости из других миров — или, если хотите, попаданцы — тут имелись, и даже в товарных количествах. То есть, не один я и не ещё парочка залетных типов, а десятки, если не сотни. И, как минимум, некоторые из них прибыли с моей родной Земли и плюс-минус из моей эпохи. Тиль Бернес этот, да и атаман Бабай поселили в моей душе вполне обоснованные подозрения по этому поводу. И те, кому положено, об этом знали и не особенно переживали. Видимо — держали вопрос на контроле. Но широкой публике сей факт известен не был, как я подозревал — все полезные попаданцы давно работали на Государя и Государство Российское — или напрямую, на зарплате, или косвенно — вот как Бернес, который патриотические песни периодически исполнял в нужных местах в нужное время. Тоже, если задуматься — не мало.

— В Хтони. В Хтони она оказалась, — покосившись на меня, проговорил Рикович. — А потом давай по ним, по Хтоням этим, скакать и бардак кругом наводить… Ты взгляни, почитай. У неё сдвиг по фазе, точно!

Меня-то в попаданчестве они не подозревали, точно. Я — это я. Георгий Серафимович Пепеляев, что там, что тут. В Поисковом служил, в школе работаю. В Вышемире живу. Как такого заподозришь? Странности, мол, у меня? Ну, так контуженый! А ещё — нулевка, и дракона завалил. Такое кому хочешь крышку с места сдвинет.

А политику партии Государю объяснять я не собираюсь, подвиги совершать — тоже, прогрессорствовать — и подавно. К политике я равнодушен, я всё-таки сторонник скорее Гоббса, чем Локка, и склонен считать любую государственную машину необходимым злом, одинаково чудовищным в любой форме. Что ты там и кому объяснишь? Сожрут и выплюнут! Подвиги — это дерьмо собачье, я вон бандитов спалил — и до сих пор переживаю, вдруг среди них кто-то случайный был? А что касается прогрессорства — так промежуточный патрон и командирская башенка тут — пройденный этап, да и вообще — не технарь я, от слова совсем. Моё прогрессорство — это педагогика и психология, слова и мысли, запихнутые в вихрастые головы дикарей из шестого или восьмого класса… И что в том мире, что в этом — ничего кардинальным образом тут не поменялось.

Читать с планшета или любого другого гаджета внутри

движущегося по трассе авто мне никогда не нравилось — тошнило. Да и ликерные конфеты свое влияние на организм оказывали. Так что я решил в тексты не лезть пока что, а сразу включил видео, и с первых кадров не удержался:

— Однако!

Рикович только вздохнул так, как он умеет.

На видео огромная шерстяная баба со всеми соответствующими женскому полу вторичными половыми признаками немалых размеров и с хвостом, торчащим из соответствующего места, тащила на плечах связку мужиков. Мужики были явно из служивых: в форме, обвесе, бронниках. И четверых эта помесь Кинг-Конга, Гарри Снежного Человека и Чубакки вполне активно перла в лесную чащу. Она то ли приплясывала, то ли — подпрыгивала и вообще — вела себя довольно развязно.

— Ты звук включи, — посоветовал сыскарь.

Я включил.

— Дождь из мужчин!

Аллилуйя!

Это мужской дождь!

Хэй-хэй! - вполне себе приятным голосом голосила Мартышка.

На фоне матерился оператор и сильно переживал за мужиков.

Ростом эта, правильнее всего будет сказать, чувиха, достигала метров трех, и, в общем и целом, обладала неким диким обаянием. Рожа, например, у неё была вполне человеческая, даже в некоторой степени привлекательная. Если вас привлекают неандертальцы. Меня не привлекали. Мне изящные женщины всегда нравились.

— Так, — потёр лоб я. — И что я должен сделать?

— Вытащить пацанов. Узнай, чего она хочет, зачем они ей… Если требования будут разумными — постараемся пойти навстречу. Если нет — другой вопрос.

— Насколько я понимаю — видосов тут больше, чем один и текста полно…

— У неё там человек двадцать. Ворует чисто служивых. Но, если верить птичкам… Беспилотникам! То они все живы. Ну, там как: во-первых — Хтонь, и техника сбоит. Во-вторых, она их камнями сбивает. Поэтому точно уверенным быть нельзя.

От этого всего у меня ум начал заходить за разум. Количество странностей зашкаливало! Мартышка, похожая на вуки из анимешек для старых извращенцев, похищенные служивые, копье вот это вот в виде трости…

— Ну, Пепеляев, ты же учитель! В женском коллективе

работаешь, у тебя там припизж… Ненормальных теток — более, чем достаточно! Неужели с этой не договоришься? Не, если что — мы тебя вытащим! Но тогда все будет по-плохому, и, наверное, пацаны не выживут, и Петриков, и Житковичи придётся эвакуировать…

— Так… Ты мне на жалость не дави, Иван Иванович. Я и так с тобой еду, значит, с этой образиной побеседовать попытаюсь. Раз все настолько печально — буду усиленно сейчас материал штудировать, — я потряс планшетом. — А тебе вот что скажу: однако, премией не отделаешься. Мне нужен расклад по Вышемиру. Кто, как, почему и насколько давно пытается поиметь мой город.

— Ять! — Рикович дал по тормозам. — Ты сейчас серьезно?!

Машина с визгом прошла тормозной путь и резко остановилась у обочины. Я едва не треснулся лицом о приборную панель, но ремень безопасности больно впился мне в ребра и ключицу и спас меня — как положено. Планшет я тоже удержал, а потом, после полной остановки транспортного средства, сунул его в отделение на двери, повернулся к сыскарю и проговорил:

— Серьёзней некуда. Я уже накушался этого дерьма, хватит. Уходил я на войну из аккуратного мирного полесского местечка, а вернулся с Балкан в бесовы Балканы! На растерзание подонкам, которые толкают наркоту детям, я Вышемир не отдам, и думай, что хочешь…

— Ять! — он повернулся ко мне. — Так это всё-таки ты спалил тех ублюдков? И других, которые в лесу сдохли от токсикации — тоже ты?

— Так они всё-таки сдохли? — с каменным лицом поинтересовался я.

— У-у-у-у, Пепеляев, ты зверь вообще! — он как-то восхищенно меня осмотрел, по-новому. — Не маг, не урук, не киборг, не оборотень… Провинциальная училка с сердцем берсерка! Вот самое страшное чудовище полесской глубинки!

— Сейчас по шее получишь, и не посмотрю, что представитель власти! — погрозил ему пальцем я. — Может, даже — лопаткой! Не сметь склонять честное-благородное имя отечественных педагогов!

Внезапно Рикович повеселел. Он снова запустил мотор электрокара, вырулил на дорогу и дальше ехал улыбаясь:

— Знаешь, Серафимыч, это ведь вполне укладывается в официальную доктрину «вызов-ответ». Ты ведь стопроцентно земский цивильный, по крайней мере — официально. Ты родился в земщине, вырос в Вышемире. И твои действия вполне можно расценить именно как ответ, соответственно, на вызов, м-да…

Интересно, как ИскИн это оценит? Формально ведь все очень даже в рамках! Даже тот факт, что у тебя хватает влияния надавить на меня! Как говорит мой друг и большой засранец Бабай Сархан — это будет большая пушдуг бууб для зажравшихся магнатов!

— Уговор? — уточнил я.

— Уговор. Ты вытаскиваешь наших, я даю тебе полный расклад. На данный момент — это вполне приемлемо. А там — гори оно все гаром!

— О-О-О-О ДА! ОГНИЩЕ!!! — обрадовался дракон. — МЫ ИСПЕПЕЛИМ ИХ ВСЕХ! НО СНАЧАЛА ПОИМЕЕМ ЭТУ МАРТЫШКУ!

Тут он запнулся, видимо, поняв, что сказанул что-то не то, и пояснил совсем другим тоном, каким-то чуть более осторожным:

— ОБРАЗНО ВЫРАЖАЯСЬ, КОНЕЧНО. БЕЗ ФИЗИОЛОГИИ. Я В ПЛАНЕ ПРЕВОЗМОГАНИЯ И ОДЕРЖАНИЯ БЕЗОГОВОРОЧНОЙ ПОБЕДЫ…

— Разумеется,- кивнул я. — Само собой.

А потом спохватился: прозвучало это слегка невпопад, но Рикович ничего не заметил. Он был весел и постоянно улыбался: как будто только что разыграл шикарную партию в шахматы. Или — слил кому-то чужие карты в покере.

Да и бес с ним.

* * *

13. Триполярка

Я выбрался из машины уже вполне оконфеченный. Набрался ликера всерьез, настроение было вполне веселое. Навеселе даже, можно сказать. Шутка ли — сожрал грамм триста или четыреста ликерных бутылочек?

Мрачный лес на пригорке меня абсолютно не пугал. Я вынул из кармана пачку салфеток, вытер штиблеты, отряхнул и расправил костюм и повернулся к Риковичу:

— Есть жвачка? — во рту было слишком ликерно и слишком шоколадно.

— Апельсиновая пойдет? — он полез в карман.

— Пойдет. И что, вон там, за распаханной полосой — Хтонь? Бывший сафари-парк? — я вытянул из салона трость-копье и покрутил его в руках.

Не так удобно, как лопатка, конечно… Но — управлюсь как-нибудь. Иван Иванович почесал обеими руками свою рыжую шевелюру и пояснил:

— Еще десять лет назад тут всё для туристов было оборудовано. Паровозик… Электровозик ходил, вагончики за собой таскал, с туристами. Из таких же вагончиков животных обычно кормили, вот зубры, лоси, олени и прочие кабаны с косулями и выбегали навстречу. Визг, писк, фотографии, восторги! Все счастливы. А потом тут Вишневецкие с Ходкевичами и Олельковичами сцепились…

— И что? Что с животными-то?

— Хтонь с ними со всеми — вот что! Когда Вишневецкие давить начали, то Ходкевичи родовой Ultima Ratio применили, потом Вишневецкие жахнули… Теперь у Вишневецких из всего рода — один старикан, два пацана мелких и девка какая-то, от Ходкевичей тоже почти никого не осталось, кроме женщин и детей, но там бабка серьезная, она всех в ежовых рукавицах держит, они выдюжат. У Олельковичей вроде получше, там глава рода выжил и из молодых кое-кто, потому как сразу понял, что старый Ходкевич полную хрень сотворил, используя ультиму, и приказал своим отступать…

— И что я могу со всем этим предпринять? — поинтересовался я. — Это жутко увлекательно, и я потом попрошу вас про Вишневецких и всех остальных поподробнее рассказать, но… Сейчас-то что делать?

— А… Ничего. Иди вон — по асфальтовой дорожке, пока она не кончится. Там будет шлагбаум, ты или пролезь под ним, или перепрыгни — только не сворачивай и не касайся. Ну, и дальше

по тропинке — пока хатку кудесника у яблоневого сада не увидишь, там будет Мартышка… В смысле — Марта Васильевна Крышкина.

— Хатка кудесника? Это что еще за бесовщина?

— Раньше туристический объект, локация для фотосессий. Теперь — сам увидишь. Ну, давай, Пепеляев, вперед. Шагай. Вон, уже и наши подъехали, так что если что — залетим на конвертопланах, все там разбомбим и тебя вытащим…

Действительно, обернувшись, я разглядел на дороге колонну из броневиков, ощетинившихся во все стороны стволами автоматических пушек и пулеметов. Они разрывали сумерки снопами света из фар, земля дрожала под десятками колес. И почти не было слышно моторов!

В небе мелькали габаритные огни конвертопланов огневой поддержки.

— Давай, два часа у тебя, — махнул Рикович. — Потом начинаем силовую операцию. Если не поможет — буду вызывать министерских. Но очень бы не хотелось. С Богом!

— Однако! — взмахнув тростью я зашагал по асфальту в сторону границы Хтони.

Мало того, что привезли черт знает куда, еще и условия теперь ставят! Не было такого уговора, сударь целовальник! Ух, отольются тебе мои слезы!

На самом деле, никаких слез не было. За эти месяцы я пообвыкся на своей второй работе, чудища и магические спецэффекты меня пугали мало. Плевать им на меня было, если честно. Так что, пока я не совался в зубы тварям и не прыгал по пораженным скверной местам типа кровавых болот или черных булькающих провалов в земле, я был для Хтони пустым местом.

Рыжебородым, оконфеченным пустым местом в коричневом костюме-тройке, кожаных стильных штиблетах и с тросточкой в руках. Я шел и, ей-Богу, насвистывал мелодию «Хасбулат Удалой», он же — гимн США. Никогда не сравнивали? Страшное сходство. Я не фанат заокеанских товарищей, я фанат странных параллелей…

Мимо пробежал шерстяной мужик с оленьей башкой, следом за ним — еще один, только с кабаньей. Сохранить самообладание оказалось довольно сложно, особенно когда их обоих ухватили толстые гибкие корни растущего у самой дороги дуба и потащили внутрь ствола, который раскрылся навстречу добыче зубастой трепещущей пастью.

— Однако, ничего нового. Стандартный набор для Полесья: живые деревья, сумасшедшие зверолюды, хищные трясины, — пробормотал себе под нос я. — Ничего нового.

Темнело. Лес стонал, выл, скрипел и перешептывался. Видно уже было откровенно плохо, так что я даже пожалел, что не взял фонарик.

— ИДИОТ, — рявкнул дракон. — ЗА КАКИМ БЕСОМ ТЕБЕ ФОНАРИК? ТЫ УМЕЕШЬ ТО, ЧТО УМЕЮ Я!

— Просить не собираюсь. Обойдусь как-нибудь. К тебе обращаться — себя дороже! — отмахнулся я.

— ЛАДНО, СПРАШИВАТЬ НЕ БУДУ, САМ ПОМОГУ!

Хоп! Я вдруг стал видеть в черно-белом диапозоне, а твари и всякие иные живые существа подкрасились, как в тепловизоре.

— Однако!

— ДВАКО, ЯТЬ! ПОЛЬЗУЙСЯ, УБОГИЙ, ПОКА Я ДОБРЫЙ!

Я достал телефон и сфоткал себя на фронталку. Вот же черт! На портрете глазки мои горели адским пеклом, точно, как описывалось в книжке Генриха Инститора! Я огляделся: лес вокруг кишел разными существами, гадами малыми и великими. Они носились туда-сюда, жрали друг друга, решали какие-то свои вопросы и не обращали на меня никакого внимания. Так что я вполне бодро перепрыгнул обещанный шлагбаум, который тоже почему-то в открывшемся мне диапазоне выглядел так, будто вместо трубы проход перегораживал нагретый кипятильник, и зашагал вверх по холму, откуда доносилось довольно мелодичное пение:

— Я построю гарем на четыреста мест
Будут пальмы, фонтаны, павлины…
Кандидатов в мужья посажу под арест
И ревнивых, и лысых, и длинных!

Такой джазовый голос, как у толстой негритянки. Я даже заслушался. А потом как-то пришел в себя, осознал контекст и вообще — тот факт, что это мне Хтонь тоньше лезвия, а обычному человеку — если военных можно назвать обычными людьми — длительное в ней пребывание может здорово ударить по здоровью и без всяких хищнических поползновений со стороны местной флоры и фауны.

Называя вещи своими именами — я боялся, что Мартышка там с ними совокупляться пытается. Вот это было бы прям страшненько. Вот этого бы я служивым не пожелал… Это в сервитуте плакаты с кошкодевочками и лисодевочками — штука довольно популярная, вон даже у Барбакана в «Орде» за прилавком я такой видал, а у нас, в земщине, народ более консервативный. Одно дело — белокурая эльфийка, другое — дикая шерстяная баба. Пусть и не лишённая некоторого шарма.

Остановившись, чтобы пропустить какие-то отрастившие ложноножки болотные кочки, я призадумался — как себя вести с

сударыней Крышкиной? С одной стороны — хтоническая сущность. С другой стороны — как минимум дней пять в месяц каждая женщина в некоторой степени — хтоническая сущность. И что теперь — тростью в нее тыкать? В женщин в такие периоды вообще тыкать ничем не рекомендуется, опасно для жизни… Как говорил некто Геральт из Ривии — « *Вежливость* никогда не помешает, тем более, что она ничего не стоит».

Но вежливость мне не понадобилась.

* * *

Только я вышел на пригорок, только успел разглядеть дебелую фигуру Мартышки, которая сидела на оструганных бревнах крыльца кудесничьего домика и штопала камуфляжный китель, только убедился, что с четырьмя служивыми все в порядке — они дрова колют у поленницы и складывают их — как Марта Крышкина совсем по-бабьи взвизгнула, увидев меня и подпрыгнула выше собственного роста:

— Все, — сказала она, приземлившись, и приложила огромные, как лопаты, ладони к щекам. — Звиздец мне пришел!

— Это не звиздец, — удивился я. — Это я пришел.

— А я о чем говорю! Звиздец и есть. Малюта, ну почему так всегда? Почему тебе мужиков на кол сажать можно и целыми полками испепелять, а мне себе парочку взять — нельзя? Ну, что за несправедливость?! Это что — так без мужика и жить теперь?

— Я не Малюта, — сказал я. — Я Пепеляев.

— Гля! — мартышка даже ладони от лица убрала. — Шо — правда? Не Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский?

— Нет, — твердо заявил я, несмотря на шевеления дракона, который явно что-то хотел сказать, но сдерживался. — Георгий Серафимович Пепеляев-Горинович, если хотите.

— Горыныч? Горыныч, да еще и Пепеляев — это тоже звиздец, — она аккуратно сложила подшитый китель и повесила его на перила крыльца, эта здоровенная трехметровая баба. — К тому же — Серафимыч. Но есть варианты, раз не Малюта. Скажи толком: ты меня убивать пришел, или чего?

— Я как-то с дамами до смертоубийства дело не привык доводить… Я вообще-то пришел в качестве посредника. Парламентера, если хотите.

— Что — мужчин моих забрать? — вздохнула грустно Мартышка. — А я вот не хочу отдавать! Мне они самой нужны! Видишь, какие по хозяйству полезные! И вообще — ну… Ну, мне смотреть на них приятно! А я люблю военных, красивых,

здоровенных, понимаешь? Я вот смотрю, как они красиво работают, как мне все делают — и мне так на душе хорошо! Ну, нравятся мне мужики, что поделать?

— Э-э-э-э… — я покосился на мужиков.

Они смотрели на меня с явной надеждой, но работать не переставали. Вообще-то она была права: рукастые оказались ребята, крепкие. Двое орудовали колунами, которые с хрупаньем врезались в березовые полешки, еще двое — выкладывали поленницу. Аккуратно, четко, по-военному.

— Давай, Горыныч, садись сюда, — она села обратно на крыльцо и похлопала по ступеньке рядом. — Хочешь чаю? Чего ты так смотришь? Я сама сделаю, это — бабское дело!

Мне подумалось, что, может, она не такая и стремная, как про нее Рикович говорил. Нормальная баба.

— Слушай, — сказал я. — Ты ведь их угробишь. Они же обычные люди. Их от Хтони скоро выворачивать наизнанку начнет.

— Блин! — сказала Мартышка и снова подпрыгнула выше собственного роста. — Но… Оазис тут, и я думала… Вот блин! Они ж помрут! Но… Не-е-ет! Эти мужчинки слишком красивые и приятные, им нельзя помирать! Смотри, какой настоящий полковник, какие у него предплечья мощные, как он дрова рубит! Я аж смотрю-смотрю и ва-а-аще… У-у-у! А этот, младший лейтенант, мальчик молодой? Ресницы видишь его? Он так делает — морг, морг! И капитан, мой капитан, видно — приличный, образованный, у него есть вкус, он же полешки один к одному кладет, любо-дорого смотреть. Знаешь, как мне нравится на них любоваться? Так бы и заобнимала до смерти… Такие масики!

— Марта! — сказал я. — Они ведь помрут. Давай я их выведу? А потом мы с тобой пообщаемся, что у тебя да как… Я же вижу — дело не в этих ребятах. Я думаю, есть какие-то тут глубинные проблемы, застарелые, да? Слушай, у Риковича в машине есть еще одна коробка конфет с ликером… Пацанов отведу — и к тебе вернусь. Чай пить. Ты как раз на стол накроешь, сядем рядком да поговорим ладком. Мне-то Хтонь тоньше лезвия, а? Хоть до полуночи можем тут торчать.

— Что, и мужика мне поможешь найти? — вдруг жалобно посмотрела на меня хтоническая женщина.

— Ну… Мы обсудим варианты, да? — растерялся я. — Война-то кончается, с мужиками попроще теперь будет!

Это что за мужик должен быть, чтоб ему зверобабы нравились, и чтоб как-то по размерам он с ней соотносился? Нет, мне казалось, что ответ какой-то есть, что-то вертится такое в

голове, вроде и вспоминал недавно — но впечатления от знакомства с этой…чувихой были очень яркими, и сосредоточиться казалось решительно невозможной задачей.

— Эх! — она с горечью махнула хвостом. — Знаешь, как они мне понравились? Я та-а-ак обрадовалась, когда из одной машины четверых таких классненьких вытащила, что чуть их там не засюсюкала на месте! Ла-а-адно… Или нет? Или да? Или если я с тобой подерусь тут, то кто победит? Ты ж не Малюта, а я дома… А где Малюта?

— УБИЛ! — ответил за меня дракон, и мартышка допрыгнула на сей раз до карниза крыши и крепко ляснулась башкой.

— А-а-а-а!!! Чего орешь как дурак дурной?! Ну, убил и убил, по Малюте скучать я не буду… Все! — она хлопнула в ладоши. — Дорогие мои мужики, дайте я вас разок расцелую… Да чего вы дергаетесь-то, не буду я вас целовать, не больно-то и хотелось, хотя хотелось, конечно… В общем, если любишь — отпусти, как говорится, так что я вас — отпускаю с вот этим вот Горынычем. Идите и вспоминайте обо мне как о величайшем романтическом приключении в вашей жизни, которое могло состояться, но не состоялась!

Я смотрел на нее с укором. Мартышка сделала невинное лицо, а потом глубоко вздохнула:

— Я думала — забудешь… Ладно, ладно! Остальные в доме спят, наработались! Они точно тебе нужны? Ну… Ну оставь мне хоть одного? Да хоть самого хлипкого мужичонку, а? Не оставишь… Ладно!

Дикая баба открыла дверь в дом и пропела:

— Прощай, и ничего не обещай,

И ничего не говори,

А чтоб понять мою печаль,

В пустое небо посмотри…

Новость о свободе настигла пленников лесной чувихи внезапно, но сообразили они все очень быстро -повскакивали и рванули ко мне, не сговариваясь.

— Ты опричный? — спросил настоящий полковник.

— Сыскной приказ, внештатный консультант, — уголком губ откликнулся я.

Кажется, такой ответ их вполне устроил.

— Ты обещал вернуться! — погрозила мне пальцем Мартышка. — А всю эту шелупонь я щас разгоню. Эгегей, звероморды, сейчас мамочка будет делать вам а-та-та!

Ухватила оставленные военными оба колуна и, размахивая ими, ринулась в чащу. Тяжелые колуны в ее руках смотрелись несерьезно, как топорики для рубки мяса.

— Пошли отсюда скорее, сыскарь, — с видимым содроганием проговорил офицер — майор, судя по погонам. — Пока она не вернулась.

И мы пошли. Когда выбрались на опушку, и к нам рванули на броневиках опричники, я все-таки спросил:

— Что она с вами делала-то?

— Да ничего особенного… Там крышу ей починили, полочку приколотили, крыльцо сладили, вот — дрова…

— Вроде как не очень-то и страшно?

— Самое страшное, — сказал настоящий полковник. — Это — беспомощность. Понимаешь?

Я его прекрасно понимал.

* * *

Рикович, честно говоря, обалдел, когда я, сунув подмышку коробку конфет «Пьяная вишня», двинул обратно в Хтонь.

— Куда-а-а? — рыжий целовальник даже руку драматично протянул.

— Чай с Мартышкой пить! — откликнулся я.

— ИДИОТ! — синхронно сказали дракон и сыскарь.

— А с тобой, рептилия, у меня вообще серьезный разговор предстоит! — размахивая тростью я шел к шлагбауму. — Что значит — убил? Ты что — не Малюта, что ли?

— ИДИО-О-ОТ… — простонал дракон. — Я ТЕБЕ ЧТО ВСЕ ЭТО ВРЕМЯ ТАЛДЫЧУ? МЫ С ТОБОЙ ОДНО ЦЕЛОЕ, Я ЗНАЮ ТО, ЧТО ЗНАЕШЬ ТЫ, ТЫ УМЕЕШЬ ТО, ЧТО УМЕЮ Я! Я — ЭТО ТЫ!

— Чегось? — я перемахнул шлагбаум мигом, походя.

— ТАГОСЬ! — буркнул дракон. — НЕ ХОЧЕШЬ МЕНЯ СЛУШАТЬ — КНИЖКИ СВОИ ВЕТХИЕ ЧИТАЙ, ИНТЕЛЛИГЕНТ ХЕРОВ. ТАМ НАПИСАНО, ОТКУДА ДРАКОНЫ БЕРУТСЯ!

— Из яиц! — возмутился я — Известно откуда! Или это, как его… Ну там — кто убил дракона, тот сам стал драконом.

— ДУРЬ КАКАЯ, — он явно потешался надо мной. — ИЗ ЯИЦ — ЭТО БЛИЖЕ К ИСТИНЕ. ВСЕ ЛЮДИ И НЕЛЮДИ В НЕКОТОРОЙ СТЕПЕНИ ИЗ ЯИЦ БЕРУТСЯ.

— Фу, — сказал я. — Похабник.

— Это с кем ты гавкаешься, Горыныч? — Марта выглянула из окна. — Никак, с головами своими? Скока там у тебя их? Семь?

— ТРИ! — откликнулся дракон. — ТЫ, ЗДЕШНИЙ ГОША И Я! ВОТ ТЕБЕ ДРАКОН О ТРЕХ ГОЛОВАХ!

Я даже плюнул под ноги от досады — ловко он базу подвел! И не поспоришь ведь!

А потом мы сидели на крыльце и пили чай с ликерными конфетами.

И Мартышка рассказала мне, что она обычная лаборантка Марта Крышкина из 2005 года, из России, и работала в каком-то НИИ на Урале вместе с профессором Помазом-Удовинским и двумя научными сотрудниками — Севой Потаниным и Ленечкой Попугиным. Изучали феномен шаровой молнии и пытались воссоздать ее в искусственных условиях. Ну, и мультики смотрели, не без того…

— Такие мужчинки были, так мне нравились! — вздыхала Марта. — Профессор — загадочный, спокойный, интеллигентный… Сева — большой, веселый, теплый такой. Левушка, конечно, трепло, но — общительный, коммуникабельный! Мне так приятно было смотреть, как они работают! А потом — тарарам и бардак, и мы все тут, в этой Тверди дурацкой. Ну, в Хтони! И я — вот такая! Я не сразу такой стала, я сразу нормальной была, но — ловкой, сильной, уверенной… Я знала, что могу больше, хотела стать большой. сильной, красивой. чтобы на меня внимание обращали, чтобы я мужиков могла штабелями укладывать и… И вот! Теперь я эта… Сущность!

— И ты большая, сильная, красивая, и укладываешь мужиков штабелями, — я все это мотал на ус, потому что аналогии были более, чем понятными. — Но — шерстяная и с хвостом!

— Вот имен-н-н-нно! — огорченно всплеснула руками Марта Крышкина. — Меня раньше мужики не любили потому что я была тихая, мелкая и невзрачная. А теперь — потому что я вона какая! Кто меня полюбит? Кстати! Ты обещал меня с кем-то познакомить…

— Однако, — и тут я вспомнил подходящего кандидата. — Слушай, а тебе нравятся огромные, лысые, пуленепробиваемые мужчины с хорошим чувством юмора и работой в сфере общественного питания? Есть ли у тебя расовые предрассудки? Имеется у меня вариант, только я понятия не имею, есть у него девушка или нет… Скорее нет, девушки его, думаю, побаиваются, а… А от своих сородичей он далековато отъехал.

— А фото есть? А сколько он весит? А он точно большого роста? Что, прям как я? А на какого он актера похож?

— А ну-ка тихо! — рявкнул я. — Связь у тебя тут есть? Будем звонить Барбакану…

— Какое красивое имя… — Мартышка умильно сложила лопатоподобные ладони на груди. — Чтоб связь ловила — это надо на крышу подняться. Хочешь, я тебя зашвырну?

— НЕТ!!! — заорали мы с драконом, и она снова подпрыгнула

и снова ляснулась о потолок.

Наверное, все-таки Рикович был прав, когда характеризовал ее как припизж… Неадекватную. С другой стороны — в этом безумном мире очень сложно бывает определить нормы адекватности.

— Это мозырский филиал «Орды?» — сказал я в телефонную трубку, сидя на коньке крыши. — Добрейшего вечерочка!

— Хуенахт! — ответила трубка. — Это «Орда», слушаем!

* * *

14. Социальное действие

В конце сентября — начале октября зарядили дожди. Регулярные тренировки на воркаут-площадке у подножия Детского парка пришлось прекратить. Я давно уже получил от Ингриды Клаусовны разрешение переместиться в спортзал, хотя физруки на меня смотрели, как Ленин на буржуазию: мол, забираю их хлеб, веду занятия бесплатно, а они могли бы как кружок оформить…

Не могли бы. Во-первых, за кружки платят даже не копейки — гроши! А во-вторых, наши физруки, в этой конкретной школе, казались мне существами весьма странными, с отношением к работе сильно специфическим. Нет, у меня, например, когда я учился в старших классах, физручка руководила секцией по туризму, а физрук имел титул мастера спорта международного класса по пауэрлифтингу, выглядел как настоящий медведь и одной рукой поднимал трех восьмиклашек сразу. Вот это были мощные люди! Глядя на таких, действительно хотелось к чему-то стремиться в плане спорта, что-то делать. Жаль, что я у них недолго проучился, и поздно они мне на моем жизненном пути попались.

Но тут, в Вышемире, похоже, с физкультуркой дело обстояло так же, как в большинстве школ нашего постсоветского пространства. То есть — никак.

В лучшем случае урок начинался с разминки, в худшем — по стандартной схеме «пять кругов вокруг школы, а потом — футбол». Кто не умеет или не любит играть в футбол — тот неудачник и отщепенец. Может ведь человек не любить играть в футбол? Вдруг он больше по спортивным и бальным танцам, или — по гиревому спорту, или — воркаут его привлекает! Нет, не бывает такого. Все должны бегать вдвадцатиром за одним мячиком по пыльному полю. Или — ходи круги вокруг школы вместе с девочками.

При этом правила игры в футбол никто толком не объяснял, вообще никогда. Отсюда появлялись «вратарь-водила», «сало» для проигравших и прочие приятные вещи. Про то, что отправляя бегать вокруг школы, технику бега тоже никому не показывали и не рассказывали — это вообще отдельная песня.

Печально тут все было со спортивной школьной жизнью, в общем.

И я в этом убедился, когда во время моих поскакушек со шведских стенок на канат, с каната — на футбольные ворота, с ворот — на турник и оттуда — на брусья в зал вошёл Игнатов. Ну,

тот худой умный парень, который блевал на линейке.

Какого беса он делал в школе в пять часов вечера, хотя у него уроки закончились в два — сие была тайна, покрытая мраком. Но факт оставался фактом: он оказался свидетелем тому, как я провожу время на своей форточке. В смысле — в перерыве между уроками длиной в академический час.

Играю вот в Тарзана из племени обезьян в свободное время, что в этом такого?

— Георгий Серафимович, — Игнатов сильно мялся и стеснялся. — А научите меня подтягиваться? Понимаете… Я с первого класса не умею подтягиваться, ну, не получается, нет силы в руках… Вишу, дергаюсь, перед одноклассниками позорюсь. Какая-то засада: осенью сдаем нормативы — ни разу не подтянулся, кол. Весной сдаем нормативы — ни разу не подтянулся, кол. Я как лох какой-то, если честно, да и вообще…

— Перед девчонками стыдно, — кивнул я. — Понятно… Можно тебе помочь, почему нет? Но месяца два-три потратить на это придется. Да и вообще — ты, Игнатов, спортом в целом займись. На регулярной основе. Оно и мозгу, и телу на пользу, и самооценку поднимешь. Скажу честно — умных и интеллигентных, дрищеватых или пухлых мальчиков-одуванчиков девочки не любят. Даже если и общаются, то… Они думают, что это называется «дружить», а по факту — просто пользуются, не давая взамен ничего, кроме своего присутствия. Это не хорошо и не плохо — это так есть.

Игнатов кивнул:

— Я хочу научиться, хочу заниматься… Просто — ну, на какую секцию я пойду? Бегать не умею — дыхалки не хватает, растяжки нет, подтягиваться не могу, кувыркаться тоже не получается… Я вообще себя никчемным чувствую!

Дерьмо. Я его понимал очень хорошо. Сам таким был, сам попал в такую ловушку. Но потом — мне повезло с тренерами. Несколько раз подряд. А ему — нет. Зато — тут есть я. Если не я — то кто?

— Давай, приходи в семь часов, тут Белов со своей бандой будет, они уже опытные — а я с тобой индивидуально позанимаюсь, первый раз покажу, какие упражнения делать надо, потом будешь сам… И вот что, Игнатов: подтягивания — это не только и не столько руки. Это, в первую очередь, широчайшие мышцы спины!

— Да-а-а? — его удивление было искренним.

Интересно, есть у нас в стране школы, никак не связанные с профессиональным спортом, где физруки рассказывают школьникам, какие мышцы за что отвечают, и как правильно

питаться и заниматься, чтобы они росли, а жир, наоборот, уходил? Ни разу не видел и не слышал ничего подобного. Ни в одном из миров. А почему?

— А я думал, надо сначала научиться много-много раз отжиматься, а потом уже и подтягивания получатся…

В ответ на такую реплику я едва фейспалм не изобразил. Но — сдержался. Парень ведь не виноват! Ему просто никто ничего не объяснял.

— Давай свою руку сюда… — пришлось показывать на пальцах, в буквальном смысле. — Давай палец, ткни мне вот сюда. Вот — я сгибаю. Чувствуешь, что напрягается? Это — бицепс. Теперь — разгибаю. Это — трицепс. При отжиманиях ты разгибаешь руки, соответственно — большая часть нагрузки идет именно на трицепс. От постановки рук зависит задействование мышц груди и плеч… Когда подтягиваешься — ты руки сгибаешь. То есть — отчасти бицепс, но по большей части — спина, те самые широчайшие.

— Оказывается, — Игнатов поразгибал и посгибал руки, потыкал себя пальцами и задумчиво глядя в потолок, спросил: — Так я приду в семь?

— Так ты приди. Если мама отпустит, — ухмыльнулся я.

— Отпустит! К вам — точно отпустит, — закивал Игнатов. — Она хочет, чтобы я вырос настоящим мужчиной, но…

— Но не знает, как это сделать, да? — мама у него была хорошая, лучше многих. Но — разведенка. — Ты и так — мужчина, Степа. Дело свое главное — учебу — делаешь хорошо. Подлости не совершаешь, слово — держишь. К девочкам относишься как джентльмен. Для начала этого вполне достаточно. Ну, а, например, решительность и храбрость без должной физической и моральной подготовки — это глупость и безрассудство. Так что приходи, приходи. Будем готовиться. Главное — настройся, делать надо долго. Месяцами. Годами. Вот это надо понять…

— Георгий Серафимыч, а вы меня впервые по имени назвали… — заметил он, уходя.

— Степанов в школе много, а Игнатов — один, — откликнулся я.

Меня давно перестали уже задевать и беспокоить такие вещи. По имени, по фамилии — ничего в этом нет ни поощряющего, ни оскорбительного. А для него в этом был некий сакральный смысл! Глядишь — уважать себя станет больше, уверенность обретет. Оно ведь таким мальчикам никогда лишним не бывает.

* * *

В фильмах про учителей, даже — в лучших из них, типа «Географ глобус пропил» или «Учитель на замену», или «Общество мертвых поэтов», или даже «Эксперимент-2. Волна» — почти всегда акцент поставлен на взаимоотношениях учителя с отдельно взятым классом. Одного учителя, с одним классом. Речь чаще всего идет о том, как педагог и ученики влияют друг на друга, чему учатся, что осознают… Иногда это все показано очень красиво — как про мертвых поэтов. Или — очень правдиво, как про учителя на замену.

Однако есть один ключевой момент, который создатели таких фильмов не хотят или не могут проиллюстрировать. На один класс в старшей школе приходится около десятка педагогов. На одного педагога приходится с десяток классов — это при хорошем раскладе. При плохом — больше. По крайней мере, для историка или географа все обстоит именно так. У математиков — по-другому, у них уроки в одном классе по пять штук за неделю, алгебра с геометрией — чуть не каждый день. Возьми себе две параллели по три класса, шесть умножаем на пять — уже тридцать часов. У филологов тоже примерно та же история. Но я-то не филолог и не математик.

Ко мне один класс приходит два раза в неделю. Те, у кого есть обществоведение — три. У кого еще и география — четыре. И, конечно, вот эти ребята въедаются в душу и мозг сильнее остальных. Но — совсем не так, как в фильмах…

Дверь ляпнула, и в кабинет влетел сначала рюкзак, а потом — Ляшков, практически кубарем. Тот самый, из десятого класса, которого во время игры «в дирижабль» хотели выкинуть из гондолы. Из его рюкзака на пол посыпались учебники, тетрадки, бумажки, фантики из-под конфет и, наверное, полкило черных семечек.

— Я-а-а-ать, Вадим, какого х… — он, отряхиваясь, стал подниматься, а потом увидел меня и весь покраснел.

Я стоял у окна и чай пил из термокружки. И о фильмах думал. А тут — они. Выпускники. Влетают, матерятся, семечки рассыпают по всему кабинету. Нехорошо!

Вообще, это интересный феномен: взрослые матерятся, дети матерятся, но друг при друге — стесняются. И порицают, когда кто-то прокалывается. Особенно дети стесняются материться при учителях. Это хорошо, наверное, мол — есть у них некий нравственный камертон. Который тоже в особенно яркие моменты своей биографии не дурак поматюгаться как сапожник. Нет, я не идейный сторонник мата, скорее наоборот. Без него, в принципе, можно обойтись — русский язык велик и могуч, но…

— Ляшков, да ты оху… — дверь снова ляпнула, ударившись о

шкаф от удара ноги, и в кабинет влетел Вадим, готовый, кажется, растерзать своего одноклассника.

А потом он заметил меня:

— Прошу прощения, Серафимыч, просто этот ган…

— Да мне насрать, — абсолютно грубо заявляю я, холодно глядя на его раскрасневшееся, потное то ли от потасовки, то ли от переживаний лицо. — Сейчас ты и Ляшков — вместе идете к техничкам, просите у них тряпку, веники и совки. Подметаете весь кабинет, оттираете дверь. Если не получается оттереть — покупаете, рожаете, синтезируете краску и красите дверь. Вопрос вы закроете в течение урока, иначе — я просто напишу докладную, и на вас составят протокол за драку.

— Но… Он же!!! — почти одновременно возмущаются пацаны.

— Р-р-р-равняйсь!!! — рявкаю я, и выпускники, уже вкусившие все прелести курса допризывной подготовки, рефлекторно вздрагивают и втягивают животы. — Смир-р-р-рна! За инвентарем к техничкам — шаго-о-о-ом — марш! А вы, десятый класс, ждете в коридоре, пока ваши попутавшие берега одноклассники не исправят мерзкое дело рук своих!

Девчонки и мальчишки суют головы в дверной проем, кто-то даже пытается сунуться в кабинет — но такие поползновения после моего окрика прекращаются. За эти несколько недель в такой ситуации со мной десятый класс еще не оказывался. И потому — они с интересом наблюдают за двумя своими товарищами, которые, поглядывая друг на друга, выдвигаются на поиски инвентаря.

— Мы зайдем, Георгий Серафимович? — спрашивает Кузевич.

— Можете зайти… — они почти рванули вперед, но я продолжаю мысль: — Если вы хотите, чтобы ваши одноклассники убирали класс, полный людей и рюкзаков. Или стойте в коридоре, если не боитесь, что вас заметит директор.

Конечно, пока два болвана ходили за метелками и тряпками, прозвенел звонок на урок, и Ингрида Клаусовна была тут как тут.

— Что у вас тут происходит, Георгий Серафимович? — она блестела очками и хмурила брови, разглядывая Ляшкова, который подметал класс, и Вадима, который тер дверь.

— Технический момент, Ингрида Клаусовна, — откликнулся я. — Ничего особенного. Ребята вызвались мне помочь, видите, какие ответственные. Добровольцы!

— Да-а-а? — она с подозрением уставилась на на Ляшкова. — И этот — доброволец?

Ляшков слыл проходимцем и большим любителем притвориться шлангом. А тут — подметал весь кабинет с

небывалым энтузиазмом.

— Да-да-да! — доброволец закончил заметать семечки на совок, поднял его на уровень груди и с дурацким видом спросил: — А это куда?

Мы с директрисой переглянулись. Нет, определенно — обязательное школьное образование это, конечно, хорошо, но дома и мясные закуски иметь надо… То есть — от подхода к взращиванию ненаглядного чада в кругу семьи его гармоничное развитие зависит в огромной степени.

А потому мы оба, я и директриса, не сговариваясь, рявкнули:

— Можешь съесть! — рявкнул я.

— За шиворот себе насыпь! — рявкнула директриса…

И снова переглянулись и засмеялись. И десятый класс — тоже. И Ляшков вместе с нами, от облегчения. Потому что вернулся из некомфортного образа трудоголика, а до этого — жертвы школьного насилия — в привычную роль местного клоуна.

И постепенно все рассосалось. Директор ушла, все расселись, а я походил туда-сюда по классу, даже и не думая поднимать их и стоять на те самые три секунды.

— Социальное действие, — говорю я. — Вы должны были проходить эту тему в девятом классе. Кто мне скажет, что такое социальное действие?

— Ну-у-у… Э-э-э-э…

— Кузевич, пожалуйста.

— Ну, социальное действие всегда направлено на других. Если я беру ручку со стола — это не социальное действие. Если я возьму ручку Легенькой — тогда да.

Он вообще был молодец, этот Кузевич.

— Значит, направлено на других… Есть и еще парочка признаков. Например — реакция на него общества. А еще — социальный контекст, в котором это действие совершается. У нас тут два социальных актора явно забыли про контекст… Вы забыли о том, что аффективные социальные действия нередко вступают в противоречие с интересами и задачами социального актора и часто приносят отрицательный результат! — я оглядываю класс и ухмыляюсь. — Говоря по-простому: вы берега попутали, сударимои. Просто представьте себе любого другого мужика, такого как я, только не учителя. Допустим, мастера прокатного цеха или начальника отдела в банке. Представили? И вот — к нему в кабинет вламываются двое парней, пинают друг друга, насыпают на пол семечек, крушат двери и мебель… Как отреагирует хозяин кабинета?

Под таким углом они на это не смотрели. Для детей учитель

— что-то сродни предмету мебели, чаще всего. Придаток к кабинету и доске. Тут даже сложно подобрать аналогию: наверное, так относятся к маме маленькие дети, которые не воспринимают ее как отдельного человека… В общем, понимание того, что учитель — это не просто учитель, а еще и плюс ко всему какой-то обычный мужик (или тетка), который находится на работе — оно порой бывает слишком сложным для подросткового мозга.

— Милицию бы вызвал, — хмуро бурчит Ляшков.

— Побил бы нафиг, — предполагает Вадим.

— Та-а-ак, первый уровень пройден, вы поняли суть пассажа про реакцию на социальное действие. Второй уровень — контекст. Какой у нас социальный контекст?

— Школа. Мы — в школе, — соображают они.

— А главная задача школы какая? Кто может ответить? — я разглядываю десятиклассников с искренним интересом.

— Воспитание гармонично развитой личности! — спохватывается оптимистичная Легенькая.

— Чтобы образовательный процесс шел… — предполагают близняшки с цветастыми волосами.

— Это… — Кузевич чешет затылок. — Знания, умения, навыки. Вот!

— Вы — очень хорошие дети, — киваю я и радуюсь. — Все правильно говорите. Правда, нам на совещаловке сказали прямым текстом, что главная задача школы — это социализация. А что это такое?

Ляшков снова проявляет сообразительность и роется в словарике в конце учебника:

— Процесс интеграции индивида в социальную систему, вхождение в социальную среду через овладение её социальными нормами, правилами и ценностями, знаниями, навыками, привычками, позволяющими ему успешно функционировать в обществе! — с листа тараторит он.

— О-о-отлично! Если говорить простым языком, социализация — это делание вас, судари и сударыни, удобными для существующего в данный момент времени общества. Представляете? Они даже не стесняются и прописывают это прямым текстом в нормативных документах, — я явно оттаял и начал входить в раж, но вовремя это заметил и вернулся к воспитательному моменту. — Значит, ты у нас, как самый сообразительный, готовишь презентацию на следующий урок по теме «Социализация»… Да-да, Ляшков, я тебя имею в виду! Тебе разобраться в теме не помешает… Записывай: определение, типы, социальные институты, влияние психических… И не хихикать

мне! Будете на следующем уроке над Ляшковым хихикать! Влияние психических расстройств и употребления наркотических веществ на социализацию… Записал?

— Ды-а-а-а…

— Не менее двадцати слайдов, и чтобы красиво было, и без бумажки рассказывал. И там уж — или десять баллов, или позорище. Выбирай сам… И ты, Вадим, не скалься — с тебя презентация по социальному действию, включая понятие, структуру, виды и функции. А мы с ребятами будем на тебя смотреть, тыкать пальцами и выискивать на слайдах грамматические ошибки. Тебе ведь не страшно, да? Ты ведь мощный и храбрый парень, вон — целого Ляшкова пинками воспитывал!

Вадику совершенно точно было страшно. Потому что одно дело — пинки, а другое — публичное выступление.

Но, если говорить начистоту, то урок мы все-таки просрали. Хотя воспитательный момент вроде бы получился.

* * *

На парковке около магазина, где я оставлял «Урсу», меня ждали. Не сказать, чтобы я испугался: в конце концов, их было только двое, а нас — целых трое. Считая меня, Гошу и дракона. Да я и один, в принципе, кое-что мог. Нож уже удобно лежал в руке, и сейчас я бы не стал особенно раздумывать, потому что очень хорошо представлял, что за типы меня караулят.

Водолазки, пиджаки, брюки, остроносые ботинки, бритые черепа и перстни на пальцах. И возраст — от сорока и до бесконечности. Бес их знает, сидельцев этих, как на них каторжанская атмосфера влияет… Это точно были люди Холода, из его поколения. И сам факт того, что они не ломились на школьную территорию и ждали меня здесь, а не у крыльца, кое о чем говорил. Наверное, как минимум, о тех самых «понятиях».

— Пепел? — прочистив горло, поинтересовался один из них.

— Пепеляев, — кивнул я.

Слишком много имен у меня развелось в последнее время. Хотя «Пепел» — это еще армейская тема, но им об этом знать без надобности.

— Тебя Холод в гости ждет. Сказал — вежливо пригласить, — проговорил второй.

— Очень любезно с его стороны, — я разжал пальцы, выпустил выкидуху и вынул руку из кармана. — Я планировал пообедать, если честно.

— В «Бегемоте» у вас встреча. Там и пообедаешь… Если аппетит не пропадет, — глаза бандита мрачно сверкнули.

Это ничего. Я тоже умею глазами сверкать, когда ситуация располагает.

— Езжайте, — я пожал плечами. — Я за вами на «Урсе».

— А… — они переглянулись.

— Что, потом меня сюда привезете, чтобы я машину домой, под подъезд перегнал? Глупости какие. Или вы думаете, что меня ваш Холод убьет? Ну, а если убьет — то зачем вам далеко за «Урсой» ехать-то? Небось, местной шпане ее не оставите, да?

— Ладно, черт с тобой… Реально говорят, что ты сильно борзый… — они пошли к своей машине, какому-то довольно скромному седану. — Но смотри! Если что…

— Из-под земли достанете? — меня это уже утомляло, особенно — после шести уроков. — Не стоит, не стоит. Улица Мира, дом 3, квартира…

— Ять! Хватит уже выжопываться, поехали! — и злобно захлопали дверями электрокара.

Было ли мне страшно? Ну да, было. В конце концов — Холод! Он весь город держит! Держал. Еще и темные силы за его плечами… Точнее — за плечами его братца. И все эти политические интриги, даже нашего местного уровня — дело весьма мерзкое…

— Что-о-о-о день грядущий нам гото-о-о-овит? — пропел я, запуская мотор.

А потом ответил сам себе:

— Не знаю, что готовит день, но на обед я буду картофельные зразы с мясом, да со сметанкой, да с бокалом темного холодного пивка… И пусть весь мир подождет!

* * *

15. Комплекс неполноценности

Холод тронул пальцем стеклянный бокал с черным портером, и тот подернулся изморозью.

— Могу еще мороженое сделать или на руке тебе обморожение устроить, — в ответ на мой недвусмысленный взгляд пояснил директор частного предприятия по ремонту холодильников и кондиционеров «Северный олень». — Но только второй степени. На третью меня не хватит.

— Не можете, — помотал головой я, а потом взял пиво и сделал несколько смачных глотков. — Ух! Действительно — волшебно! Я нулевка, на меня магия не действует. А вот ее последствия — вполне.

— Ну, не могу так не могу, — пожал плечами Холод. — Всю жизнь без финтифлюшек этих справлялся. Для того и в земщину переехал. Подальше от магии, поближе к свободе.

— Это в земщине-то — свобода? — я понимал, что он имеет в виду, но не спросить не мог. — Однако!

— Моя свобода — это знать, что ни один чванливый ублюдок, выигравший в лотерею под названием «инициация второго порядка» не сможет смешать меня с дерьмом за косой взгляд. Здесь, в земщине — все равны. Руки, ноги, голова есть у меня, у снага, у гоблина и у эльфа. Делай дела, не упускай шанса, работай как проклятый — и все у тебя будет! — Холод тоже пил пиво. — Магия — самое страшное зло в нашем мире. Маги — наш бич и наше бремя. Кучка сраных эгоистов, которые получили невероятные способности независимо от вложенного труда, ума или душевных качеств! Цивильные ощущают это не так остро, как мы, пустоцветы. Быть пустоцветом — это… Представь себе, что человек рождается слепым от рождения… Он и не знает цветов, света, игры теней и бликов на воде — и не переживает по этому поводу. А мы — получили возможность видеть, а потом у нас ее отняли. Или так — мы обрели зрение, но остались близорукими, как трехнедельные котята! И теперь какие усилия ни прикладывай — всегда найдется какая-нибудь расфуфыренная телка из сервитута, которая щелчком пальцев может превратить все, что ты делал, в прах. Или какой-нибудь залетный пиромант сожжет целую бригаду подготовленных бойцов…

— Это не пиромант, — я гянул ему в глаза. — И не пустоцвет.

Дерьмо у него были, а не аналогии. Жалобщик великий, тоже мне. Хромать лучше, чем сидеть парализованному, есть одну овсянку в сотню раз прекраснее, чем питаться через зонд, видеть даже хотя бы одним глазом, да хоть в полглаза — это несусветное

чудо по сравнению с кромешной тьмой слепоты! Да за его талант охлаждать пиво гоблины из гаражей душу дьяволу бы продали!

Может, он кого-то и разжалобит, но точно — не меня. Я-то знаю, что такое жрать одну овсянку и едва передвигать ноги, и радоваться тому, что в принципе еще дышишь и сам добираешься до туалета, а не пользуешься утками и памперсами… Но Холоду казалось, что он был достаточно убедительным, он думал, что именно поэтому я фактически признался ему в массовом убийстве.

— Понятия не имею, как ты это сделал… — он побарабанил пальцами по столу. — Но следак мне тоже сказал, что это не магия, а какой-то органический горючий раствор. Это что-то типа кустарного самопального огнемета, да?

— Наверное! — я, орудуя ножом и вилкой, отправил в рот кусок зраза, прожевал и запил пивом. — Ну, раз вы меня до сих пор не убили, значит, не сильно расстроились?

— Не сильно, — Холод кивнул. — Эта история с амнистией и закрытием психушки — явная провокация. Я пробивал — нигде, ни в одном уезде больше не выпустили столько опасных личностей… Знаешь, им ведь каждому хочется свой кусок пирога, свое место под солнцем. У них есть определенный вес, репутация. И я вынужден хотя бы делать вид, что соблюдаю обычаи и делюсь с ними. Тем, что строил многие годы!

— Интересный взгляд на положение вещей, — я старался быть сдержанным, но давалось это нелегко.

По мне, так этот доморощенный крестный отец только и делал, что стриг деньги с бизнеса, прикрываясь словами о «крыше» и «решении вопросов». Что он там строил? Какие, к бесам, вопросы, если в городе уже несколько месяцев, как творится беспредел? Кафешки, мастерские и магазинчики жгут и грабят, они из-за этого — разоряются и закрываются! Да не будь в Вышемире целой плеяды крупных казенных предприятий (например, в сфере металлургии или деревообработки), тут вообще бы все загнулось! И вот эти вот «опасные личности», с которыми сударь Холод вынужден делиться «куском пирога», и творят этот самый беспредел, в лучших традициях лихих и отвратительных девяностых!

Что-то он такое прочел в моих глазах, и потому проговорил:

— Я не хочу сдавать город Радзивиллам. Это будет означать конец моей свободы и приход сюда панов и подпанков. Да, да, я знаю, что ты знаешь, что я тоже Жевуский, — он смотрел на меня в упор. — Я его ненавижу. Жирная, жадная, жестокая, похотливая свинья, вот он кто. Но — когда мы попали в аварию под Кореличами, то у него случилась инициация второго порядка, а у

меня — двойной перелом ноги со смещением. И плевать, что с детства мелкий был ничтожеством. Теперь он — глава рода и прихвостень Кшиштофа Радзивилла, а мне дали пятьдесят тысяч денег и отправили к черту на кулички, куда угодно — подальше с глаз! И теперь они хотят мои чертовы кулички присвоить себе!

— ДА КЕМ СЕБЯ ВОЗОМНИЛ ЭТОТ СУКИН СЫН? — зарычал дракон. — ДАВАЙ УБЬЕМ ЕГО ПРЯМО ТУТ!

— И чего вы от меня хотите? — прищурился я.

— Рыбак хочет сервитут. Мы выдвинем его в предводители, а потом, когда подадим челобитную Государю на смену статуса — тогда и мэром станет.

— А я-то тут причем? — удивился я.

— Управа. Нам нужна земская управа из адекватных людей. Кто-то должен курировать социальную политику — больницы, школы, вот это все… Ты молодой да борзый, говоришь красиво, репутацию имеешь, опять же — ветеран… Человек из народа, человек со стороны, представитель молодежи. Мы не только с тобой разговоры ведем. Знаешь журналюгу этого, Зборовского? Он нынешнему составу управы плешь проел! Коммунальное хозяйство, дороги, канализация эта… С ним тоже говорить будем. Еще Лючиэнь или как ее там? Директриса из гимназии. Ее нелюди уважают. В общем, мы должны иметь инклюзивный и респектабельный вид!

— Однако, нет, — сказал я.

— Что? — удивился Холод. — Что значит — «нет»?

Он-то считал, что я у него в кармане. Все хотят в Управу, чтобы служебный автомобиль, представительские расходы и в пиджаке ходить красиво по мероприятиям, раздуваясь от чувства собственной важности. Ну, и зарплатка некислая, пять тысяч денег в месяц по земским меркам — это более, чем. Конечно, и работа — не сахар, но про это как-то сразу никто не думает.

Никто, кроме меня. Я-то знаю свое место.

— Нет, я не буду способствовать тому, чтобы вы имели респектабельный и инклюзивный вид. Спокойно, сударь мой Холод, не дергайтесь. Я не собираюсь вам помогать, ваши бесовы игрища взрослых дядей меня не волнуют. Меня волнует, когда ваши игрища начинают касаться детей. Один раз твои быки наехали на школьников, которые занимались на турничках. Хватали за шею, душили моего пацана, которого я учу! Второй раз конченый кретин Вася Баратов решил приторговать какой-то дрянью в туалете Дома культуры, когда я привел туда детей на спектакль…

— Так и этих — то же ты? — Холод, кажется отшатнулся.

— … и поверь мне, с этой историей я еще не закончил, — я

не стал развивать эту мысль вслух, но пообещал себе, что на этих же выходных наведаюсь в Мозырь, наведу справки про Штриха, который стоял за пришествием наркотиков в Вышемир. — Любой, кто посмеет ломать жизнь детям, лишать их права на то, чтобы… Как ты сказал? Иметь руки, ноги, голову, предприимчивость, рассудок — и самим решать, какую судьбу строить — любой будет иметь дело со мной. Даже вы. Если вы своими игрищами подвергнете их опасности — вы будете иметь не респектабельный вид, о нет! Это будет бледный вид, точно.

— Борзеешь, учитель… — глаза Холода превратились в амбразуры ДОТа. — Мне кажется все более привлекательной мысль не выпустить тебя отсюда. Как-то пока ты отсутствовал в городе — и проблем вроде как было меньше.

— ПОПРОБУЙ! — сказали мы с драконом и Гошей одновременно.

Дракон хотел действия, власти и признания. Гоша очень любил Вышемир и вышемирцев. А я не собирался давать в обиду детей.

— Ять… — бокал из-под пива в его руке обледенел, а потом — звяк! — распался на кусочки.

Я ткнул вилкой зразу и целиком запихал ее в рот. Было вкусно! Готовили тут как положено. А может, дело в том, что ресторан закрыли на спецобслуживание, и повар старался только для нас двоих?

— Так! — главный вышемирский решала хлопнул ладонями по столу. — Понятно. Тут два варианта: или ты не тот, кем кажешься, или — за тобой кто-то стоит.

— Или — и то, и другое, — я запил зразу пивом. — Однако, предлагаю компромисс…

— Ну-ка, ну-ка… — он глядел на меня со скепсисом.

— Вы сказали, что те самые опасные личности мешают вам жить. Что они хотят кусок от вашего пирога… Допустим! Я знаю, что вы никогда не считали детские учреждения частью этого пирога. Ваши принципы не предполагают продажу наркотиков в театрах или вовлечение школьниц в проституцию… За это я вас уважаю, честное слово. Но есть среди тех, кто вышел по амнистии, и других, кто пытается залезть на вашу делянку, беспринципные гады. Так вот: пока вы там бьете морды другим бандитам и стрижете деньги с мелких лавочников — меня это не касается. Как только кто-то переступает условный порог колледжа, школы, или — упаси Господь — детского садика, это тут же становится моим делом. И если вы захотите мне сообщить, что где-то в городе у меня внезапно появилось дело… Ну, вы понимаете.

— Хм! — он пытался представить себе варианты, при которых сможет меня использовать.

Я понимал, с кем иду на сделку, и как он может попытаться мной воспользоваться и подставить. И он понимал, что я понимаю. Но при этом — никакой информации о моих возможностях у Холода не было! И быть не могло. Ну, нулевка. Ну, борзый. Ну, служил в поисковом. Учитель, явно с поврежденной психикой, повернутый на педагогике и детках… И вдруг — предлагает разделаться с настоящими зверями в человеческом обличьи!

— Хорошо, — сказал вдруг мафиози. — У меня есть для тебя стопудовая информация. Тебе не понравится, точно говорю. Посмотрим, как сработаешь, может, и удастся нам ужиться в одном городе… Пришлю тебе человека с наводкой.

Я точно был уверен, что мне не понравится. Мне в принципе не нравилось бить людей и делать им больно. Это же неинтеллигентно! Но есть такое слово — нужно! А если нужно, то… Нужно делать так, как нужно, а как не нужно — делать не нужно!

— Жду, — кивнул я. — Надеюсь, больше к вопросам политическим возвращаться не будем. А вот если вам вдруг репетитор по истории, географии и обществоведению понадобится — это всегда пожалуйста.

— Да-а-а! — развеселился Холод. — Мне уже рассказывали, как ты лекции оркам читаешь! Идиотизм полный. Ты ведь повернутый на учительстве, да? Что, и моим бычкам культпросвет устроил бы? Совсем ненормальный?

— ЭТО МОЙ ПЕПЕЛЯЕВ, И ТОЛЬКО Я МОГУ ЕГО НАЗЫВАТЬ ИДИОТОМ! — возмутился дракон.

— Повернутый, — кивнул я. — Контуженный. И справка есть. Ну что, отпускаете меня, или попробуете все-таки прямо тут вопрос решить?

У меня аж коленки холодели от всей этой ситуации, и по спине мерзкий пот бежал. Но с бледно-мертвенным лицом я держался молодцом: это была моя суперсила, я долгие годы притворялся здоровым и уверенным в себе… Ни черта он не заподозрит. Будет думать, что я — отбитый на всю голову рыцарь без страха и упрека!

— Борзый, ну и борзый! Иди уже! Всего хорошего!

На прямых, как палки, ногах я зашагал по пустому залу ресторана к выходу, кожей чувствуя агрессивное внимание множества людей, которые тайно присутствовали в «Бегемоте». Или нелюдей — кто знает?

* * *

Пока я возвращался из «Бегемота» домой на «Урсе», голова моя была забита в основном мыслями про Мозырь и Штриха. С этим гадом нужно было что-то делать и при этом — желательно остаться инкогнито. В сервитуте, как я понимал, с одной стороны на всякие разборки между тамошними воротилами смотрят сквозь пальцы, а с другой стороны — смотрят! Камер видеонаблюдения, дронов и прочих подобных атрибутов электронного концлагеря там имелось не то, что на порядок — на два порядка больше, чем в земщине. Все просматривалось, все записывалось и анализировалось. Сервитуты являлись вообще своего рода большим испытательным полигоном для магических, технологических и артефактных новинок…

Но светить свое личико там мне не улыбалось. Побриться, что ли? Но меня ж дети не узнают потом!

— ТАК НРАВИТСЯ? — заговорщицким тоном прорычал дракон.

Я глянул в зеркало и выматерился: на меня смотрел лысый тип с усами, как у Розенбаума.

— А ТАК? — через секунд пять усов не было, а на голове красовалась пышная шевелюра на манер Курта Кобейна.

— Не думаю, что мы сможем обмануть фэйс-айди, — задумался я. — Но вот простых смертных в заблуждение ввести — вполне.

— ЕСТЬ ОДИН СПОСОБ ОБМАНУТЬ ТЕХНИКУ… — рык дракона стал очень загадочным. — ХОЧЕШЬ, ПОКАЖУ?

И тут я повелся. Поддался. Купился на уговоры этого змея-искусителя.

— Ну, покажи, — согласился я.

А в следующую секунду уже давил на тормоз изо всех сил и орал как сумасшедший. Потому что из зеркала на меня пялилась чешуйчатая кошмарная рожа с горящими золотым огнем очами и клыкастой пастью!

— Дерьмо, о… О, дерьмо! — я пытался унять бешеное сердцебиение. — К бесам такие приколы! Сволочь ты чешуйчатая, это что ж такое то?..

— У-А-ХА-ХА! — он явно был доволен эффектом. — НО ТЕБЕ ПОНРАВИЛОСЬ, СКАЖИ? ЭТО ИМАГО. ТВОЯ БОЕВАЯ ФОРМА, ЕСЛИ ХОЧЕШЬ. НЕ НАСТОЯЩИЙ ДРАКОН, НО УЖЕ И НЕ ТАКОЕ ХЛИПКОЕ СУЩЕСТВО, КАК ВСЕ ЭТИ ЧЕЛОВЕЧИШКИ… ПРЕДСТАВЬ, КАК ВСЕ ЭТИ СКОТЫ, НАРКОТОРГОВЦЫ, РЭКЕТИРЫ, ПОДОНКИ И ИЗВРАЩЕНЦЫ ПЕРЕДРИЩУТСЯ, ЕСЛИ ТЫ ПОЯВИШЬСЯ У НИХ НА ПОРОГЕ?

— Это то, о чем говорила Мартышка, да? — я не торопился снова запускать мотор. — Она тоже хотела быть быстрее, выше, сильнее, ярче, больше… И постепенно, под влиянием хтонической сущности, превратилась в эту дурную звероватую бабу…

— ТЫ ПУТАЕШЬ НЕБО СО ЗВЕЗДАМИ, ОТРАЖЕННЫМИ В ПОВЕРХНОСТИ ПРУДА, — снова позаимствовал цитату из моей головы дракон. — ОНА ВСЕГДА БЫЛА ДУРНОЙ БАБОЙ, А ПОТОМ, ПО ВИНЕ СВОИХ ВЫСОКОИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ КОЛЛЕГ, ПОПАЛА В САМЫЙ ЭПИЦЕНТР ХТОНИ, И ЕЕ ЖЕЛАНИЯ И СТРЕМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛИЗОВАЛИСЬ — И ТАК МАРТА КРЫШКИНА СТАЛА МАРТЫШКОЙ. А ТЫ — ВСЕГДА БЫЛ ДРАКОНОМ, И КРОВЬ МАЛЮТЫ ПРОБУДИЛА МЕНЯ… ТЕБЯ!

— Однако! — вот тут я подвис. — В каком смысле — всегда был? Это Гоша, что ли?

— И ТЫ, И ГОША — КАЖДЫЙ ИЗ ВАС В СВОЕМ МИРЕ! ТЫ СПРАШИВАЛ, ОТКУДА БЕРУТСЯ ДРАКОНЫ… ОТ МАМКИ С ПАПКОЙ! ТВОЙ ОТЕЦ БЫЛ ДРАКОН, И ДЕД, И ПРАДЕД — ВСЕ МЫ! ИСПЕПЕЛИТЕЛИ! ГОРЫНЫЧИ! НО ЗА ТЫСЯЧУ ЛЕТ НИКТО ИЗ НИХ ТАК И НЕ ВСТРЕТИЛ НАСТОЯЩЕГО, ОСОЗНАВШЕГО СЕБЯ ДРАКОНА… ПОТОМУ И СГОРАЛИ, И УМИРАЛИ МОЛОДЫМИ! КАК АЛЕКСАНДР, КАК ЗИГФРИД, КАК ГУСТАВ АДОЛЬФ, КАК СКОПИН-ШУЙСКИЙ!

— Подожди, подожди… Это что — у меня инсайт? Типа — катарсис? Если ты — это я, а я — это ты, то я сейчас до этого сам допетрил? Мол — кровь дракона, взрослого, пришедшего в свое естественное состояние — это есть катализатор для инициации дракона молодого? Не убийство — а кровь?

— АЛЛИЛУЙЯ, ДЖАФАР! — скотина еще и из этого кинца цитатку украл, демонстрируя свою и мою идентичность.

— Так это получается, что… Уф. Вот это наследственное заболевание, и самоубийственная пассионарность…

— ПОДУМАТЬ ТОЛЬКО! ТЫ НАЧАЛ ДУМАТЬ ГОЛОВОЙ А НЕ ЖОПОЙ! И ДА, НА ЗЕМЛЕ ТОЖЕ РАНЬШЕ БЫЛИ ДРАКОНЫ, ЭТО СЕКРЕТ ДЛЯ ТЕБЯ? И ДА, ВСЕХ РАСКРЫВШИХСЯ ДРАКОНОВ УБИЛИ… ПОСЛЕДНЕГО — ПРИМЕРНО В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ. ДА ТЫ САМ МОЖЕШЬ ВСПОМНИТЬ МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ, И ЯВНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА! КТО У НАС ТУТ КАНДИДАТ НАУК? ТАК ЧТО КАЖДЫЙ СКРЫТЫЙ ДРАКОН СГОРАЛ ЗАЖИВО В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ТЕЛЕ, ЯРКИМ МЕТЕОРОМ ПРОНОСЯСЬ НА НЕБОСКЛОНЕ ИСТОРИИ… ИЛИ ПРОЗЯБАЯ В ЗАБВЕНИИ — КАК ПОЛУЧИТСЯ. А ТУТ МЫ — ЖИВЫ! НУ ДА, НАС НЕМНОГО, НО…

— Мы… — обреченно сказал я. — Мы — кандидат наук. И да, свидетельств более, чем достаточно. Но, секундочку! Если Александр и Скопин-Шуйский, и другие нераскрытые драконы

помирали без инициации в молодом возрасте, а другие — как местный Малюта — инициировавшись, превратились в итоге в чудо-юдо…

— САМ ТЫ ЮДО! ЮДО — ЭТО ТЕБЕ В ПАЛЕСТИНУ!

— Но есть же Ян Жижка! — проигнорировал я его странный пассаж. — Тот гуситский чешский полководец! Он ведь тоже был драконом, так? И как-то продержался до преклонных лет!

— ЧЕРТОВ ФАНАТИК… ОН БЫЛ СЛЕПЦОМ, КОГДА ВСТРЕТИЛ ЗАВИШУ ЧАРНОГО — ВЕЛИЧАЙШЕГО ИЗ ДРАКОНОВ ВЕКА — И РАСКРЫЛСЯ, ПРЕДСТАВЬ СЕБЕ! СЛЕПОЙ НЕПОБЕДИМЫЙ ГЕНЕРАЛ… ВОЛЕВОЙ БЫЛ МУЖИК! КОНЕЧНО, ИНИЦИИРОВАВШИСЬ — ОН ВЫЗДОРОВЕЛ И ВОЗГЛАВИЛ ГУСИТОВ, И ОГНЕМ И МЕЧОМ ПРОШЕЛ ПО ЕВРОПЕ…

И тут меня отпустило. Если силы воли хватило средневековому фанатику, пусть и такому прославленному, как Ян Жижка — то и мне хватит. Я умею держаться до конца. Чему-чему, но этому я научился.

— Еще пободаемся, рептилия. Я тебя еще за хвост попридержу…

— ОЙ-ОЙ, ДОЛГО ЛИ?

— Столько, сколько смогу, — решительно тряхнул головой я и завел мотор.

Впереди было слишком много работы.

16. Манифестация

Если бы меня спросили, что самое худшее в учительское работе, не считая бумажек, совещаловок и прочей околофутбольной, не относящейся напрямую к учебному процессу, мути, то я бы точно знал, что ответить.

Худшее — это последний урок второй смены, у шестого класса. Да, я перед началом учебного года пытался от них откреститься, но школа — это школа. Засасывает. Коготок увяз — всей птичке конец. «Георгий Серафимович, а вы замените…? Только сегодня, на следующей неделе уже найдем, кому вести… А может, возьмете — нагрузка не лишняя будет, денежка опять же… Ой, а вы знаете — у Любови Львовны под вечер сильно давление поднимается, и вообще — у зама по воспитательной такая загруженность, может вы все-таки себе заберете…»

А к половине восьмого у меня в голове накапливалось ощущение, как будто там вместо мозга плавленый сырок, в кипящем состоянии. Хочется сделать себе самому трепанацию черепа, открыть крышку и дать там всему остыть изнутри. Почему? Ну, если говорить начистоту, то к окончанию школы мы все забываем, что творилось у нас на уроках в шестом классе. И родители об этом тоже, конечно, имеют самое общее представление… Человеческий разум не в силах всерьез воспринимать царящий во время учебных занятий уровень беспредела — и просто стирает эти воспоминания из памяти.

Конечно, бывают разные ученики и разные классы. Но общая картина для 11–12 летних недоподростков примерно одинаковая, даже, выражаясь местной терминологией — хтоническая. Я фиксировал ее записями в дневники учащихся, чем вызывал их искреннее недоумение:

— Ну-у-у-у, Георгий Серафимович, как я маме это объясню?

— Ну, ты же как-то это делал? Значит — как-то объяснишь.

Записей я делал великое множество и разнообразию их несть числа. Скучное «Поведение неудовлетворительное» меня давно не устраивало, поэтому я старался в одно предложение поместить максимум сути произошедшего. Как то:

«Разжевал ручку в плеточку и бил ею одноклассницу»

«Ползал во время урока между рядами парт по-пластунски, изображая спецназ»

«Соорудил на голове бурнус из свитера, поставил стул на парту, залез на него, провозгласил себя фараоном и потребовал преклонения»

«Захаркал всю доску бумажечками из трубочки»

«При помощи двух глобусов изображал из себя женщину распутного поведения»

Чаще всего такие записи были в мужском роде — дурели в основном, конечно, мальчишки. Но и девчонки порой заставляли призадуматься о бренности бытия:

«Выцарапала на парте циркулем семнадцать половых органов»

«Выжала в рюкзак однокласснику мокрую тряпку с мелом»

«Вплела в волосы подруги три жвачки»

Чтоб полностью осознать степень абсурда происходящего, нужно понимать, что все это творится во время урока, не на перемене, и при большом желании таких записей за сорок пять минут можно сделать семь или восемь, или сто двадцать восемь. Это если в классе нет ярко выраженного клоуна. Если есть — дело труба. Ад и жупел.

Перчинки добавляет тот факт, что тему нужно объяснить, домашнее задание — проверить и вообще — делать вид, что учебный процесс двигается своим чередом. То есть, гаркнув на такого разжевывателя ручек в плеточки, далее нужно делать каменное лицо, как будто жеваная плеточка — дело обычное, проходное, и продолжать вести урок:

— … сидел в порубе в Киеве, откуда его освободили сами киевляне и выбрали князем, чтобы опытный полководец и политик Всеслав Брячиславович, прозванный Чародеем, защитил стольный град от наступающей орды половцев… ПОЛОВЦЕВ!!! Та-а-ак… Дневничок сюда. Еще одно замечание и делаю запись… Итак, Всеслав Чародей. М-да… Считается, что он был сильным магом — иначе сложно объяснить вспыхнувший мор, массовую гибель половецких воинов от неведомой заразы, отступление ослабленной орды и поражение ее от значительно меньшей по численности дружины Святослава Черниговского. Однако Всеслав не доверял киевлянам и вскоре покинул Киев ради того, чтобы вернуться в родной Полоцк… ПОЛОЦК!!! Шестой бэ, вы путаете берега! И Фурманцев — особенно. Фурманцев, у тебя, я вижу, очень много энергии. Ты активист. Ну-ка, ну-ка… До конца урока двадцать минут, самое время для физкульт-минутки. Давай, сударь мой Фурманцев, выходи к доске и командуй… А чего на меня смотришь? Проводи физкульт-минутку, давай, шевели руками и ногами… Проявляй креативность и инициативу.

Нет другой такой работы, где ты не имеешь права выдохнуть и выпустить пар. Не имеешь права позволить себе психануть… Помните, как мерзко выглядит орущий учитель, брызгающий слюной и красный? Конечно, помните. А помните, почему он так взбеленился? Далеко не всегда… Иногда это кажется пустяком.

Ну, в конце концов, что такого: плюются на последней парте ребята из трубочек. А на первой мальчик девочке матерные записки пишет. А на третьей — дерутся смертным боем.

— Вас много, а я одна!!! — орет учительница, несмотря на свои сорок лет стажа, не желая понимать, что им пофиг.

Каждый из них — один. Никто не в ответе за весь класс. Двадцать человек не запомнят плевательные трубочки и одну из тысячи потасовок известных бузотеров. Они запомнят перекошенное лицо математички/русички/физички и слюни у нее изо рта.

Меня всегда выручало то, что я большой бородатый дядька, а не какая-то там молодая или старая историчка. И я понятия не имею, какими-такими магическими ритуалами одна из десяти или двадцати учительниц в девяноста процентах уроков все-таки умудряется держать дисциплину. У меня была такая географичка — она же директор школы, например. Маленькая, сухонькая женщина, которая завораживающе рассказывала про острова Полинезии и при этом — держала класс в ежовых рукавицах. Но даже у нее были те самые десять процентов, когда она краснела и выходила из себя…

Я вроде бы держался, хотя дети говорили, что очень страшно таращу глаза и желваками играю. А еще вены на предплечьях вздуваются, и тогда они думают, что я точно кого-нибудь убью. Ну — вены не слюни.

— Что ж, вам осталось выписать основные даты из параграфа в тетрадки, а я пока прокомментирую ваши самостоятельные работы с прошлого урока… Если захотите повысить отметку — ваша работа на сегодняшнем уроке, плюс записи в тетради пойдут в зачет… — тоже такая себе методика как заставить их корпеть над тетрадями.

Хоть помолчат финальные десять минут. Отметки у них так себе: класс слабенький. По десятибалльной шкале — в основном от трех до семи. Но попадаются и приятные исключения.

— Пачицкая — девять, Панченко — семь… Тарасов — восемь, Уханов — два, Шутов — девять!

— Что-о-о-о?! — весь класс аж загомонил, заозирался, поглядывая на последнюю парту.

Шутов — бедолага. Хороший пацан, добрый, с густой шапкой вечно нечесаных и немытых пшеничных волос, с голубыми глазами, в потрепанной, часто нестираной одежде. У него мама алкоголичка. Но до этого — вполне успешная бухгалтерша на крупном заводе. А потом — развод, раздел имущества, коньяк, водка, бырло, притон в доме. И Тёма Шутов посреди всего этого. До семи лет жил в семье внешне благополучной и

респектабельной, после этого… СОП — социально опасное положение, так это называется.

Ну, и относились к нему соответственно. А как к нему относиться, если от него попахивает? Не чмырят, но садиться рядом не хотят, общаться — тоже, ручку одолжить или учебником поделиться — ни в жизнь! Понятно почему? Конечно, понятно. Виноваты ребята? Да нет, не особо. Виноват Шутов? Ни в коем случае.

— Народ волнуется, — усмехаюсь я. — Спокойно, спокойно. Вот — листочек с ответами. Вот — одна ошибка, девять правильных ответов. Шутов не списывал, я наблюдал. Что заработал, то и поставлю.

— После двойки? — спрашивает жутко правильная Пачицкая. — А так можно?

— Если заработал — можно. Шутов, давай дневник, я тебе отметку поставлю. Молодцом, Тёма.

Однако, всегда бесила эта манера занижать тем, кто привычно плохо учится, отметки. Меня порой склоняли на совещаловках — и в той жизни, и в этой, мол, как это: два, девять, четыре, десять, три, семь — подряд, у одно ученика. Я сражался, как лев, отстаивая свое право ставить то, что человек заработал. Не взирая на «у него же по математике три, как можно по истории ставить девятку?» Да мне насрать, что у него по математике.

У Шутова по математике за прошлый год, кстати, была двойка. А теперь он шел к моему столу и едва ли не светился. Нет, правда — глаза у него сияли, и волосы — сияли, и лампы неоновые на потолке горели нестерпимо ярко…

— ШЕСТОЙ БЭ, НЕМЕДЛЕННО ПОКИНУЛИ КАБИНЕТ! ВСТАЛИ ВСЕ И ВЫШЛИ! ПАЧИЦКАЯ, БЕГОМ В УЧИТЕЛЬСКУЮ, К ЕЛЕНЕ ВИКТОРОВНЕ, И СКАЖИ, ЧТО У ШУТОВА ПЕРВЫЙ ПОРЯДОК! БЕГОМ, БЕГОМ! ВСЕ БЕГОМ!!! — я был весьма убедительным, а может — сияющий Шутов их пробрал до печенок, но пацаны и девчонки с грохотом роняя стулья, рванули прочь.

Только бы никто не убился…

Шутов, чуть ли не искря на ходу, ничего это не видел и не слышал. Он медленно шел вдоль рядов парт ко мне, с дневником в руках. А я и не думал двигаться с места — если у него фокус на этом самом действии, на заслуженной девятке в дневник — то Бога ради, поставлю я ему девятку. Пусть идет сюда, подальше от двери.

Мне-то эта самая инициация никак не повредит, наверное. Главное — чтобы он ни на кого другого не отвлекся.

— Молодец, Тёма, подучил… — говорю и кручу ручку в

пальцах.

— А я не учил, Георгий Серафимыч, — звенящим голосом проговорил Шутов. — Я все запомнил на прошлом уроке! Вы так интересно все рассказываете…

— У тебя отличная память, — киваю. — Грех не пользоваться. Давай сюда дневник…

Лопнула одна из ламп в конце кабинета, обдав парты и пол снопом осколков. Потом — вторая. Шутов замер у учительского стола, и из глаз его вырывались целые снопы света, как от фар той же «Урсы». Я поставил в нужную клетку девятку, расписался, а потом сказал:

— Слушай, Тёма, а можешь мне помочь? — нужно было занять его еще минут на десять, пятнадцать — как можно дольше.

— Да, Георгий Серафимович! А что надо сделать? — снопы света из глаз Шутова отражались от оконных стекол, гуляли по кабинету.

По всей школе уже слышался топот ног, на улице — гудела сирена.

— Давай с тобой поднимем стулья, парты подравняем… — предложил я. — А то ребята убежали, глянь, как неаккуратно получилось! Непорядок!

— Конечно! — он был добрым парнем, правда. — А что, урок уже закончился?

— Видимо, закончился, — кивнул я.

Лопнула еще одна лампа, поближе к нам. Но я уже видел, что свет в глазах Шутова потихоньку тускнеет, да и волосы больше не искрят. Волосы! Чистые! Как будто он был только что из бани! Вся одежда — белоснежная! Раньше были джинсы синие и свитерок пестрый, а теперь — реально белые-белые! Дурдом какой… Мы с ним подняли стулья, а потом Тёма подметал осколки от ламп, а я собирал вещи школьников и складывал их в рюкзаки.

Опричники и министерские маги прибыли минут через двадцать. К этому времени в школе не было ни души, кроме меня и Шутова, территорию оцепила милиция, на улице дежурили два экипажа скорой и одна пожарная машина.

В дверь деликатно постучали:

— Георгий Серафимович? Артем? У вас все хорошо? Можно, мы войдем? — голос был незнакомый, женский.

— Входите, мы как раз заканчиваем наводить порядок, — как можно более ровно проговорил я.

— А… — Шутов моргнул пару раз и его глаза стали совсем обычными. — А кто это, Георгий Серафимович?

Почти обычными. Они все еще сияли — но это можно было бы списать на отражение света от уцелевших ламп, если бы я не

видел всей предыстории.

— Однако, у тебя случилась инициация первого порядка, Шутов, — глядя, как заходят в кабинет опричники в бронескафандрах и миловидная женщина в вечернем кремовом платье, сказал я. — Теперь твоя жизнь точно изменится. Надеюсь — к лучшему.

— Но… Я же… — он просто взял — и кинулся ко мне, и ткнулся мне головой в плечо, и заплакал.

Знаете, что было самым сложным? Да. Тоже не обрыдаться к бесам.

* * *

— Значит, девятка? Отметка послужила катализатором? — грудным голосом проговорила чародейка.

Красивая она была, что и говорить. Сколько лет — не поймешь, но явно — взрослая, ухоженная, следящая за собой, и — породистая. Аристократическая брюнетка с молочно-белой кожей и пышными формами. Ее явно сорвали с какого-то светского мероприятия и пригнали сюда.

— Однако, откуда мне знать? — пожал плечами я. — Может, девятка. Может, реакция одноклассников и всеобщее внимание. Может — кишечные колики.

— Не паясничай, — напротив женщины в кремовом платье, на первой парте, сидела нахохлившаяся Наталья Кузьминична Пруткова. — Тут событие из ряда вон… Отвечай по толку!

Я закатил глаза:

— А вы же вроде как больше не мой куратор?

— Ой, как будто ты не понимаешь! — у нее закатывания глаз получались намного лучше.

Чародейка смотрела на нас, как на расшалившихся детей.

— Ладно… В конце концов, это всего лишь формальности, — изящно махнула она рукой. — Лучше скажите свое субъективное впечатление: как вам мальчик?

— Хороший, добрый, чувствительный. В переплет попал со своей мамашей, конечно. Но не зачерствел! — я почесал бороду. — Когнитивные способности в порядке, но когда годами не доедаешь и не досыпаешь — сложно быть отличником. Что с ним будет?

— Он — Светлый. Это большая редкость, можно сказать — алмаз неограненный, — волшебница покачала головой. — Наверное, заберут в Александровскую Слободу, в столицу… Там интернат для одаренных, из простолюдинов. Отличные условия,

лучшие педагоги, блестящие перспективы. Ему точно будет лучше, чем в этой дыре… Не хмурьтесь и не смотрите на меня волком, Пепеляев! Ваш Вышемир — обычное болото, и притом — бесполезное. Посмотрите статистику за двадцать лет в других уездах и сравните — сколько инициаций в год происходит, например, в Жлобине, или — в Шатилках, или даже — в Лоеве. Поверьте, цифры будут не в вашу пользу. И не пытайтесь прожечь меня взглядом… Распишитесь здесь и здесь. Завтра приедет аудитор, проведет оценку повреждений, школе все возместят — трехкратно.

— Однако! — только и смог сказать я. — Но парню всего одиннадцать, вроде же у мальчишек позже такое случается! Это как так-то?

Слишком много информации к размышлению, слишком насыщенный вечер… И про Всеслава Чародея разобрать не успели до конца, вот засада… Мои слова про раннюю инициацию они, кстати, просто проигнорировали.

— Классному руководителю, директору и педагогу-предметнику — материальное поощрение от Государя в размере годового оклада… — продолжала сыпать плюшками чародейка. — Маги — золотой фонд, самый ценный ресурс, главный гарант устойчивого развития и безопасности нашего богохранимого отечества…

И тут мне поплохело. Тут я, кажется, все понял! И без выкладок Риковича, которые мне должны были выдать прямо сейчас-сейчас, вот-вот, не то завтра, не то послезавтра.

— А скажите, вот эта статистика… А где ее можно раздобыть, посмотреть, ознакомиться? — хриплым голосом спросил я.

— Какая? — она грациозно вскинула голову, отвлекаясь от планшета, в котором заполняла все документы.

— Ну, по инициациям, и все такое…

— Да уж не в земской библиотеке! Это вам в опричнину надо или — в сервитут. Да, кстати — вы грамотно действовали, правильно. Ни одной жертвы, минимум разрушений… Вы обучение проходили?

— Я нулевка, — глянул в лицо прекрасной даме я. — Мне бояться нечего. Поэтому мог действовать хладнокровно. В отличие от любого другого педагога.

— Дела-а-а! — ее карие бархатные очи не моргая смотрели прямо мне в глаза. — То-то я себя неуютно чувствую… Послушайте, а вы не думали, чтобы преподавать, скажем, в магическом колледже? Нет, понятно, Виленскую Академию не потянете, не с вашим провинциальным уровнем, а вот что-нибудь вроде Артефактного Белостокского, или Прикладного

Мозырского… Вас ведь с руками оторвут. Хотите — походатайствую?

— Походатайствуйте за Шутова лучше, — все ее очарование прошло, как с белых яблонь дым. — У него один комплект одежды, и ел Тёма один раз сегодня — в школьной столовой.

Уровень она мой оценила, однако. Прямо разобралась с первого взгляда. Академию я не потяну? Да видал я в гробу вашу Академию!

— ЭТО АКАДЕМИЯ НЕ ПОТЯНЕТ НАС, — глумливо рыкнул дракон. — А БАБУ ДАВАЙ ОТТРАХАЕМ. ВОЗЬМИ У НЕЕ НОМЕРОК.

— К бесам, к бесам, — поморщился я.

— Что-что? — одновременно повернулись ко мне Наталья Кузьминична и незнакомая чародейка.

— Ничего-ничего, — отмахнулся я. — Это так… Тихо сам с собою я веду беседу… Пойду лучше домой, кофе хочется до ужаса, слишком сложный был день.

— Меня кофе угостишь, Пепеляев? — подмигнула Пруткова. — У меня для тебя должок от рыжего.

— О-о-о-о! — а вот и те самые выкладки… — Конечно, Наталья Кузьминична, с превеликим удовольствием.

— А меня? — выгнула бровь чародейка. — Угостите меня кофе? Варят где-нибудь приличный кофе в вашей дыре?

— Нет, конечно. Не варят. Сплошное дерьмо, как и положено дыре, — криво улыбнулся я, двигаясь на выход. — И вообще: я с незнакомыми женщинами кофе не пью. Руссо туристо, однако. Облико морале!

* * *

17. Ролевые ожидания

Важные вопросы решаются лихими перестрелками и мощными зубодробительными ударами только во второсортных боевиках. Настоящим, правильным героям на самом деле стрелять и драться приходится, если вопросы НЕ решаются.

На самом деле, со времен давным-давно забытых, еще в древнем Риме, или как тут говорят — Первой Империи Людей, а позже — в Республике Соединенных Провинций, сиречь в Голландии — серьезные дела обсуждались в заведениях общепита — харчевнях, тавернах, кабаках. А Лондонская фондовая биржа и вовсе имеет в своих официальных предшественниках вполне конкретную кофейню — «У Джонатана» — где она располагалась в конце семнадцатого века.

Поевший человек вообще — существо благодушное и склонное к компромиссам. И эльф, и гном, и даже снага — насколько снага вообще могут быть благодушными. Поэтому, прежде чем вцепиться в распечатанные на почему-то желтой бумаге подарочки от Риковича, я кивнул знакомому бариста и попросил:

— Здоровенное ведро капучино и один… два… Два бутерброда с курятиной!

С фастфудом тут было так себе, если честно. Кроме «Орды» никто не делал хот-доги, медленными шагами шаурма постепенно шла в массы, правда — до Вышемира еще не добралась, шаурмичные открывались в основном в сервитутах. А у нас — пирожки, бутерброды, кое-где чебуреки.

Кстати, с чебуреками, самсой и прочими азиатскими изысками наблюдались некоторые проблемы: плохо тут все было в Средней Азии, точнее сказать — ее в принципе не существовало как этнокультурного региона. На физической карте там располагалась сплошная череда черных пятен — аномалий, которые возникли тут на рубеже XIV-XV веков в результате деятельности… Потрясателя Вселенной, конечно. Железный Хромец — Тамерлан — тут тоже жил и наворотил таких дел, что до сих пор аукалось. Да и США — родина фастфуда — так и не возникли: дикое месиво из анклавов нелюдских рас, племенных владений, княжеств, протекторатов и колоний разных великих держав, каким в здешней реальности была Северная Америка, не подарило миру Тверди ни гамбургеров, ни Голливуда. А вот джинсы — да. Джинсы все-таки обрели популярность во время Золотой лихорадки в Калифорнии…

Бариста, который щеголял в самой что ни на есть джинсовой

рубашке, намутил бутербродов: два ломтика пшеничного хлеба, между ними — курица, листик салата, пара кусочков помидора, сыр, чесночный соус. Все это — слегка подрумянить в контактном гриле. Разрезать на два треугольника, и — готово!

— Ты все время жрешь, — сказала Пруткова, когда я сел за стол и поставил перед собой стаканы с кофе и тарелку с бутерами. — Кажется, всякий раз, когда я тебя вижу, ты — жрешь. Чего худой тогда такой?

— Организм растущий, — отмахнулся я. — Потому и питаться стараюсь полноценно. Ну, если не полноценно, то хотя бы часто.

— Куда это ты растешь, в твои-то двадцать шесть годиков? — прищурилась она.

— Вглубь, — на этот вопрос у меня точно был ответ. Я подвинул к ней ее стаканчик: — Наталья Кузьминична, вы пейте капучино, пейте. И расскажите мне, как понять вот этот момент со статистикой по магам. Что, правда — Вышемир проседает?

— Ну, смотри… — она отпила кофе и на секунду прикрыла глаза. — Нормальная статистика, средняя по Государству Российскому — это одна инициация первого порядка у одного из сотни подростков. Хорошая — у одного из полусотни, плохая — у одного из двухсот. Потому что по факту из пустоцвета вырастает нормальный маг в одном из десяти… Ну, если брать кланы аристократов — в одном из четырех-пяти случаев. Но там наследственность, плюс родовые методики подготовки. Так что в целом получается, что на сто тысяч населения Вышемирского уезда — при ежегодном количестве выпускников школ и колледжей около тысячи — у нас должно быть грубо с десяток пустоцветов и один маг. А получается, что в последние лет пять — это всего по три-четыре пустоцвета в год. Десять лет назад ситуация была совсем иной… Скажем — средняя температура по больнице поддерживалась и даже ее превышала.

— Однако! — задумался я.

Я смутно представлял себе, что было тут десять лет назад, но в моем, земном, Вышемире все обстояло куда как печально. Бандиты, безработица, серые панельные многоэтажки, ржавые авто, разбитые фонари и ямы на асфальте: привет, воспоминания из юности. Это потом, году к 2008 у нас все наладилось. Пошли инвестиции в промышленность, отгремел республиканский праздник «Дожинки», к которому город причесали, покрасили и благоустроили так, что он превратился в ту самую «Беларусь из телевизора»… Тут, насколько я мог судить по воспоминаниям Гоши, дела обстояли примерно так же. Только вместо «Дожинок» земство реализовало какую-то мощную инвестпрограмму по

модернизации городской среды.

— Ладно, — сказала Пруткова. — Подарочек я тебе передала, кофе — выпила… А ты, кстати, можешь расслабиться: на работу все равно тебе завтра не надо.

— Ась? Завтра у девятых классов история и география подряд! Четыре урока! Пятница — разгрузочный день, если заменами не догрузят! — удивился я. — С восьми до двенадцати работаю.

— Санация у вас будет в школе и чистка эфира от остаточных эманаций, — как идиоту объяснила мне Пруткова.

Действительно, что это я? Нам ведь рассказывали об этом на совещаловке! Мол, следующий день после инициации у кого угодно из учеников — всегда выходной. Как будто в подтверждение словам опричницы и телефон зазвонил: Ингрида Клаусовна про меня вспомнила!

— Хуенахт! — вежливо, на кхазадском шпракхе, пожелал доброй ночи начальнице я.

— Хуетак, вообще-то. До десяти пополудни у кхазадов — вечер, — пояснила Ингрида Клаусовна. — Но вы хоть по-эльфийски со мной здоровайтесь, хоть материтесь в три этажа, мне все едино, потому как, Георгий Серафимович, вся наша школа перед вами в неоплатном долгу! Нет, правда, я сейчас не шучу: за Шутова вам большое спасибо и за то, что деток уберегли — особенно! Я слышу, как вы хмыкаете, но вообще-то у Лучиэнь Иллидановны в прошлом году после ледяной инициации половина класса с воспалениями легких в больнице лежали, а учитель физики — с черепно-мозговой травмой в реанимации! И батареи отопления лопнули, и хорошо, что весной! А если бы перед отопительным сезоном такое вердамте шайзе случилось, то Лучиэнь Иллидановна имела бы…

— … бледный вид, — я не выдержал и рассмеялся. — Она же галадрим, у них всегда — бледный вид!

— Хо-хо! — обрадовалась моему хорошему настроению директриса. — В общем, пока специалисты из опричнины санацию школы будут проводить — можете считать, что у вас отгул. До самого понедельника. И Коху я скажу — он в субботу вам лампы поменяет. А уборщицы отмоют все, как положено… Так что отдыхайте, не переживайте, без вас справимся. Хер-р-р-ртеликт беданк, Георгий Серафимович! То есть — сердечная благодарность.

— И вам всего хорошего, Ингрида Клаусовна!

Я некоторое время еще смотрел в экран телефона. Вот ведь редкий случай, когда звонок от начальства — в радость!

Я заозирался в поисках Натальи Кузьминичны, но ее и след

простыл, а на столе монетка лежала. Ну, Пруткова! Ушла по-авалонски, оставив меня один на один с желтыми листами распечаток! Я присмотрелся: на титульном черными чернилами размашисто было написано: "PERED PROCHTENIEM SZHECH'.

Миры разные — шуточки у спецслужбистов одинаковые. Не то, чтобы я в прошлой жизни много общался с ними, но изредка — приходилось. Так что я только скривился, и уже потянулся перелистнуть страницу и начать читать, как вдруг звонкий мальчишеский голос провозгласил мне в самое ухо:

— Здра-а-авствуйте Георгий Серафимыч! — я поднял глаза от бумаги и увидел Белова.

— Привет, Белов! — сказал я.

Это такое проклятье или благословение любого маленького города: нельзя просто так пойти и посидеть в кофейню или прогуляться по набережной: обязательно встретишь двадцать или тридцать если не родственников, то знакомых — точно. А как иначе, если кофеен у нас четыре и набережная — одна?

— А вы знаете, что завтра школа не работает? — радостно спросил он. — Мне только что классуха звонила!

— Не классуха, а Наталья Петровна, Саша! И почему ты с незнакомыми… — пожилая тетенька, полная и ухоженная блондинка, была тут как тут.

— … баушка, это Георгий Серафимович, наш историк! — Белов принялся размахивать руками. — Я тебе про него говорил!

— Вижу, что Серафимович… — она прищурила глаза и вдруг выдала: — Учителю не к лицу в голом виде скакать по трубам. Вы позорите почетное звание педагога! Стыдно, стыдно! На вас же дети смотрят!

— Однако! — только и смог проговорить в ответ на такой панч я.

Нет, про то, что учитель кружку пива в общественном месте после рабочего дня выпить не имеет права — это я слыхал. Про то, что учительница в купальнике появиться на пляже не может — тоже. А вот в голом виде по трубам — это что-то новенькое…

— Чему вы научите молодое поколение? — ее лицо полыхало праведным гневом. — Вот в наше время…

— Ну ба-а-аушка… — Белов стоял красный как рак.

Я ему подмигнул, чтобы он сильно не расстраивался. Дети не в ответе за своих звезданутых родственников. А маразм — он как храп. Плохо всем, кроме того, кто храпит.

— Представляете… — задумчиво начал я. — Не знаю, как, сударыня, вас по имени-отчеству, но вынужден вам сообщить, что учителя еще, бывает, в нерабочее время пиво пьют, с девушками целуются и задницу чешут. А когда едят арбуз — то хлюпают. И

чему после всего этого вообще мы можем научить подрастающее поколение?

— Фу, как некультурно! — фыркнула беловская бабушка. — Я позвоню вашему директору! Я, в конце концов, проработала в системе образования сорок два года! Попрошу, чтобы классу, где учится мой Сашенька, сменили учителя.

— Не получится, — развел руками я.

— Это почему? — ее удивление было весьма искренним.

— А больше нет никого! У Любови Львовны под вечер давление поднимается, и вообще, вы, если сорок два года проработали, то знаете, какая у заместителей директора по воспитательной работе нагрузка! А других историков у нас нет… Придется или школу для Сашки менять, или терпеть скачущего по трубам в нерабочее время учителя…

Если честно, я расстроился из-за ее наезда и скрывал огорчение за бравадой. Можно быть каким угодно святошей, даже вон — целый класс от испепеления или ослепления спасти, а все равно найдется такая бабушка, для которой ты будешь подонком. И причины тому могут быть совершенно разные. Купальник, пиво, турники, татуировки, национальность, политические взгляды. Что угодно. Не угадаешь, да и нет никакого смысла угадывать. Все равно — хоть раз да услышишь про то, что «таким, как вы, не место в образовании». А каким место?

— Пойдем, Саша! — она прошествовала к двери и вышла на улицу из зала кофейни.

Белов стоял ни жив, ни мертв.

— Забей, — сказал я. — Это все пустяки, дело житейское. Встретимся на географии во вторник. Карту подучи, столицы спрашивать буду.

Пацан аж лицом просветлел, кивнул и побежал догонять бабушку. Черт побери, это — одно из самых худших чувств для ребенка: когда он испытывает испанский стыд за своего взрослого.

* * *

Читал бумаги я уже в поезде.

Почему в поезде? Потому, что понял, что у меня три выходных впереди, а мне позарез нужно в Мозырь. А самый удобный поезд — через два часа. Не до Мозыря, до Калинкович. А оттуда уже — на последней маршрутке в единственный в Беларуси горный город. Так что я мигом собрал манатки и двинул на вокзал, оставив там на парковке «Урсу».

Вопросы нужно решать, а дела — делать. Эта одна из истин, которые я вдолбил себе в мозг, будучи неизлечимо больным. Если все время откладывать неприятные необходимости — они в итоге соберутся кучей и отпинают тебя очень чувствительно. В Мозыре дел была куча, но первым и главным из них я считал расправу над Штрихом.

Громко сказано — «расправа». Понятия не имею, какого уровня там персонаж, и какие усилия мне понадобится приложить, чтобы отбить у него охоту даже думать про Вышемир… Но я сделаю это.

Бумаги шелестели в моих руках. Официальная концепция «вызов-ответ», о которой говорил Рикович, и которая стояла в основе государственной политики династии Грозных, во многом была похожа на идеи Арнольда Тойнби и могла быть выражена одной расхожей цитатой из Сократа «Трудные времена рождают сильных людей. Сильные люди создают хорошие времена. Хорошие времена рождают слабых людей. Слабые люди создают трудные времена».

Сильнейшими в этом мире были маги. И наибольшее число инициаций, как было замечено статистиками, происходило в необычных, стрессовых, экстремальных обстоятельствах. Спасая семью от несущегося навстречу автомобиля, девочка-подросток телекинезом поворачивает руль у уснувшего водителя, во время засухи деревенский паренек выводит из-под земли родник с артезианской водой, а подвергнувшись нападению своры бродячих псов, ребенок вдруг приручает их одним взглядом и делает зверей своими верными спутниками… В одном случае из ста.

В остальных случаях случается авария, посевы гибнут, а укусы дворняг зашивает доктор в приемном отделении. При хорошем раскладе.

Долгое, очень долгое время, примерно до конца восемнадцатого века, могущество и потенциал государства определялся совокупной мощью его магов, которые в большинстве своем или изначально принадлежали благородному сословию, или — рекрутировались на государственную службу. Бесконечные войны Средних веков и географические открытия раннего Нового времени провоцировали массовые инициации среди воинов, колонистов, первооткрывателей… Пассионариев, которые пополняли ряды правящей элиты.

Ситуация начала меняться с увеличением темпов научно-технического прогресса, который шел, если так можно выразиться, внутри цивильного общества, никак не связанного с магией. Наличие всепоглощающей, неимоверной магической

мощи у сотой доли населения не отнимало необходимости для обывателей заботиться о хлебе насущном, комфорте, доходах. Потому большая часть открытий, совершенных на Земле, имели место быть и здесь. Велосипед, паровая машина, аспирин, унитарный патрон для винтовки и прочие новинки порой даже опережали время — благодаря наличию энтузиастов магии и артефакторики из числа пустоцветов и полноценных волшебников, которые при помощи магии могли проводить эксперименты и изготавливать инструменты и приборы, полезные для цивильных.

Технические специалисты и ученые, преподаватели и медики высокой квалификации в принципе не могли появиться сами собой, как грибы после дождя. Правители понимали, что находящееся в постоянном стрессе население просто не сможет развиваться. Система образования, здравоохранения, соцподдержки специалистов требует стабильности. Получился настоящий первый закон диалектики: единство и борьба противоположностей.

С одной стороны, для увеличения числа магов обществу требовались постоянные экстремальные вызовы, с другой — для научно-технического прогресса нужна была образовательная и производственная база. То есть — устойчивое развитие. Каждая держава решала эту проблему по-своему. Однако, самыми характерными, можно даже сказать — полярными оказались две модели: Авалонская и Российская.

Авалонские эльдары по большому счету создавали рай на земле на своих туманных островах и управляемый хаос — по всему миру, в своих колониях стравливая социальные и этнические группы, а потом выдергивая на Авалон наиболее перспективных в интеллектуальном, пассионарном и магическом плане представителей элит. Ну, и реализуя широко известный еще в нашем мире принцип «Джентльмен к западу от Суэца не отвечает за то, что делает джентльмен к востоку от Суэца». Молодые эльдары могли вытворять любую дрянь и участвовать в каких угодно предприятиях за пределами островов для того, чтобы пробудить в себе магию и спровоцировать две инициации.

В России же, занимавшей тут примерно все ту же одну шестую или даже одну пятую часть обитаемого мира, со времен Иоанна Васильевича IV Грозного и его сына Иоанна Иоанновича строили страну по принципу «Сила в многообразии», и начало этому было положено во время создания опричнины. Первые опричники — личная спецслужба Грозных — почти сплошь состояли из незнатных молодых пустоцветов, не дошедших еще до верхней границы возраста инициации второго порядка,

мечтающих на государевой службе стяжать богатство, славу и — магию!..

— Пепел! — огромная ручища опустилась мне на плечо. — Я манал!

— Дядька? — я вздрогнул, оторвался от бумажек, выплыл из дум о судьбах мира и вытаращился на сослуживца. — А ты тут откуда?

— Гля-я-я, Чума, тут Пепел с нами в вагоне едет!

— Да ну на! — послышался грохот, потом — шиканье и ворчание немногочисленных пассажиров ночного поезда Брянск-Брест, и у моего столика-боковушки появился еще и Чума. — Гля-я-я! Живо-о-ой!

…Мы нашли тот склеп самым пошлым образом: при помощи металлоискателя, и колупались с ним битых часа три. Замкомвзвода Файзулаев уже хотел вызывать кого-то из геомантов, но потом наши лопатки брякнули о металлические скобы: наконец-то нащупали вход!

Спящий ковен упырей действительно прятался здесь, наводка от Раскийской разведки оказалась правдой!

Вова Пинчук, которого все звали Дядькой, поудобнее перехватил ранцевый огнемет. Такой позывной он получил из-за огромной и страшной рожи: рябой, серой и вечно небритой. В свои двадцать два он выглядел на плохие сорок — то ли потому, что на гражданке много пил и курил, да и весил килограмм сто двадцать при росте добрых метр восемьдесят… При этом сам по себе Дядька был парнем надежным, хотя и не лишенным деревенской простоты. Родился и вырос Дядька-Пинчук в селе под Пинском, так что фамилия у него была говорящая.

— Вышибной заряд! — крикнул Чумасов и одним быстрым движением прицепил брикет взрывчатки к квадратному люку. Плевать ему было на горящие кроваво-красным пламенем письмена на каменной створке. — Валим, валим!

Мы с Чумой рванули прочь из раскопа, и я все понять не мог — почему у нас все через жопу, и за каким бесом нужно было рвать люк впопыхах, когда наши еще делают шурфы по всей лесопосадке, и никто не готов прямо сейчас столкнуться с хайдуками, новообращенными и — не дай Бог — болярами…

— Пепел? Давай, собирай свои шерстяные вещи, пошли к нам в купешку! Ты куда вообще? Откуда? — Дядька явно был рад.

На его кителе сверкали медали, ордена и значки, да и лычек на погонах добавилось — целый старшина, это вам не хухры-мухры! Тощий, длинный и похожий на скелета, Чума скалился как ненормальный и, судя по всему, тоже рад был меня видеть.

— Ты куда, Пепел, откуда? — громко шептал Дядька. — А

Мельник писал, что тебя видел, но мы думали — может, опять дурит Олежа… Тебя ж тогда так капитально приложило, что медики говорили — точно Богу душу отдашь! А мы в Мозырь едем, к Мельнику… И ты в Мозырь!? Дела-а-а!

И тут я вспомнил слова того священника-кхазада из Вышемирской церкви. «Бог говорит с нами обстоятельствами жизни» — кажется, так он тогда сказал. Глядя на своих сослуживцев, которые вдруг оказались именно сегодня, именно в моем вагоне этого самого поезда, я готов был в это поверить… Да что там — я и так верил, только боялся себе в этом признаться!

18. Самооценка

Дочитать бумаги мне в спокойной обстановке не удалось, но главное я ухватил: действительно, в локальном смысле суть вопроса заключалась в нефтяных месторождениях и проекте целого нефтеперерабатывающего хаба, включающего НПЗ, производство масел и смазок, газоперерабатывающий завод и предприятия по изготовлению пластмасс. Круто? Круто. Тендер уже объявили, инвесторов искали. И денежные мешки протянули свои загребущие лапы к нашему родному Вышемиру. Цивильные, земские богачи. В целом — кто сказал, что это плохо? Новые предприятия, новые рабочие места…

И Радзивиллам сие претило. Магнаты мечтали присовокупить такой лакомый кусочек к своему домену и так им образом стать здесь монополистами. Кто будет конкурировать в юридике с её хозяевами? Так что в Госсовет уже было подано прошение о передаче «града Вышемира и окрестностей» под управление некоронованных князей Литовских. На это имелось целых два основания: в восемнадцатом веке эти земли входили в их домен — это раз, и «земское самоуправление очевидно не справляется с благоустроением края» — это два. В это же время…

— Я манал, Пепел, ты как был заучкой, так и остался, — сказал Дядька. — Выкинь ты эти бумажки, хватит лоб морщить, от умствования твоего скоро мозги из ухов потекут!

— Мозг. Из ушей, — поправил его Чума. — Через пятнадцать минут — Калинковичи.

— А это что за станция? — я глянул за окно и не увидел в темноте ни-че-го.

Только тьма, далекие огни, мельтешение ветвей деревьев под порывами ветра: наш вагон остановился далеко за пределами перрона.

— Нахов, — сказал Дядька.

— Чего ругаешься? — удивился я.

— Станция — Нахов! Я слышал, как проводница разорялась — «Выходите, Нахов», говорит! Гы-ы-ы!

Мы собрали вещички, зашнуровались и приготовились к высадке. Пацаны одобрительно косились на мою «оливу» — в своем кителе, пусть и без наград и лычек, я вполне вписывался в их компанию. Дядька порылся в нагрудном кармане и вынул на свет Божий родной шеврон с нашей эмблемой: две ладони держат чашу, в которой полыхает огонь — и прицепил его мне на плечо, туда, где ему и место.

— Вот! Теперь порядок! — Дядька разгладил шеврон. — А

награда, кстати, тебя уже ищет… Скоро найдет.

Я это заявление проигнорировал. Все-таки герой тут Гоша, а не я. Я, когда в нашем белорусском Поисковом служил — упырей лопаткой не рубал. Мы искали места последнего упокоения тех, кто был настоящими героями, кто спасал мир от настоящего, абсолютного зла… И помогали сохранить память об их подвиге. Тоже дело полезное и благородное, но за такое орденами не награждают. И правильно.

— Пшли, Пепел!

И мы пошли.

Калинковичи — город земский, но здесь уже чувствуется свободное дыхание сервитута. Например, на вокзале дежурила милиция — не просто какие-то мальчики-зайчики с дубинками, а настоящие волки, в черных беретах, с автоматами Татаринова, запакованные в тяжелые брони, наколенники и налокотники… Над ними вился коптер, фиксируя лица пассажиров при помощи объектива видеокамеры. Таких внушительных стражей порядка в Вышемире точно не водилось!

— Нам на двести первую маршрутку. Погнали… — махнул рукой Чумасов.

Вслед за толпой кхазадок с баулами и двумя компаниями дембелей мы загрузились в электробус. Водитель, явно измотанный, влил в себя кофе из бумажного стаканчика и спросил несчастным голосом:

— До Мозыря остановки есть?

— Не-е-ет! — хором откликнулись все.

— Слава Господу! — на его мясистом лице засияла неожиданно добрая улыбка. — Тогда — поедем с ветерком!

И мы поехали. Сто километров в час водила держал точно, маршрутку мотало из стороны в сторону, встречные электрокары проносились мимо, как метеоры. Дембеля пели матерные песни и пили водку, кхазадки кудахтали на шпракхе и пытались подкормить дембелей то огурчиком, то вареным яичком. Пацаны были не против, и закусывали водку предложенными угощениями со смаком, не прекращая пение:

— Посылают в чужие края…

В едреня, в едреня, в едреня!

Маршрутка мчалась по трассе, и, несмотря на ночь, можно было разглядеть, как пошарпанная респектабельность земщины сменяется киберпанковым постапокалипсисом Мозырского Сервитута.

Спустя минут двадцать мы увидели и сам город.

Перед нами предстал мост через Припять — высокий, со сверкающими неоном арками и переливающимися всеми цветами

радуги тросами. Его перила и опоры были расписаны люминисцентными граффити, которые отражались в реке, и казалось, что души многочисленных здешних самоубийц вьются над водой. Полыхало зарево голограмм над высотными зданиями офисов и гостиниц, которые расположились на поросших лесом холмах. Никогда не спящая набережная манила множеством кафешек, кабачков и притончиков, въезд в город — Примостовую — охранял полный тяжеловооруженных полицейских блокпост с бетонным дотом, на крыше которого водила туда-сюда хоботком орудия башня от старого танка — кажется, помнившего еще Корейскую войну «Чурилы».

— Я манал,- сказал Дядька. — Чуешь? Пахнет свободой!

— По мне так пахнет дерьмом, — откликнулся Чума.

Слева от нас как раз располагались очистные сооружения.

* * *

Мельник встречал нас тут же, на автовокзале за блокпостом. То есть — ждал он Чуму и Дядьку, но, увидев меня, сильно обрадовался:

— О! — заорал Олежа, по очереди всем пожимая руки и обнимая так, будто давно мечтал выдавить из нас все кишки. — Ты шо — тоже в дальнобои податься решил?

— Не, — сказал я. — Меня эти Биба и Боба в поезде поймали. Я по своим делам ехал.

— Ну и дурак, — с места в карьер заявил он. — Мы открываем контору по грузоперевозкам, особого толка… Водители — нулевки все как один. Наши, ветераны, из Поискового. Хтоническая доставка премиум класса, бронированные фургоны и внедорожники, лицензия на бортовое вооружение и прочий развеселый фарш. Будем гонять по всему богохранимому отечеству, от хребта Черского и Васюгана до Паннонской Хтони и Хунедоары! У меня уже пятнадцать водил, два юриста, логисты, бухгалтер и мехмастерские укомплектованы нашими пацанами. Закрытое акционерное общество «Зеро», понимаешь ли!

— И чего? — заинтересовался я, решив провести их до машины и надеясь прокатиться на халяву. — Есть заказчики?

— «Орда» готова подписать долгосрочный контракт, если мы будем поспевать за их объемами. Еще кое-кто из приграничных аристократов зашевелился: вокруг Кара-Кумов что-то назревает, ветеранов вербуют наемниками за хорошие деньги, так что и наша услуга будет пользоваться спросом. Возможность срезать

через Хтонь и не слечь с мигренью, а потом обойтись без онкологии — дорогого стоит, а?

— Ага, — сказал я. — До «Орды» подбросите?

— Ну и дурак, — снова сказал Мельник, кажется, обидевшись. — Но я придержу для тебя местечко, может, передумаешь возиться с маленькими засранцами и решишь нормально заработать… Кстати! Тут одна девочка про тебя спрашивала. Хорошая, красивая девочка, между прочим! Ты ее знаешь, Вишневецкая. Обстоятельно так расспрашивала, так что я бы даже подумал, что она имеет на тебя виды.

— Но…? — оно точно было, это но.

— Но ты — это ты, Пепел. Если вы и общались где-то — наверняка ты засрал ей голову всякой мутью типа «тебе со мной будет непонятно, а мне с тобой неинтересно», да? Правда ведь, пацаны? Наш Пепел умник и молодец во всем, кроме того, что касается бабла и баб?

— Да-а-а! — обрадовались Чума и Дядька возможности меня поунижать. — С бабами Пепел — редкостный туебень. Садись на переднее сиденье, туебень, у тебя ноги иначе не влезут!

Мельник заржал, мы все расселись в его буржуинский заграничный полноприводный «Хорьх», и Олег с визгом покрышек рванул мимо хмурых полицейских вверх по серпантину.

Серпантин — на Полесье! Мозырь, такой Мозырь.

* * *

Честно говоря, меня уже рубило спать, когда я открывал двери «Орды». Шутка ли — час ночи, проснулся в пол седьмого утра, да и день был довольно придурочный. Тут кого угодно рубить начнет!

— МЫ НЕ КТО УГОДНО! — возмутился дракон. — МЫ СУЩНОСТЬ ВЫСШЕГО ПОРЯДКА!

Такой его выпад я проигнорировал и молча осмотрелся.

Здесь, в «Орде», как всегда было полно народа: снага и гоблины, люди и кхазады перекусывали, играли в карты, нарды и домино, пили ядреный кофе и пенное пиво, обсуждали какие-то важные вопросы. Изображения сарумановской белой длани тут были повсюду: на хоругви над барной стойкой, на мордах у местных орков, на шевронах у суровых, по-сталкерски экипированных мужиков, на передничках у симпатичных официанток…

А над дверью, прямо над моей головой, висела лошадиная шкура с намалеванным на ней ловцом снов.

Все это было престранно и очень интересно. В прошлый мой визит сюда я как-то не обращал внимания на такие детали, теперь же — мог себе это позволить. В конце концов, я приехал не по работе, а по делу глубоко и сугубо личному. Пройдя сквозь зал к барной стойке, за которой никого не было, я скинул рюкзак и уселся на один из высоких стульев.

— Здра-а-а-асть, — из-под прилавка вылезла страшная, как сама смерть, уручья рожа.

Уруки — они на самом деле очень страшные. Верзилы по два метра ростом, мускулистые, клыкастые, кожа — серая, взгляд вечно такой, как будто они уже присматривают, что бы такое из тебя вырезать и на сковородочку определить: эскалоп там, щековину или филейную часть. Еще вредные до ужаса, и с юмором у них беда.

— Рыжий-рыжий, — сказал урук и прищурился. — Конопатый.

Я молча сунул руку в рюкзак, вытянул за черенок МПЛ и ляпнул ее на барную стойку.

— Ять! — урук-бармен недоверчиво посмотрел на меня. — Что — серьезно? Лопатой? Дедушку? Да ну нах! Это что — реально про тебя песня? А можно я гляну? Я-а-а-ать, да она как бритва! Это ж ваще какое охренительное орудие убийства, просто — капитальное! Падажжи! Ты этот! Точно! Барбакан про тебя рассказывал! Ты этот — Жупелов! Золушкин! Огневушкин-Поскакушкин! Экстерминатус-Ангелович! Йо-о-олки, падажжи, щас вспомню, щас!

Он сначала пощелкал пальцами, потом постучал себя кулачищем по лбу так, что раздался гулкий звук, как будто стучат в железный бидон. Может, уруки и вредные, и с юмором у них беда, но вот их непосредственность и абсолютное нежелание притворяться и скрывать эмоции мне, вне всякого сомнения, импонировали. Такой не станет лицемерить: он или примет как родного, или свернет тебе одним ударом рожу на затылок и скажет, что так и было.

— Пепеляев, Георгий Серафимович, — кивнул я. — Я и есть. А где Барбакан?

Я-то имел соображения, куда на ночь глядя намылился лысый толстый тролль, но хотел услышать версию орка-бармена.

— У бабы своей зависает, — жизнерадостно заявил урук. — Гром гремит, земля трясется, Барбакан в лесу е… Ой! Ять! Что это я? Мы же за охренительно высокий уровень культуры войны и быта! А я не представился!

Он мигом вытер руку о передник и протянул свою лапу мне:

— Варган Охренительный, к вашим услугам, — скромно

представился он.

Не заржать было очень сложно. Нет, парень он, конечно, был видный, да и трепло несусветное, но чтоб прям Охренительный…

— А-а-а! Это ты не видел, как я по крышам прыгаю и сальтуху кручу, — заявил Варган. — Иначе бы не смотрел на меня так. Я охренительно прыгаю по крышам! Просто как этот… Ну! Гребаный сайгак, во! Заказывать что-то будешь?

— Буду. Но от твоего ответа на следующий вопрос зависит — что именно, — сделал максимально серьезное лицо я.

— Спрашивай, ага, — новых посетителей не было, потому он и трепался со мной так активно.

— Переночевать есть где?

— Места — валом! — охренительно обрадовался охренительный Варган. — Определим тебе приличную койку в хостеле за тридцатку, душ и туалет прилагаются. Так что будешь брать пожрать?

Я облегченно выдохнул: впереди маячила приличная койка!

— Тогда- виски со льдом на два… на три пальца, кружку темного пива, шаурму на твой вкус и на десерт — мармеладку.

— Не, — очень искренне замахал руками Варган. — Мармеладки не бери, они из эпоксидки. Ты ж не гоблин, чтобы всякий отстой жевать! Бери эклеры. Охренительные!

— Тогда эклеры и ответ на вопрос… — я развернул к нему экран смартфона с последней прижизненной коллективной фоткой скоропостижно скончавшихся наркодилеров. — Знаешь этих уродов?

Не спрашивать же мне напрямую «Кто такой Штрих и зачем он наркоту детям продает?» Нужно было заходить издалека… И алиби какое-никакое пригодится, на всякий случай.

— А на кой хрен тебе Штриховы подстилки? — искренне удивился он. — Шмакодявки они… Рептилоидам продались! Че, будешь лопатой их убивать? Да? О-о-о, тогда я тебе расскажу!

Рептилоиды? Однако… С другой стороны — тут сервитут, всякое может быть. Но шмакодявки — это совсем не то слово, которое я ожидал услышать от бармена с внешностью каннибала. Впрочем, уруки — это ведь совсем не те ребята, которые собираются соответствовать чьим-то ожиданиям.

Виски с бульканьем переливался из большой бутыли в граненый стакан, шаурма подрумянивалась в контактном гриле, а Варган рассказывал:

— Значит, цветастенькие эти с местной Зоотерикой задружились. Может, сами на охренительную модификацию рассчитывали, может — просто подзаработать хотели, но на всех ящерицыных движухах эти черти тусовались…

А я думал о превратностях судьбы: ещё пару часов назад я пил капучино в затрапезном заведении на Земской улице Вышемира и слушал претензии дурной бабки, а сейчас — треплюсь с черным уруком в филиале «Орды» Мозырского сервитута. Воистину Твердь — мир контрастов!

* * *

Выспался я шикарно. Кажется, все было против этого: кровать из ДСП, жесткий тюфяк (хотя и чистый, без запахов), подушка синтипоновая, куча народу кругом… Один храпит, другой во сне разговаривает, третий- ногами сучит, четвёртый музыку в наушниках слушает с такой громкостью, что у него должны бы, по идее, глаза лопнуть… Хостел!

Однако я проснулся и после секундного замешательства в стиле «Где я? Кто я? Что я здесь делаю и зачем?» с большим удивлением констатировал: отдохнул! Вот это — фантастика, бывает же такое? Настенные часы говорили о том, что натикало уже девять утра, отсутствие большинства постояльцев намекало о моем слишком позднем по местным меркам подъеме. Но у меня — выходной! Незапланированный, но не менее приятный.

Душ, кстати, тут тоже был приличный: горячая вода, пластмассовая лейка, сколько хочешь хозяйственного мыла и кафель с дельфинчиками. Мне стало совсем хорошо, так что в зал я спускался в отличном настроении.

— Твоих этих чертил кто-то в земщине скормил муравьям. Километрах в пятидесяти отсюда, — вместо «доброго утра» сказал Варган, который сидел задницей на барной стойке и болтал ногами. — Так что не получится тебе их лопаткой убивать. Информация из охренительно проверенного источника. Даже фотки прислали. Хошь, покажу? Там рожи как у чжурчжэньских пчеловодов с бодуна.

— Однако, — я почесал затылок. — Оно как бы с одной стороны огорчительно: я уже настроился на драку, а с другой стороны — главное, что они сдохли…

— О-о-о-о! — он спрыгнул с барной стойки и галопом прискакал ко мне. — Если ты был настроен на драку — так давай подеремся! Давай, давай, ты вон какой длинный, почти как я! Ну, давай подеремся, а? Будет охренительно!

— А ну-ка, тихо! — рявкнул, заходя в «Орду», Барбакан. — Варган, чего ты к нему пристал-то? Привет, Жупельский! Не Жупельский? Глинский-Пепелинский? Пеклов? Адсков? А, тоже нет? Да и хрен с тобой, рыжий! Рад видеть…

С пришествием тролля тут мигом стало тесно. Синий огромный толстяк, вальяжно почесывая задницу, прошел на свое место за стойкой, заглянул в кассу, довольно хмыкнул, выгреб горсть денег и поманил пальцем урука:

— Держи свою долю. И шуруй спать.

— А дра-а-ака? Нет, это не честно! Тут человек настроен на драку, и вообще… — деньги Варган ссыпал в нагрудный карман передника.

Мне было очень страшно и очень интересно одновременно, и потому я сказал:

— Ну, мы можем побоксировать, вечерком. Если у вас есть ринг и есть перчатки.

— О-О-О-О ДА! НАБИТЬ ОРОЧЬЮ ХАРЮ! ЭТО БУДЕТ ЗДОРОВО! — обрадовался дракон.

— Есть, есть! Как Бабай завещал: на крыше под навесом! Приходи, подеремся! — вприпрыжку, позвякивая мелочью, Варган скрылся за дверью на лестницу, видимо, направляясь в хостел на втором этаже — спать.

— Мелкий ублюдок, — добродушно усмехнулся Барбакан. — Он же совсем зеленый еще, несмотря на то, что черный. Ему семнадцать.

— Он серый, — хмыкнул я. — Даже скорее по оттенку какой-то землистый.

— Что? А! Да. Но видишь — справляется! Так-то есть на кого заведение оставить, пока по личной надобности отлучаюсь, — тролль явно смутился. — Кстати — за эту самую личную надобность тебе отдельная благодарность.

Я не стал развивать тему. Срослось у них — и хорошо. Все-таки обоих можно понять: что бы там ни говорили — размер имеет значение, и эти два великана среди нас — карликов были бесконечно одиноки… До недавних пор. Сколько от Мозыря до Лясковичей? Километров пятьдесят, семьдесят? Ерунда, в общем-то…

— Давай я тебе яичницу сделаю, — от избытка чувств предложил тролль. — И кофе налью. А потом ты уже пойдешь свои вопросы решать… Кстати, а что там Варган про съеденных муравьями Штриховых подстилок говорил? Это кем надо быть, чтобы людей муравьям скармливать? Бр-р-р-р!

— НАСТОЯЩИМ ЧУДОВИЩЕМ, — ответили мы с драконом.

* * *

эмблема реально существующего Поискового батальона

образца 2002 года

19. Ложные аналогии

Я шёл по бульвару Юности, и физиономия моя была покрыта чешуей, и одет я был в дурацкий комбинезон синего цвета.

— … Я нарочно иду нечесаным,

С головой, как керосиновая лампа, на плечах, — бормотал я себе под нос намертво впившиеся в мозг строчки незабвенного Сергея нашего Александровича.

Все дело в том, что на одном конце этого самого бульвара, на улице Цветочной, расположился Мозырский Террариум — обширный павильон с гадами малыми и великими, им же несть числа, а на другой, у Магистрального проулка — Клуб любителей киберспорта имени Горено. По крайней мере, так два этих мутных заведения значились в соответствующих документах и списках местного муниципалитета.

По факту же — от мэра до последнего мозырянина все знали, что за игуанами и питонами присматривают зоотерики — любители улучшать тело то ли при помощи внедрения звериного генома в секретных лабораториях, то ли — путем темных ритуалов. Зачем они это делали? Из стремления к совершенству, конечно. Как говорят — изначально их движение возникло в Итальянских городах из сообщества смертельно больных, но очень обеспеченных людей, ну, и нелюдей — тоже, готовых на что угодно, только бы продлить себе жизнь. И оно у них получалось, живучести зоотерикам было не занимать, но… В здоровом теле — здоровый дух? На самом деле — одно из двух!

Так или иначе — нынче филиалы Зоотерики раскинулись от Иокогамы до Лиссабона и от Сингапура до Осло. Может, и в Америке тоже были, но это мне было неизвестно.

А Клуб любителей киберспорта — это не про патлатых сутулых мальчиков за компьютерами. Это про здоровенных дяденек и тетенек с аугментированными частями тела, как то — роботизированные конечности, импланты вместо глаз, чипы, напрямую подключенные к мозгу и вместо сердца — пламенный мотор. Спортом они занимались, да. Например — стендовой стрельбой или там — боями без правил, иногда — экстремальным вождением. Формация — то ли секта, то ли международное общественное движение за технологическое вмешательство в организм — была прямым конкурентом Зоотерики в деле перехода всех местных видов хомо: сапиенс, эректус, хабилис, террибилис и прочих, обитающих на Тверди, на новую ступень эволюции.

Киборги это были, самые настоящие. И они терпеть не могли

зоотериков, а те платили им такой же лютой ненавистью.

— Приятны мне свиней испачканные морды

И в тишине ночной звенящий голос жаб… — никак не желал отпускать меня Есенин, пока я приближался к адептам Формации, которые обосновались у стационарных зарядных устройств, под навесом.

Моя чешуйчатая рожа явно не вписывалась в общий фон этой компании чуть менее, чем полностью хромированных товарищей, заряжающих батареи своих кибернетических деталей и попивающих кислородные коктейли из автомата. Я рассчитывал вступить с ними в галантную беседу и вывести местных адептов технического прогресса на закономерную реакцию.

— Добрый вечер, — как можно более вежливо проговорил я. — Я тут шёл мимо и увидел, что у вас из ануса шнур торчит. Я просто подумал — может, вы не замечаете? Выглядит странно… Но — если вам нравится, то, может, оно и нормально…

У этого типа вместо рук имелись блестящие стальные манипуляторы, гибкие и длинные, так что он мог бы обмотаться ими с ног до головы раза два. А в заднице правда торчала зарядка! Ещё пара его товарищей — один со сверкающим черепом, и второй, похожий на Эдварда Руки-Ножницы — тоже были подключены к городской энергосети, но у них штекеры втыкались в места куда более приличные: затылок и подмышки всё-таки куда как более целомудренно выглядят для сования в них всяких-разных кабелей и шлангов, по сравнению с афедроном.

— Ты чего, берега попутал, животное? — лицо этого рукастого мужика можно было даже назвать красивым: мощная челюсть, крупный нос, ямочка на подбородке, глаза чёрные сверкают под густыми бровями.

И за каким бесом он себя этими железяками изуродовал?

— Не, я за коктейльчиком пришел, — отмахнулся я. — У нас на Цветочной таких не делают. Там только автомат с газировкой, а меня от газировки пучит.

Ну, а что? Конечно, они должны были принять меня за зоотерика. И плевать, что на местных рептилоидов я внешне не очень походил. Все азиаты на одно лицо, помните? А зоотерики и подавно. Чешуя, глаза с вертикальными зрачками — этого вполне достаточно. «Фрукты — фрукты. Сиськи — сиськи. Цветы — цветы! Это одно и то же, мать твою!» — так, кажется, говорил классик?

И я было уже пошел за коктейльчиком к автомату, но тут появился новый персонаж, просто вогнавший меня в ступор. Нет, я мог принять и понять ребят, которые, потеряв в результате

несчастного случая или боевых действий часть тела, соглашались и даже стремились заменить ее киберпротезом. Тут вопросов никаких: лучше хромированные стальные ноги, чем вообще без ног! С трудом, но готов был я смириться с тем, что есть такие трудоголики и фанатики своего дела — например, сварщики или программисты, которые настолько сильно любили варить, что присобачивали себе вместо человеческих рук высокотехнологичные штуковины с функцией электросварки. Или там — вживляли шунт в мозг, чтобы напрямую подключаться к компу. Весьма странная идея, конечно, но где-то в глубинах мозга я в принципе мог это осознать.

Совершенно не понимал я типов, которые, имея здоровые руки и ноги и приличную человеческую башку, вдруг (понта ради или стремления к новой ступени эволюции для) неожиданно отрезали кусок нормального тела и вместо него пихали в себя железо. И еще более тупел я от тех, кто совал в себя какие-нибудь дополнительные агрегаты, никак не соотносящиеся с гуманоидными кондициями. Например — хвост.

У мужика, который шествовал ко мне через парковку от зарядной станции, явно искусственные ноги, скорее даже — лапы, изгибались коленками назад, на манер тираннозавра. А из задницы торчал хвост-манипулятор, как у Доктора Осьминога из комиксов про Человека-Паука. Только у того Доктора были четыре щупальца, а у этого кибердинозавра — один хвост.

Тут я не удержался. Не знаю, какой бес меня потянул за язык, но…

— *А ты, любимый, верный пегий пес*?!

От старости ты стал визглив и слеп

И бродишь по двору, влача обвисший хвост… — драматично продекламировал я, сделав поэтический жест рукой.

— Да сам ты пес! — взревел киборг и ринулся на меня.

Был в моей жизни период занятия айки-крав-мага. Странный период и странная боевая система, но кое-что по поводу использования энергии атакующего против него самого я здорово вбил себе в подкорку. Не хуже, чем стихи Есенина. А тело здешнего Гоши и драконьи бонусы типа сумасшедшей реакции позволяли развернуться куда как хорошо. Более того — благодаря всем этим «голым скачкам по трубам», как выразилась Беловская бабушка, я прекрасно представлял себе — насколько именно хорошо.

Так что в тот момент, когда хвост, занесенный над головой киборга на манер скорпионьего, метнулся в мою сторону, чтобы размозжить мне череп, я сделал почти танцевальный поворот тела на девяносто градусов, одновременно с этим — перехватил

атакующий отросток и дернул его, добавляя импульс к и без того мощному удару.

Киборг хряпнулся лицом прямо в асфальт, не удержав равновесия. Как был — коленками назад, и лапы динозавровые ему не помогли.

— Черт бы взял тебя, скверный гость!

Наша песня с тобой не сживется.

Жаль, что в детстве тебя не пришлось

Утопить, как ведро в колодце! — я врезал ему ногой по голове, два или три раза, пока вся компания киборгов не сообразила своими кибернетическими мозгами, что происходит нечто неладное.

Конечно, неладное! Я тут читаю стихи проституткам, а меня за это хотят бить железяками! Я, в конце концов, русскую классику, киборгам, от души…

— ИЛИ ДАЙ МНЕ УБИТЬ ИХ ВСЕХ, ИЛИ БЕГИ, ИДИОТ!!! — взревел дракон.

И я припустил что было сил по бульвару Юности, перепрыгивая ажурные ржавые парапеты и каменные, подернутые мхом ограждения, балансируя на бортиках отзвеневших свое фонтанов и едва не поскальзываясь на первых осенних листьях, усыпавших сырые после дождя тротуары… Бесов Есенин, надо завязывать с поэзией! Она до добра не доведет! Лучше б я пил, честное слово! Уже и думать начал какими-то забубенными словесами!

Я ускорился, и из-под тяжелых строительных ботинок с металлическими вставками брызнул во все стороны гравий.

* * *

Почему ботинки? Почему — киборги? Почему — бульвар Юности? Почему рожа в чешуе, в конце концов?

Потому что я интеллигентный человек, однако! И совершенно пошло и банально с моей стороны было бы заявиться в офис Зоотерики, поразбивать им там все террариумы и с воплями «Которые тут временные?» отправиться на штурм кабинета тамошнего босса, сиречь — Штриха, вытрясать из него всю душу. Конечно, дракон такой вариант полностью поддерживал. И будь я, например, черным уруком, то так бы и поступил!

Такой простой метод напрашивался сам собой: я мог бы попросить помощи в Орде, у Барбакана — тролль все-таки был мне обязан, а молодой урук никогда бы не отказался подраться. Я мог бы воспользоваться тем, что на данный момент в Мозыре

находилось что-то около тридцати или сорока моих сослуживцев: вооружившись лопатками мы с пацанами втоптали бы местную Зоотерику в землю минут за тридцать, и превратили бы их штаб в мелкую фракцию на раз-два. Как два пальца об асфальт!

Но, если в случае с цветастыми полупокерами я переложил львиную долю работы на муравьев, то и здесь я запланировал загрести жар чужими руками. Жалко ли мне было, что киборги могут пострадать? О, нет. Гады они были — вот и все. Доказательств у меня пока не было, а свидетельств — более, чем достаточно…

Так что я бежал по бульвару Юности, киборги бежали за мной, местные, давно привыкшие к стычкам двух крупных группировок, предусмотрительно порскали в стороны, не желая влезать в разборки непримиримых соперников. Рептилоиды и понятия не имели, какое свинство я для них замыслил: группа работников террариума в одинаковых синих комбезах как раз скопилась около того самого автомата с газировкой, желая подкрепиться сладенькой жижей после отработанной смены.

Рептилоиды напоминали рептилоидов. Ну, вот как их показывали по РенТВ или в дебильных изобличительных псевдодокументалках? Двуногие игуаны, с мордами, трансформировавшимися из человеческих лиц. Чернорабочие, новички, молодняк местной Зоотерики — худые и хилые, пока еще не выросшие в мощных бойцов, находящиеся на самом дне иерархической лестницы. Ни разу они не выглядели грозно, если честно. Худые, сутулые, хвосты эти торчат, обвислые…

И вот в них-то я и врезался, расшвыряв в разные стороны, сшибив автомат с газировкой и вопя во все горло:

— Железяки наших бьют!!! Спасите-помогите!

Зоотерики, конечно, сразу поняли, что я не из их песочницы. Комбез у меня другого оттенка, ростом я повыше, в плечах пошире, да и вообще — не игуана ни разу, просто мужик с чешуей на физиономии… Но киборгам-то на такие нюансы было плевать. Я подорвался и побежал дальше, кое-кто из расторопных рептилоидов разглядев агрессивно настроенную погоню, которая следовала за мной по пятам, тоже бросился наутек, но другие, которых было большинство — они замешкались.

И первый удар киборгов пришелся именно по ним. Что могли противопоставить ящерицы металлическим манипуляторам, электрическим разрядникам и ударам стальных ног? Там все было плохо, возле того автомата. Около трех минут продолжалось избиение, а потом раздался свирепый рык, и из дверей Террариума показались настоящие воины мозырской Зоотерики. Ящеролюды высотой метра в два с половиной, мускулистые, с

костяными наростами органических доспехов, клыками и когтями… Сложно было и представить себе, что когда-то они были представителями человечества, а не спустились на Твердь из космических далей!

— Роджер, Вильсон — на фланги! Рекс — нам нужно подкрепление! Связь с Энтони, пусть выводит бойцов на бульвар! Настало время сравнять Террариум с землей! — киборги не на шутку раздухарились.

Но какого беса они пользуются явно авалонскими именами? Мне оставалось об этом только гадать, потому что я прятался за контейнерной площадкой метрах в пятнадцати от места разгорающегося побоища и стягивал с себя синий комбез. Под ним у меня имелась бесформенная затрапезная кофта и спортивные штаны, лицо я укутал шарфом до самых бровей. Бич — как есть! Оставалось выследить Штриха…

Коптеры местной полиции вились над полем битвы, где плоть и металл столкнулись в кровавой потасовке. Дроны сквозь объективы камер наблюдали за тем, чтобы неукоснительно соблюдались правила сервитута: боевые заклинания и огнестрел можно использовать только против хтонических тварей! А вот когти, манипуляторы и подручные предметы — это сколько угодно. Рептилоидов пока что было больше, и четверо киборгов едва справлялись с их наскоками, но на помощь через бульвар торопились новые адепты Формации… Похоже, мне удалось спровоцировать настоящую крупную заварушку, и вряд ли главари местной Зоотерики теперь усидят в Террариуме, который был неплохой ширмой для прикрытия темных делишек, но совершенно не годился для обороны!

И я оказался прав: не прошло и пяти минут, как к заднему входу — как раз со стороны служащих мне укрытием контейнеров — подъехал фургон зеленого цвета, из его кабины выскочил тощий ящеролюд, обежал машину по кругу, распахнул задние двери и прокричал:

— Здес-с-с-сь!

Он был один! Один водитель! Сломя голову, я рванул к кабине, мне потребовалось десять шагов, чтобы пересечь открытое место и скорчиться у бампера. Заглядывая под днище электрокара, я увидел, помимо ног водителя, одетого все в тот же синий комбез, еще две пары ног: в джинсах и кроссовках и — в зеленых брюках и туфлях «под крокодиловую кожу».

— ТОЧНО — ШТРИХ! — прокомментировал дракон. — ДРУГОГО ИЗВРАЩЕНЦА, КОТОРЫЙ, ПРАКТИЧЕСКИ ПОКЛОНЯЯСЬ РЕПТИЛИЯМ, СТАНЕТ НОСИТЬ ОБУВЬ ИЗ РЕПТИЛИИ, В МИРЕ БЫТЬ НЕ МОЖЕТ!

Я чувствовал с его стороны некую гадливость по отношению к местным зоотерикам. Даже к киборгам дракон относился привычно-кровожадно и слегка свысока, а к этим… Вот точно — примерно так, как человек относится к гамадрилам. Мы с трудом переносим наше с ними некоторое отвратительное сходство… Не знаю, с чем это связано, может быть, его не устраивали такие самозваные родственнички? Так или иначе — я дождался момента и, услышав, что водитель там, сзади, загрохотал задней дверью, мигом вскочил, открыл пассажирскую дверцу в кабину и втиснулся между панелью и пассажирским сиденьем.

Шофер очень торопился, и потому кабину не осмотрел своими желтыми лупатыми зенками. Уселся на водительское сиденье, заблокировал двери, тревожно прислушиваясь к звукам боя, которые приближались, нажал кнопку запуска двигателя, и только потом уже сообразил:

— А ты мас-с-с-сь твойу хто?

— Я поведу, — заявил я и, распрямляясь настолько, насколько это было возможно, врезал ему кулаком с зажатым в нем сложенным ножом прямо в глаз, а потом — еще и еще, после чего ухватил тщедушного рептилоида за грудки и, не обращая внимания на его сопротивление, протащил по всей приборной панели и усадил его на пассажирское место, и пристегнул ремнем безопасности, а руки зафиксировал пластиковой стяжкой.

В рот ящеролюду я запихал какую-то ветошь, какие обычно в изобилии водятся в естественных полостях автомобильных дверей в любой машине.

— Сиди тихо! — погрозил ему пальцем я.

Тот лупал единственным целым глазом и шумно сглатывал. Фу! Ветошь-то была сплошь в машинном масле и прочей дряни!

— Паш-ш-ш-шиму не едем? — застучали из грузового отсека.

— Щас-с-с-с! — подражаю шепелявому говору рептилоидов, откликнулся я.

Ткнул пальцем в кнопку, выжал педаль мощности до отказа — и фургон, резко дернувшись, тронулся с места. И вовремя — киборги, получив подкрепление, прорвали оборону ящеролюдов и выплеснулись на оперативный простор… Кое-кто из них увидел уезжающий фургон и ринулся в погоню, но тщетно — я уже выехал на улицу Мира и гнал вперед, к трассе, которая вела прямиком в Стрельскую Хтонь.

— Покупай билет

Нет пути назад!

Жизнь кра-си-ва-я —

Паровозик в ад! — орал я, от избытка чувств барабаня ладонями по рулю.

И никаким Есениным тут уже и не пахло, конечно.

* * *

В тексте использованы стихи Сергея Есенина — «Исповедь хулигана», «Сорокоуст»" и песня ПАРОВОЗИК В АД — LAIM BU4ER BAHAMAT DUIT

20. Антиципация

завтра перчитаю и дополню что-нибудь.

Бог говорит с нами обстоятельствами жизни? Если это действительно так, то, пожалуй, я должен был посвататься к сударыне, или, если угодно — пани Вишневецкой. Потому что третий раз совпадения подобного рода выглядели более чем странно, о чем она мне и заявила, сидя на корме моторной резиновой лодки:

— Пепеляев! — сказала Яся, выключая мотор и выводя лодку в крутой поворот. — Или вы за мной следите, или — ведете весьма загадочный образ жизни!

Я в это время в категорически обгорелом виде проводил время на песчаном, поросшем кривыми кустарниками островке посреди реки Припять и размышлял о бренности бытия. Одежда моя обуглилась и свисала лохмотьями, при этом — сие рубище основательно намокло. Волосы и борода, правда, пребывали в приемлемом состоянии, как и кожа, и ногти — я же нулевка, магия на меня не действует, и ее артефакторное ответвление — тоже. А на одежду — действует.

Припять после дождей стала довольно полноводной. Не как Днепр у Гоголя, конечно. Для птицы нет проблем не то что долететь до середины реки — она круги над акваторией может спокойно нарезать, но метров семьдесят в ширину главная полесская водная артерия имела. И снова лезть в стылую воду мне вообще не хотелось — мокни, мерзни, плыви… Наплавался уже! Нет, дракон уверял — все будет в порядке, ничего страшного, даже не простужусь, но… Зябко!

— Определенно — второй вариант, Ядвига Сигизмундовна, — я помахал ей рукой. — Видеть вас — одно удовольствие!

— А не видеть — другое? — ее бровь взлетела вверх. — Подвозить вас уже становится доброй традицией, да? И я намереваюсь сделать это в третий раз, несмотря на то, что вы меня старательно игнорируете. Сколько времени прошло с тех пор, как мы виделись? Месяц? И вы ни разу… Хм! Так вам нужна помощь, или ваше бдение посреди реки имеет некий сакральный смысл?

А хороша она, все-таки! И нет, я не ее талию и ножки имею в виду, хотя в этом милитари-комбинезоне серого цвета все оно смотрится просто замечательно, и не только талия и ножки. Я — про ее манеру изъясняться. Меня всегда привлекали девушки, которые говорят эдак… Интересненько! Не только девушки — люди в целом. И нелюди тоже.

— Однако, по какой-то причине наши дороги снова и снова пересекаются… И всякий раз я предстаю в неприглядном свете! — я встал с коряги, на которой восседал все это время, попытался отряхнуть одежду, а потом бросил это бессмысленное занятие. — Поэтому я, как честный человек, просто обязан пригласить вас отужинать. Какое у вас тут самое шикарное место?

Бес его знает, на что я рассчитывал… Но попробовать, определенно, стоило. Все-таки третий раз — это уже не совпадение. Это — закономерность. Не знаю, почему она заинтересовалась мной, но с моей стороны и в третий раз прятаться за черепаховым панцирем было бы просто преступлением. Классная же!

— А-ха-ха-ха! — она рассмеялась легко, свободно, ее белоснежные зубки так и сверкнули. — Так меня на свидание еще никто не приглашал: посреди реки, на границе Хтони… Пожалуй, мы пойдем в «Кокос». Не пафосно, неформально, на набережной — и минимальный шанс встретить студентов… И вот еще что: мы вроде бы уже перешли на ты, помнишь? Так что — добро пожаловать на борт, Пепеляев! Тебе нужно будет переодеться, это точно. Где остановился?

— В «Орде», — я осторожно перебрался с песчаного берега на нос резиновой лодки, уселся на скамье и откровенно залюбовался ее точеным профилем и изящной шеей, на которую благодаря убранным в узел волосам открывался просто невероятный вид.

Яся тронула румпель, лодка сорвалась с места, разрезая речную гладь.

— «Орда»? Своеобразное местечко для человека, который позиционирует себя как интеллигент, — судя по взгляду, которым она обвела мой потрепанный наряд, до интеллигента я, похоже, не дотягивал. — С другой стороны — сначала я выловила тебя у моста, на обочине, где чаще всего ловят транспорт «ночные бабочки» и тусуются наркодилеры, потом — в глухом лесу под Вышемиром, теперь — посреди реки, на границе Хтони… Давно сидишь?

— Часа два, примерно, — признался я.

— Как раз инцидент закончился… — задумчиво проговорила она. — Тут волей-неволей задумаешься о причинах и предпосылках…

— М? — сделал невинный вид я. — Причинах и предпосылках чего?

— Странностей много, — пояснила девушка, и вдруг — одним движением, тряхнув головой, распустила волосы, и они затрепетали на ветру. У меня дыхание перехватило, если честно. — Вот, например, в Стрельской Хтони инцидент случился,

элементали пару часов назад как с ума посходили, особенно — водные. Принялись блокпосты разбирать, бетонные плиты повыворачивали, членовредительством даже занимались… А потом выяснилось — главаря мозырской Зоотерики Штриха зачем-то понесло к эпицентру, да еще и с целым арсеналом уникальных артефактов, которые по совокупности силы вполне могут сравниться с Ultima Ratio не самого слабого клана! Сначала — бойня на бульваре Юности, теперь — это… Ты, случайно, в первой половине дня по бульвару Юности не гуляли?

— Я? — конечно, актер из меня аховый, но попытаться стоило. — Я в первой половине дня занимался, в основном, чтением стихов вслух. Публика, правда, попалась неблагодарная, не любят они ранние стихи Есенина, слишком черствые господа и дамы, я бы даже сказал — невосприимчиывае, никакого чувства прекрасного…

— И ведь не врешь! — восхищенно поцокала язычком она. И вдруг резюмировала: — Из тебя выйдет отличный муж.

— Вот это заявочки! — удивился я. — Это откуда такие выводы?

Река тут делала петлю, и вираж на лодке получился крутой, так что я едва не вывалился наружу, но удержался за полимерные тросы, натянутые на бортах.

— Ну, врать хороший муж своей жене, конечно, не должен. Но и всю правду говорить тоже не рекомендуется, — с самым уверенным видом проговорила девушка. — Кому нужна эта правда, ага? Например — будет жена беременная, у нее вырастет живот, а правдоруб и скажет, что она потолстела. Кому от этого будет легче? Так что умение вежливо недоговаривать — одно из самых важных в супружеской жизни.

— Однако! — только и смог сказать я.

Яся, прищурившись от ветра, поглядывала то на меня, то на берега Припяти, поросшие лесом.

— Элементалей, кстати, мне удалось утихомирить, — заявила она. — Это мой профиль. Хочешь, фокус покажу?

— Ну… — фокусы ведь разные бывают, от некоторых дурно становится. — Почему бы и нет?

— Смотри, — она немного подвинулась и ткнула пальцем в мотор.

Я сразу не понял, что она имеет в виду, а потом увидел: рычажок пуска мотора стоял в положении «vykl». Все это время мы гоняли на магической тяге! Как будто в ответ на мои мысли из воды высунулась прозрачная жидкая рожа, напоминающая морду океанского ската — с противоестественной улыбкой и шалыми глазами. Она явно глумилась и корчила гримасы. Я строго

нахмурился и погрозил водяному пальцем. Рожа вдруг выпустила струю воды и исчезла в речной глубине.

— Ну вот! Ты ее напугал! — огорченно проговорила Вишневецкая. — Теперь придется включать мотор.

Двигатель загудел, лодка, получив новый импульс, рванула вперед. Снова замелькали по обеим сторонам речные берега: правый, холмистый и обрывисты, и левый — низкий, болотистый.

— И что там со Штрихом этим? — как можно более нейтрально проговорил я. — Фигура вроде в сервитуте известная…

— Барыга он, — совсем не по-девичьи буркнула она. — Синтетической дрянью приторговывает. И производит. Формально все чисто, для рептилоидов это что-то вроде лекарства от приобретенной после трансформации мигрени. Ну, человеческий мозг в ящерицын череп плохо помещается, головные боли первые месяцы адаптации — их бич! Так что Штрих этот — респектабельный фармацевт, если судить по официальным бумагам. У него в Хтони — производственная лаборатория, там эти самые рептилоиды работают… Работали! На них хтонические миазмы гораздо меньше, чем на людей воздействуют… Она, кстати, рядом с конторой Сатырова, эта лаборатория. Была. Знаешь Николая Палыча? Он говорил, что вы сотрудничали по каким-то техномагическим делам. Ну и про движуху Зоотерики с этими порошками тоже рассказал. Кстати, у Сатырова в офисе окна повыбивало. А пожар у зоотериков до сих пор тушат…

— Да? — я попытался расправить обгорелые лохмотья кофты. — Какое, однако, досадное недоразумение!

В моем голосе было полно фальши, и Яся явно это распознала.

— А труп Штриха — в ужасном состоянии! — покосилась на меня девушка. — Несладко ему пришлось перед смертью… Ни одного живого места!

— Ну, кажется, это закономерный итог, если продавать наркотики для рептилий детям из земщины в туалете театра, — как будто в сторону задумчиво проговорил я.

— Что-что? — ее глаза стали круглыми.

— Ничего-ничего, — откликнулся я. — В этот ваш «Кокос» лучше костюм-тройку надеть, или военную форму? С нейтральной одеждой у меня, как видишь, дела обстоят не очень.

— Костюм… Наверное! — Яся была растеряна и явно порывалась что-то спросить, но всякий раз открыв рот, тут же его закрывала и кусала губы.

— Из тебя выйдет отличная жена, — кивнул я.

— Ничего себе — заявочки! — подкинулась она. — Веришь, нет — первый раз такое слышу!

— Умение не спрашивать, когда не хочешь услышать ответ — очень ценное в супружеской жизни, да? — моя ухмылка была совершенно искренней.

— Ладно! — она вдруг весело улыбнулась и махнула рукой — Один-один! В конце концов, я сразу поняла, что ты престранный тип! И знаешь что? Мне это нравится! Надевай костюм, точно. А я надену вечернее платье. Тамошние неформалы обалдеют!

— Один мой знакомый, кажется, из прошлой жизни, говорил, что все женщины делятся на три типа, — заявил я. — Тупые, гулящие и звезданутые. Ну и комбинации всех этих типов, в разных пропорциях.

— И? — Вишневецкая не знала, как реагировать на такой пассаж.

— Я всегда выбирал звезданутых. — и облокотился на нос лодки, и расслабился настолько, насколько это вообще было возможно. — Ты определенно — звезданутая!

Если она меня сейчас на корм водяным не отправит — значит у нас все сложится. Это мне совершенно точно известно.

* * *

Я сидел у барной стойки на высоком стуле и медленно цедил пятьдесят виски. Нервничал! Все-таки Яся — она… В общем, сложно было поверить, что она со мной действительно идет на свидание. Что нет никакой подоплеки. Что она вправду — достаточно звезданутая для того, чтобы пойти в ресторан с контуженым ветераном войны, который работает в школе учителем, вместо того, чтобы сшибать деньгу оказывая услуги в качестве нулевки для богатеньких буратино из юридик и сервитутов.

Да и вообще — физиономию свою я в зеркале каждый день вижу. Нет в ней ничего особенно выдающегося, чтобы девушки на меня вешались. С другой стороны, может ей тоже, как и мне, нравятся разговорчики такие… Интересненькие. Тогда да, тогда все это еще хоть как-то можно объяснить. Женщины любят ушами, и все такое…

Хорошо, что я взял с собой костюм, и хорошо, что Варган Охренительный оказался еще и охренительным франтом: у него нашелся отпариватель. Отпариватель у черного урука! Более того — еще и рубашечки у него имелись, и довольно стильные: с индейской бахромой на рукавах, или с принтом воющего на луну

волка на всю спину. Так что я привел в порядок брюки, пиджак, жилетку и сорочку — свою, а не его. После рюкзака они выглядели не очень презентабельно. Даже — очень не презентабельно. Пришлось повозиться.

Зато теперь я выглядел прилично — в единственном своем костюме за две тысячи. Второй купить, что ли? С кевларовыми вставками и потайными кармашками для всякой полезной мути, типа тросика с алмазным напылением или перцового баллончика. И колюще-режущих во всех местах запрятать… Жизнь-то у меня получается, как Яся выразилась, весьма загадочная!

— Что ты думаешь по поводу Штриха? — спросил Барбакан, до блеска натирая тряпкой столешницу. — Ты вроде имел дело с какими-то его ребятками в Вышемире, по крайней мере Варган мне что-то такое наплел…

— Однако, Варган — трепло, — пожал плечами я. — Мне он сказал, что ребятки эти подохли в каком-то лесу. То ли в улье, то ли — в муравейнике, а может — их сожрали лобковые вши. Я, если честно, расстроился — мечтал настучать по голове каждому из этих мерзавцев лично. А они померли! Вот теперь и Штрих помер…

— Гляди, — он ткнул пальцем в экран телевизора, где как раз демонстрировали кадры с места событий, где нашли труп Штриха. — Он как мумия просто! И рожа закопченная. Как будто в него кто-то залил ведро керосина и поджег!

— Не-а, — покачал головой я со знанием дела. — Мне знакомая волшебница говорила, что у него с собой были артефакты. А я в Поисковом служил и имел дело с такими штуками. Тут было пламя магического происхождения, точно! Я думаю, Штриха похитили киборги, и он решил скрыть ценное имущество, и проглотил парочку колдовских цацек. Они у него в желудке срезонировали, а потом — детонировали. И вуаля: запеченный изнутри рептилоид в собственном соку! Я такое видал, когда опричники одному болярину балканскому в глотку артефактную огненную ловушку запихали. Полыхнуло будь здоров! Там от упыря примерно такая же шкурка запеченная осталась.

— Беда-а-а… — протянул тролль и почесал пузо. — Во! И правда — говорят, извлекли из него редкие артефакты неизвестного происхождения! А ты сечешь, рыжий!

Я только хмыкнул. Еще бы я не сек: я ж там был! Чешуйчатый гад даже свою охрану не пожалел: только я открыл заднюю дверь фургона, как этот старый геккон развел там внутри машины тряхомудию: активировал сначала защитную сферу, которая заполыхала серебром, а потом — влупил во все стороны стеной

огня! Жахнуло будь здоров! Отсюда и разрушения и все такое… Кофту мне спалил, джинсы, даже носки с ботинками! Сплошные дырки теперь, а не ботинки. В штиблетах теперь рассекать приходится, а погода уже осенняя, прохладно1 Однако, я потом ему эти волшебные штуковины в рожу напихал, особенно не заморачиваясь с их размерами и количеством, но дальнейший инцидент и толпу элементалей, которые принялись крушить уцелевший остов фургона я предусмотреть не мог… Как и заплыв по Припяти.

— Теперь все судачат: состоится ли месть Зоотерики? Не начнется ли великая война группировок по сервитутам? Кто займет нишу рептилоидов в бизнесе? — задумчиво проговорил какой-то молодой ордынский боевик, серьезно экипированный и вооруженный для похода в Хтонь. — Но инцидент мы с магами нормально отработали, одних водных элементалей для Водоканала четырнадцать штук поймали. Два воздушных еще и один огненный — этого вроде Теплосеть в котельную на Заречной стороне определит… А что касается зоотериков, то по мне так: помер Максим да и хрен с ним. Штрих этот той еще скотиной был. Если б кто еще Энтони из Формации угробил, а потом Жужелицу из Скоморохов — то-то дышать легче стало бы!

— Ага, — сказал Барбакан. — А потом Барбакана из «Орды».

— А нас то за шо? — искренне удивился сталкер.

Я глянул на часы — пора было выдвигаться. Нервишки пошаливали, под ложечкой тянуло, а на лицо все время пыталась выплыть дурацкая улыбка. На свидание иду! С Вишневецкой! Дурдом какой-то.

— Ну, я погнал, мужики, — звякнув монеткой о прилавок, я поднялся. — Пожелайте мне удачи, ибо не ведаю что творю!

— Давай, до свидания! — махнул лапой тролль.

И я пошел.

* * *

На сей раз платье на Вишневецкой было черное, облегающее, с двумя разрезами — до середины бедра каждой из точеных, стройных ножек. И туфли на каблуках! Никогда не думал, что блондинкам идет черное, что платье такого фасона может быть элегантным, а на шпильках — можно так быстро и грациозно передвигаться.

Я снова засел за барной стойкой, только на сей раз — в «Кокосе». Ну а что делать, если для высоких людей только барные стулья придумали? И снова попивал виски — чуть хуже, чем в

«Орде» если честно. Ну и — пожирал глазами Ядвигу Сигизмундовну, конечно. В конце концов, она была просто огонь огненный, если такое выражение применимо к водному магу. Сто из ста по шкале оценки женской привлекательности.

— Привет, Пепеляев! — она подошла совсем близко, и вдруг подалась ко мне, прижалась на секунду и чмокнула в щеку.

За эту секунду я успел вдохнуть запах ее парфюма, почувствовать жар молодого, сильного тела, и понять, что у меня от нее форменным образом сносит крышу.

— Что пьешь? — она стрельнула на меня глазками.

Ей и краситься было не нужно — при светлых, почти белых волосах пушистые, чернющие, как вороново крыло, ресницы в сочетании с четким изгибом темных бровей могли считаться аномалией.

— Виски. Вроде как даже авалонский, — я поболтал коричневатую жидкость на дне стакана и погремел льдом, стараясь не слишком пялиться на ее грудь и вообще — не показывать, какое впечатление девушка на меня произвела.

Потому что я поплыл, это точно.

— А давай и мне! У меня был дьявольский день, у тебя — тоже. Давай напьемся, а потом будем делать всякую дичь! — жизнерадостно заявила Яся.

— А давай! Сударь, нам два по пятьдесят! — я махнул рукой и бармен мигом брякнул о стол еще двумя стаканами, добавил льда и акробатическим жестом чуть ли не из-за уха налил алкоголь.

— Это не в моих правилах — напиваться с полузнакомыми мужчинами, — проговорила Яся. — Придется знакомиться полностью и окончательно.

Она села на барный стул рядом, так, что наши колени соприкасались.

— Привет, — я отсалютовал ей стаканом. — Меня зовут Георгий, я учитель истории, и у меня в квартире за бачком в туалете спрятан пистолет Черепашина.

— Ого! — сказала она. — Привет! Меня зовут Ядвига, я без пяти минут глава клана Вишневецких и поэтому меня скорее всего скоро попробуют убить в ближайшие пару месяцев. Выпьем за знакомство?

— Определенно! — мы звякнули бортиками стаканов друг о друга. — За знакомство!

Вечер, определенно, становился все более многообещающим.

* * *

21. Эрос и Танатос

Мы классно провели время. И это было вовсе не про то, что думают о совместном классном времяпрепровождении молодого мужчины и красивой девушки глумливые бабушки у подъезда и озабоченные подростки.

Мы трепались об всем подряд: сначала — про элементалей и их придури, потом — про музыку Тиля Бернеса, Рекорд «Ансамбль» и выстрелившую в этом сезоне группу «Знаменитый Композитор». После этого, зацепившись глазами за календарь на стене — о религиозных войнах начала седьмого века, когда пламенный поэт и великий воин, святой Мухаммед Аравийский вел непобедимое «Войско Исы» на восток, штурмуя берега Инда и неся слово Божие по всему Великому Шелковому Пути… А еще — о земщине и сервитутах, о магах и магии, грядущем мире на Балканах, экстремальных видах спорта (она была водником, и тащилась от горных рек и порогов, а я — тоже мог считать себя своего рода экстремалом), и о работе, конечно.

Никогда не понимал людей, которые не хотят вне работы говорить о работе. Я обожаю свое дело, я в восторге от преподавания, мне нравится вести уроки и видеть, как одного, пятого, десятого ученика — *осеняет*, как дети *врубаются*. Это одно из самых восхитительных чувств в мире, и по какой-такой причине я не должен об этом говорить? Она тоже преподавала — в Мозырском колледже прикладной магии, и тоже относилась к этому как настоящая фанатичка. Я уверен — все студенты были в нее влюблены, притом и мальчики, и девочки.

Настолько, насколько я любил историю — настолько она любила аквамантию. Вишневецкая, кажется, знала все реки, речушки, озера, болота и ручейки на сто километров окрест и говорила о них как о живых людях. Уборть, Птичь, Ипа — все это были как будто имена хороших подруг для нее!

— А ты рассказываешь про своих Гоббса и Локка так, будто выдул с ними самовар чаю буквально вчера, — смеялась Яся, запрокидывая голову, и я снова любовался ее изящной шеей. — А они померли пятьсот лет назад! По весне я затащу тебя на Страчу, так и знай — и тогда ты поймешь, о чем я говорю…

Как обычно и бывает в самых лучших разговорах — мы понятия не имели, как связаны Уборть и Ипа с Гоббсом и Локком, и почему мы говорили о том и о другом — просто одно цеплялось за другое, и было хорошо рассказывать и хорошо слушать.

— Честно говоря, когда ты первый раз подвозила меня до Вышемира — я подумал, что ты какая-то фифа и, наверное,

наркоманка, — признался я. — Для меня все это было чересчур: машина, платье, трусики на заднем сиденье… Но да, ты была «вау»! Ты и сейчас — вау, Ася. У меня от тебя голова кругом.

Мой комплимент Вишневецкая проигнорировала и закрыла лицо руками.

— Трусики? Вот блин! — она натуральным образом покраснела. — А я подумала что ты — киллер. И напугалась, и потому даже не поворачивалась к тебе. Хотя, вообще-то, ты мне сразу понравился: задумчивый какой-то, серьезный, высокий, широкоплечий, рыжий…

— Ты первая, кто говорит о том, что я рыжий, в комплиментарном ключе… И — широкоплечий? Никогда не думал, что я широкоплечий… — я всегда представлял себя как человека худого, почти тощего, и потому пытался скрыть фигуру под одеждой — костюмом, кофтой.

Похоже — это все наследие болезни, привычка из прошлой жизни. Я в последние годы постоянно носил длинные рукава, бороду, волосы подлиннее, чтобы маскировать бледный вид. А тогда, после истории с элементалями — надел тенниску, точно… И поди ж ты — широкоплечий!

— Не прибедняйся, Пепеляев, — она шутливо хлопнула меня по ладони, а я перехватил ее руку и задержал в своей, и отпускать не собирался. — Ты не красавец, да. Но мужчина и не должен быть красавцем, м? Не люблю всех этих метросексуалов и сладких мальчиков, фу… Ты — видный парень, обаятельный, из тебя энергия так и хлещет! Харизма — вот как она называется. Это гораздо важнее чем форма зубов или носа!

— А что не так с моим носом? — ухватил себя за выдающуюся часть лица я. — Что с моим носом-то?

— Кривой, — признала она. — Как будто слегка свернутый. Тебя по лицу били, что ли?

— Многократно! — радостно и охотно признал я.

— Нет, вы посмотрите на него! — она картинно огляделась. — И это — педагог! Человек с высшим образованием! Гордится тем, что у него сломан нос!

— Ребята! — сказал бармен. — Вы такие классные. Не теряйтесь, держитесь друг друга. Я точно вам говорю — лучше вы никого не найдете.

— Ого! — я повернулся к этому парню, чернявому, горбоносому, похожему, может быть, на еврея, армянина или грека, и кивнул: — Спасибо. Слышишь, Ясь, что человек говорит?

— Слышу, слышу… — девушка снова огляделась, на сей раз — растерянно. — И вижу, что мы тут засиделись… Сколько до закрытия?

Бармен только усмехнулся:

— Сорок минут назад закрылись, я и помыть уже полы успел, и стулья расставил…

— Ой как неловко-о-о-о…

— Ничего не неловко. Я сам — водник, обожаю байдарки, и Страча — это лучшая тема в Великом Княжестве, точно! А вас, Георгий, мне совершенно точно не хватало в прошлом году в качестве препода по истории магии в колледже… Крюков, сволочь, завалил меня на зачете…

— Во-о-от! А я о чем говорю! — обрадовалась Яся. — Я его и зову к нам!

— Если придете преподавать — ей-Богу, восстановлюсь, — пообещал бармен. — Только предупредить не забудьте!

Конечно, я пообещал, что если решу прийти на работу в Мозырь — то обязательно зайду в «Кокос». А потом мы попрощались и отправились с Ясей реализовывать второй пункт нашей программы, а именно — делать дичь!

* * *

Знаете, что удумала эта ненормальная? Мы поднялись по арке моста через Припять на самый верх! Перелезли через чертовы ограждения, и по стальной рельсе шириной сантиметров сорок в ширину поднялись на самый верх, очень, очень высоко. Не знаю, над водой было этажей семь, восемь? Перильца тут имелись, примерно с метр в высоту, явно для нужд скорее технических, чем предназначенные для безопасности ночных любителей прогулок… Тут вообще прогулки предусмотрены не были!

Дул пронзительный осенний ветер, металлоконструкции под нами скрипели и шатались, из Вишневецкой, кажется, выветрился весь хмель и она сказала, глядя на темную реку под ногами, многоцветье городских огней и неон мостовой подсветки:

— Ни разу не романтично. Красиво, до мурашек — но не романтично. Знаю вроде, что об воду не убьюсь, мне Припять как пуховая перина, но… Страшно! И холодно.

Еще бы не холодно! Осень в разгаре, температура — градусов десять, а она — в платье и жакете! И без туфлей! По металлу! Я мигом снял пиджак, накинул ей на плечи и приобнял ее за талию.

— Пошли лучше в «Орду», кофе пить… — проговорил ей в самое ушко. А потом неожиданно для себя добавил: — Тем более я там одному уруку боксерский спарринг задолжал, будешь моим секундантом!

— Ого! Ты будешь драться с уруком? — она мигом повернулась ко мне и — просто потому, что тут, на вершине арки у нее не было другого выхода, прижалась бедрами, грудью, всем телом. — Вот это — дичь так дичь!

— Не драка, а спортивное состязание, разницу надо понимать! — усмехнулся я, чувствуя, как ситуация становится все более горячей, несмотря на стылую погоду. — Остается один вопрос: как мы отсюда будем спускаться, и как доберемся до «Орды»…

— М-м-м-м… — она и не думала отстраняться. — Есть варианты. Чш-ш-ш-ш, не двигайся, так и стой, мне все нравится, я не маленькая девочка. Помоги мне только из жакета телефон достать, и нас заберут минут через пять…

— Прямо отсюда? — удивился я, а руки мои в это время шарили под пиджаком и под жакетом, делая вид что ищут телефон, а на самом деле занимаясь далеко не только этим.

Однако, у меня просто выключало мозг рядом с ней! И тот факт, что девушка не протестовала, а наоборот, теснее прижималась ко мне, и (о, черт!) расстегнула мне жилетку, просто захлестывал меня бурей эмоций.

— Прямо отсюда, но минут через семь… — выдохнула она. — Ты ведь в сервитуте, Пепеляев! Подожди, подожди, я позвоню, а потом уже…

Она позвонила.

— Клара? — голос Вишневецкой звучал хрипло. — Я тут с одним парнем на мосту… Да, тот рыжий обаяшка, я про него тебе говорила. Да, через Припять. Ну Кла-а-ара, ну доброс ь нас до «Орды»! С уруком будет драться… Нет, не по настоящему, бокс будет. Во-о-о-от! Конечно, посмотришь! И кофе по-ордынски выпьем. Давай, жду…

Она сунула телефон в карман моего пиджака потом обвила мою шею руками и я почувствовал ее горячие губы на своих губах.

— Три минуты, Пепеляев… — прошептала она.

Когда за нами на натуральном ковре-самолете прилетела дамочка в махровом халате, пушистых тапочках и замотанном на голове полотенце в виде тюрбана, мы едва смогли оторваться друг от друга, и ждали транспорт очень, очень растрепанные и разгоряченные. И плевать нам было на осеннюю стылость.

Если бы не три минуты — кажется, мы точно зашли бы дальше, даже тут, на вершине мостовой арки.

* * *

Бить урука — это то же самое, что стучать кулаками по стволу дуба. И при этом дуб лупит тебя ветками по чем попало со страшной силой, аж искры из глаз летят.

Нет, я читал еще летом про особенности физиологии homo terribilis niger или черных уруков. Но одно дело ознакомиться в теории с материалом про иную плотность мышц и костей, другой состав гормонов и скорость реакции, а другое — почувствовать эти особенности на своей голове!

— ДА ОТПУСТИ ТЫ МЕНЯ, МЫ ЕГО В БЛИН РАСКАТАЕМ!!! — свирепел все сильнее дракон, когда очередной хук от Варгана врубался мне прямо в рожу и меня отбрасывало на полметра или около того.

— Спокойно, — бормотал я и снова бросался в бой, атакуя орка серией легких, беспокоящих ударов, а потом уворачиваясь от его страшных панчей. — Спокойно. Ща-а-ас! Щас!

Столы раздвинули по углам, народ образовал круг, оставив для нас место в центре. Варган хохотал и выделывал ногами кренделя и вообще — выпендривался. Он чувствовал себя прекрасно: в конце концов, я ведь не мог считаться боксерской грушей, все понимали, что для человека я держусь очень неплохо, вон — даже огрызаться пытаюсь! Для уруков это было принципиально: победить воина, а не избивать жалкого доходягу. В избиении они тоже видели определенную прелесть, но — на порядок пожиже. Это как сравнить стейк с «Любительской» колбасой.

Из носу у меня текла кровь, в ухе звенело, ребра трещали. Я знал — дракон подлечит, но сейчас я не мог ему позволить выдать нас! И потому — терпел. В конце концов, что такое звон в ухе по сравнению с многочасовым приступом мигрени? Бывало и похуже.

Мне удалось увернуться от длинного варгановского джеба, поднырнуть ему под руку и — раз-два! — влупить двойку в печень, и снова отскочить.

— Давай, давай!!! — орали ордынцы.

Девчонки визжали. Какой-то гоблин снимал все на видео, поставив барный стул на стойку и взгромоздившись сверху. Варган продолжал выбивать из меня дерьмо, но я и не думал сдаваться: я давно не чувствовал себя таким живым, как сегодня! Справедливое возмездие, заплыв по реке, прогулка на лодке с загадочной и невероятно красивой девушкой, поцелуи на высоте нескольких десятков метров, потом — бой с соперником, который точно превосходил меня… Вкус жизни, вот что я ощущал всей душой и всем телом!

И поймал кураж, не без этого. И именно потому решил

провернуть один рисковый финт. Встречный удар, вот как он назывался. Нужно было пропустить его джеб, уклониться и, желательно, с подшагом влупить ему кросс в челюсть.

— Щас, щас! — бормотал я. — Щас!

Я прикрылся руками, и принял на них не самую сильную серию гогочущего и глумящегося Варгана. Ну да, да, он был охренителен в этом бою. А я — терпелив и хладнокровен, как древний ящер… И в тот самый момент, когда орк решил покончить со мной, и на его клыкастой роже уже была написана полная решимость свалить меня с ног одним ударом я сделал это! И-р-р-раз! Бокс и айки-крав-мага под одной обложкой. Получите и распишитесь.

Он сам хотел вломить мне с подшагом, и энергия его движения и его удара наложилась на мой кросс.

Рис. 37. Встречный перекрестный удар правой в голову, соединяемый с защитой уклоном влево и шагом вперед левой ногой

Звук был такой, будто кувалдой вдарили по дубовой колоде. Кажется, я сломал себе костяшки пальцев об его рожу. Больно было страшно. Но знакомый зуд под боксерскими перчаткам, который сопровождал обычно появление чешуи и вообще — проявление драконьей сущности меня отчасти успокоил. «Подлечит»- подумал я.

Орк пошатнулся, ей-Богу! Варган Охренительный стоял и шатался, и глаза у него были осоловелыми.

Я сделал шаг вперед и несколько раз очень легко обозначил удары левой: в лицо, в солнечное сплетение, в печень, опять в лицо.

— Бам-бам-бам! — сказал вслух я. — Я победил.

— Падажжи! — Варган ошеломленно помотал головой. — Это как ты сделал? А ну-ка покажи!

— У-у-у-у-у! — завыли ордынцы разочарованно. — Начинается… Так что, больше замеса не будет? Ну-у-у всё-о-о…

— Ой, идите в жопу! — отмахнулся Варган. — Тут меня чело-век ушатал! Ну ладно, не ушатал, я больше удивился, но… Пуст покажет эту штуку! Откуда кулак-то у меня в морде взялся?

— Так, всё! — Вишневецкая мигом сдернула с плеча у Барбакана полотенце и бросила его в импровизированный ринг. — Брэк! Бой окончен! Видишь — у него нос разбит? Это тебе все равно с какой рожей за стойкой стоять, а у него уроки в понедельник!

— Так подлечи его, чего ты? — удивился тролль.

— Нет, ну… Я всегда думала что тролли из орков самые умные. А ты это… — Яся покрутила пальцем у виска.

— А! Он же нулевка… Говно дело! — сообразил тролль. — Колдануть не получится! Тогда это… Лед там, ультрапантенол, аптечка есть опричная, вата. Че еще надо?

В общем, спустя пять минут Вишневецкая лечила мои побои, а я и не думал ее останавливать. И дракон тоже был не против.

— КЛАССНАЯ БАБА! — комментировал он. — ТЫ ПОСМОТРИ КАКИЕ БЕДРА! УХ! СМОТРИ КАК ДВИГАЕТСЯ, СМОТРИ… О-О-О, ВИШНЕВЕЦКИЕ — ЭТО ОТЛИЧНАЯ ГЕНЕТИКА, НАДО БРАТЬ, Я ТОЧНО ТЕБЕ ГОВОРЮ!

— Смотрю, — соглашался я. — Надо.

— Чего — надо? — она прижала мне к носу пакет со льдом и с подозрением уставилась на меня.

— Подруге твоей халат махровый на что-то приличное сменить надо. Вон видишь, как Варган на него пялится? Еще сожрет! — волшебница с ковра самолета в это время занималась молодым орком. Тоже — что-то мазала, заклеивала…

Маги всегда говорили, что им противно колдовать рядом с уруками. Вроде как могут, но рвотные позывы сдержать сложно. Интересный феномен!

— Это Клару-то? — вдруг улыбнулась Яся. — Это она скорее его сожрет. Сильнейший аэромант Мозыря, между прочим — доктор магических наук — это в свои тридцать два! Не замужем, кстати… Она на этого Варгана сразу глаз положила, м?

— Ой-ёй-ёй, — всплеснул руками я. — Что же это будет?

— Что бы ни было — у уруков совершеннолетие в шестнадцать наступает, — пожала плечами Яся. — Сиди тихо, не дергайся, я сейчас ссадины обработаю… Нет, ну подумать только — учитель, интеллигент, а оркам морды бьет!

— Я бы его охренительно уделал! — заорал Варган. — Правила бокса меня ограничили! Давай без правил в следующий раз, Пепеляев!

— ОН ИДИОТ! — добродушно заметил дракон. — ВООБЩЕ НЕ ВРУБАЕТСЯ.

Похоже, ему Варган тоже понравился, как и Кларе.

— Конечно уделал бы, — откликнулся я. — Ты крутой боец! Просто выдержки нет, ломишься вперед как лось!

— Эй, почему — лось? — возмутился урук. — Лось — травоядный! А я хищник! Я мощный, охренительно свирепый!

— Потому что у лосей бывает гон, — откликнулся Барбакан и дал своему клыкастому подопечному легкий подзатыльник, от которого у Варгана начали косить глаза. — У тебя тоже бывает гон. Постоянно. Гонишь и гонишь!

Наконец, с травмами более-менее разобрались, я снова переоделся в костюм и стал похож на человека.

Яся чмокнула меня в щеку и сказала:

— Ну, я буду вызывать такси. Надо домой, а то дед волноваться будет. Не в том плане что за меня — волноваться, а В смысле утро уже почти, а ему таблетки пить надо, опять перепутает всё… — а потом наклонилась и в самое ухо мне прошептала: — Ты не обижайся, что я тебя к себе не зову. У меня там такой бардак… Да и дед еще… Но ты — крутой. Мне с тобой понравилось… И мы классно провели время, да?

— Еще встретимся? — спросил я. — Когда?

— Ага! — сказала она. — Встретимся. Если ты опять не потеряешь визитку.

— А зачем мне визитка? — усмехнулся я. — Три восемь шесть тридцать двадцать. Код — две пятерки. Правильно?

— Ну ты и засранец, Пепеляев! — рассмеялась она. — Что — наизусть запомнил? Звони, звони обязательно. И не думай слишком много — у тебя от этого выражение лица как у кретина!

А потом за Вишневецкой приехало такси, она послала мне воздушный поцелуй и уехала. Без долгих прощаний.

— НАША ДЕВОЧКА! — прокомментировал дракон, когда мы провожали взглядом отъезжающий электрокар.

А я, наконец, сунул руку в карман пиджака, достал телефон — и громко выматерился. Двенадцать пропущенных и все — от Риковича! Нет, ну что за дерьмо-то?!

Словно в ответ на мои мысли над головой загудело и с небес на землю, в сиянии прожекторов и гуле двигателей стал опускаться конвертоплан с опричными символами на борту… Похоже — работа нашла меня даже здесь…

* * *

22. Идиосинкразия

Сверху, с высоты птичьего полета, я увидел в россыпь ярких огней у темной ленты реки, за границами города.

Гомельский пожарный кадетский корпус, единственный своего рода в Великом Княжестве, был окружен войсками. Опричниками! Блокпосты на дорогах, плотное оцепление из тяжеловооруженных великанов в черных высокотехнологичных доспехах, бронетехника в окружающих учебное заведение лесопосадках и полях, конвертопланы в воздухе… И маги.

Рикович встретил меня на футбольном газоне, ухватил за локоть и потащил мимо вояк, деловито снаряжающих оружие, гудящих двигателями броневиков и танков, суетливых милицейских регулировщиков… Управляемый хаос — то, что обычно и называется «войсковой операцией», или чем-то еще, в этом роде.

Маги устроили что-то вроде штаба на стадионе кадетского корпуса, в большой армейской палатке, недалеко от берега реки Сож. В основном это были аристократы, представители мощнейших семей Полесья: Козелл-Поклевские, Солтаны, Горватты, Ходкевичи, Сапеги, Волк-Ланевские… И Радзивиллы. А точнее — Кшиштоф Радзивилл со своим верным боевым свинтусом — Жевуским. Этот сверлил меня своими глазенками так яростно, что у меня в туловище точно образовалась бы дыра, будь он телекинетиком и не будь я нулевкой.

Присутствовали в штабе и опричники — незнакомые мне офицеры-маги, в черных мундирах с соответствующими шевронами. Естественно: двуглавый орел, собачья голова и метла. И Рикович во главе всего этого бардака. Нет, конечно во главе всего этого бардака находился командир опричного Белорусского полка князь Игнатий Чарторыйский — представитель одной из древнейших ветвей рода Гедиминовичей, второй по знатности династии в Государстве Российском после Рюриковичей. Его герб — «Погоня», красовался на наплечниках всех опричников. На правом — двуглавый орел, на левом — погоня. Оксюморон!

Но сам князь, будучи боевым генералом, отдал реальные бразды правления Риковичу, как специалисту в деликатных операциях.

— Это Инлун, — сходу заявил мне Иван Иванович, едва мы прибыли в штаб. — Если хочешь простыми словами — китайский дракон. Я вообще не знал что у них там еще выжили драконы! За каким чертом, и каким-таким дерьмовым чудом он добрался сюда я тоже не знаю, но понимаешь… Когда Инлун Ао-Джун заявился

сюда в истинном облике — охрана мало что смогла ему противопоставить… Теперь эта сволочь захватила в заложники двести пятьдесят пацанов — кадетов и требует тебя на переговоры. Есть пострадавшие. Мы думаем, это как-то связано с тем, что ты убил Малюту…

— Если быть честным — я не то чтобы прям его убил… — поднял вверх ладони я.

Захватил пацанов? Есть пострадавшие? За каким бесом какой-то китаец, будь он хоть трижды дракон, захватил наших, полесских пацанов? Это какой скотиной нужно быть вообще?! У меня внутри все кипело и бурлило, если честно. Я был готов пойти и размозжить ему всю голову, или хотя бы наплевать в его рожу, если размозжить ничего не получится. Но виду не подавал. Самообладание — наше всё. Правда желваки на челюстях гуляли — но этого под бородой видно не было. Хорошая вещь — борода!

— Это мы знаем, это ты знаешь, это Малюта, земля ему… Царстве ему… А-хм! — Иван Иванович явно замялся, пытаясь подобрать пожелание покойному дракону. — В общем — Инлун этого не знает! Он думает — ты убил его в честном бою. Может быть — хочет отомстить за дальнего родственника, может еще какие-то драконские заморочки… Черт их разберет, мы триста лет в России драконов не видели, Малюта-то наш, то бишь Григорий свет- Лукьянович, чтоб его Скуратов-Бельский, все больше по Хтоням прятался, и, говорят от Амура до Каракум шорох наводил, но это так — вилами по воде, никаких видеоподтверждений… Так, стоп!

До Риковича, похоже, дошло, что он сейчас по сути описал хтоническую границу между Необъятной и Поднебесной. Это что-то да значило, в конце концов — Ао-Джун — это ведь Западное море, озеро Циньхай!

— Однако! — только и смог сказать я. — И что с этой скотиной делать?

Для меня-то все было очевидно. Восточный гад напал на наших детей. Решил использовать их в каких угодно своих игрищах. На этом — точка. Повинен смерти!

Но эти важные господа могли иметь свою точку зрения на этот вопрос. Которая скорее всего будет отличаться от моей. Это по большому счету ничего не меняло — я все равно убью этого Инлуна… Просто — потом.

Маги смотрели на меня каждый по-своему. Жевуский — с ненавистью, большая часть аристократов — со скукой, опричники — заинтересованно. Князь Чарторыйский поднялся со своего кресла, подошел ко мне и оглядел с головы до ног. Он был высок, выше меня на полголовы, с седой шевелюрой, небольшими

залысинами и старомодными бакенбардами. Поверх черного мундира Игнатий Адамович носил волчью доху, теплую и объемную.

— Это ты — Пепеляев-Горинович? — его красивое, но уже подверженное влиянию возраста лицо скривилось в брезгливой гримасе. — Нулевка… Что ж… Говорят, из нулевок вышло больше всего убийц драконов. Может быть, и у тебя что-то получится. С паршивой овцы, как говорится… В конце концов, если помрешь — невелика потеря. Мы так или иначе убьем его.

Я чувствовал лютое жжение в груди, у меня перед глазами плясали языки пламени, а зубы заскрипели.

— ТЫ ПОБАЧЬ ЯКОЕ БЫДЛО?!! — неистовствовал дракон. — КУРВА ЯСНОВЕЛЬМОЖНАЯ, ПСЯ КРЕВ ШЛЯХЕТНАЯ! УБИВАТЬ ОН ДРАКОНА ВЗДУМАЛ! ДА КЕМ ОН СЕБЯ ВОЗОМНИЛ?! КРОВИ! МАГНАТСКОЙ КРОВУШКИ ХОЧУ! ЖАРЕНОГО ПАНСКОГО МЯСЦА!!!

— Рикович, — сказал Чарторыйский, повернувшись ко мне спиной. — Чем бы не закончилось это дело — я заберу этого человека. Займусь им.

Он щелкнул пальцами в мою сторону.

— Я земский мещанин, — выплюнул из себя слова я. — Вы — аристократ. Будете забирать своих холопов из юридики или оловянных солдатиков из опричнины. Здесь — земщина. Гомель — земский город. Ордер на арест, милиция, суд — и забирайте хоть к черту на рога.

— Мещани-и-и-ин? — он был несказанно удивлен.

А я врубился, почему отец так распорядился своей жизнью. Будучи мелкопоместным или даже — безземельным дворянином, ему пришлось бы выбирать между судьбой клиента-вассала кого-то из магнатов — того же Чарторыйского, Радзивиллов или, например, Солтанов, и — чередой бесконечных дуэлей с неизбежным концом. Прискорбным для моего родителя. Свободный род — звучит красиво, но по факту их на просторах Государства Российского было исчезающе мало. Крупные кланы давно распилили все юридики под себя.

— Оставьте это, Игнатий Адамович! — Рикович плохо скрывал раздражение. — Двести человек, кадетов, государевых людей! Право слово, невместно сейчас…

— Делай что считаешь нужным, сыскарь, — Чарторыйский снова рухнул в свое кресло.

Это было что-то новенькое для меня. Похоже, Иван Иванович был куда более важной птицей, чем я думал поначалу… Я-то считал его кем-то вроде следователя по особо важным делам, а оно вона как — на равных с целым командиром опричного полка

говорит!

Рикович меж тем наклонился, вытащил из-под стола уже знакомый мне футляр, поставил его на стол и открыл двумя сухими щелчками. И я увидел трость. Копье. Оружие убийцы драконов. Самого известного из всех…

— Давай, Георгий Серафимыч, — вздохнул Иван Иванович. — Пойди туда и узнай, чего хочет эта сволочь. Если сможешь — уговори его отпустить детей. Если нет — попробуй убить. Если не получится… Хм! Я очень хочу, чтобы получилось. Вышло же у тебя все с Мартышкой, а?

Я внимательно посмотрел сначала на Чарторыйского, а потом — на Риковича.

— Если я уговорю его… Пожалуйста, дайте мне хотя бы несколько минут. Я так понимаю — когда все эти сильномогучие господа жахнут разом, то мне мало поможет тот факт, что я нулевка.

— Трусишь? — прогундосил Жевуский. — Сын Серафима Пепеляева-Гориновича испугался?

— Однако, давно с лестницы не летал? — откликнулся я, и головы всех магов мигом повернулись в сторону толстяка. — Я жить люблю. И действительно собираюсь попробовать прикончить гада, если он в человеческом обличье… Не представляю, как подберусь к нему, если он обернется в реального Инлуна… В этом случае — мне нужно будет время чтобы попробовать убраться оттуда. Чтобы меня просто не завалило обломками учебного корпуса.

— ТЫ ЗНАЕШЬ КАК МЫ МОЖЕМ ПОСТУПИТЬ! — напомнил дракон. — ТЫ МОЛОД И СИЛЕН, А АО-ДЖУНУ — СОТНИ ЛЕТ, НО ЭТО ДАЛЕКО НЕ ВСЕГДА — ПРЕИМУЩЕСТВО… НЕ ЗДЕСЬ, НЕ НА ЭТОЙ ЗЕМЛЕ.

Но спалиться перед всем этим цветом местного магического рыцарства мне категорически не хотелось. Вон, Чарторыйский и так на меня облизывается и думает, как бы меня сожрать… И чем я ему не угодил? Бывают же такие люди дрянные… А если окажется, что я — Сущность, а не земский мещанин, то все мои слова о юрисдикции станут пшиком. Пустым сотрясанием воздуха. И он до меня доберется. А потом я доберусь до него — и вот тогда-то конец придет моей относительно спокойной двойной жизни и всей моей работе…

Я взял в руки трость и крутанул ее в руках. Удобная, все-таки, штука…

— Этот Инлун — он по-русски хоть понимает? — спросил я.

— Он же дракон! — посмотрел на меня как на идиота Рикович. — Он на любом языке понимает!

И только тут до меня дошло, что я свободно разумел кхазадский шпракх, орочье черное наречие и, кажется, эльфийский ламбе. Даже словечки вворачивал при случае! И вот даже про Ао-Джуна тут же понял, что он с Цинхая! А никакого мандаринского диалекта, шпракха и ламбе я и не учил ведь никогда!

— ХО-ХО! — злорадствовал дракон. — МАЛО ПО МАЛУ Я СТАНОВЛЮСЬ ТОБОЙ, А ТЫ — МНОЙ! КАК И ДОЛЖНО БЫТЬ!

— Значит, план такой, — Рикович запустил себе пальцы в волосы. — Если уговоришь его отпустить детей и окажется, что ты зачем-то нужен ему лично, не для немедленного убийства — мы дадим тебе десять минут. Попробуй из него что-то вытянуть… Попробуй вывести его на крышу! И расскажи Инлуну о том, кого тут видел. Какие силы, каких магов… Он должен понимать, что если будет рыпаться и попытается устроить кровавую баню — ему придет конец. Государь в курсе, стратосферники в небе. Если совокупной мощи всех этих благородных господ не хватит — по учебному корпусу прилетит столько гиперзвуковых ракет, сколько будет нужно для того, чтобы от Сущности остались одни атомы…

— Хватит, — отмахнулся Чарторыйский, и я видел, что маги поддерживают его точку зрения. — Но ладно — пусть будет десять минут на попытку уговорить его, отпустить кадетов, и еще десять — на потрепаться. Если он не согласиться компенсировать нам вторжение на территорию Государства Российского и убраться по кратчайшей траектории прочь из пределов богохранимого отечества — мы убьем его.

— Компенсировать? — удивился я.

— Он знает, что может нам предложить, — князь Игнатий ощерился.

— РОГ ИНЛУНА. В ЕВРОПЕ ВСЕМ НУЖНА КРОВЬ ДРАКОНА И ЕГО ЗУБЫ, В АЗИИ — РОГ, — прокомментировал дракон. — НАС ПЫТАЮТСЯ ТУТ КОНКРЕТНО ПОДСТАВИТЬ, СООБРАЖАЕШЬ?

— Соображаю, — сказал вслух я. — Я вижу, что вы пытаетесь сыграть меня в темную. Но знаете… Пока там эти пацаны — можете продолжать делать это дерьмо. Да, да, я поведусь. И попробую договориться. Считайте, что нащупали мое слабое место. Я пошел!

У меня форменным образом случилось дежавю. Костюм, штиблеты, тросточка. Дорожка. Чудовище неизвестное и страшное впереди… Разница только в том, что для Мартышки я подобрал ключик, там все было очевидно. Большой и толстый мужик ей был нужен, вот и все. А тут — какой-то китаец…

Ну да, Китая тут как такового не было, но географическое

понятие «Поднебесная» — существовало. Уже несколько столетий Поднебесная была разделена между тремя или, если угодно, четырьмя центрами силы. Цин — государство чжурчжэней — если грубо говорить — Маньчжурия, на северо-востоке, было самым крупным по площади, но сравнительно малонаселенным. Цин среди китайских государств превосходило по населению лишь даосский Тибет, славный не многолюдством, а мощными колдунами-даосами. Густонаселенные и плодородные земли прибрежного юга Поднебесной занимала держава Сун со столицей в Нанкине, которая на данный момент была по большому счету распилена на сферы влияния Авалонских, Арагонских и Галльских кланов и корпораций. Собственно Китай, который можно было назвать Китаем — центральная его часть, Хоухань, занимал едва ли не четверть территории Поднебесной, хотя и был наиболее стабильным, крепким и самодостаточным из всех четырех царств…

Там в политике черт ногу сломит, а тут — ожившая мифология! Что я знал о китайских драконах? Ну. они, в отличе от европейских, например прочно ассоциировались со стихией воды. И имели вид скорее не ящеров, а неких усатых-волосатых зверей… Да и все в общем-то.

— МНЯТ СЕБЯ ХРАНИТЕЛЯМИ БАЛАНСА, КАК И НАШИ С ТОБОЙ РОДСТВЕННИЧКИ, — прокомментировал дракон. — НА САМОМ ДЕЛЕ КСЕНОФОБЫ И РАСИСТЫ. ДЛЯ НИХ БАЛАНС — ЭТО ЕДИНЫЙ КИТАЙ, САМЫЙ МОГУЧИЙ В МИРЕ, И КАКИЕ-ТО ВАРВАРЫ СЕМИ СТОРОН СВЕТА ВОКРУГ. ДЛИННОНОСЫЕ ДИКАРИ!

— Да что не так с носом-то? — возмутился я и снова потрогал себя за переносицу. — Нормальный нос!

Кроме того, что вместо хтонической Марты Крышкиной меня ждал некий Инлун Ао-Джун, и в заложниках вместо офицеров у него томились мальчишки-кадеты, имелись и еще кое-какие отличия.

Все-таки вокруг меня был не темный и дремучий лясковический лес, а очень, очень цивильный кампус. Или как это назвать? Закрытая территория Кадетского корпуса, где обучали юных спасателей-пожарных, была благоустроена, вычищена и вылизана на десять баллов. Дорожки из плиточки, ровненькие газоны, отличные спортивные снаряды, туи, сумаки, ивы и ели, высаженные в идеальном порядке. Учебные, спортивные и жилые корпуса — в идеальном состоянии, оштукатуренные, окрашенные, чисто — санаторий а не специальное учебное заведение! Все-таки Государь о своих людях заботился… Просто — отдай свою свободу, и получи максимальную заботу и обеспечение, и цель на

всю жизнь. Которую потом тоже, возможно, придется отдать… Или не потом — а прямо сейчас.

— Дракон! Открывай! Георгий пришел, — постучал я в дверь трехэтажного учебного корпуса набалдашником трости.

Внутри раздался гул голосов, а потом с самой крыши удивленный громоподобный рык:

— Убийца драконов? Действительно? Они выполнили мое условие? Я думал, сайя не сдержат слово… Однако — рыжий маоцзы привез тебя так быстро…

— Давай, Ао-Джун, — я снова постучал тростью в дверь. — Выпусти мальчиков, и мы поговорим. Я уже тут, никуда не денусь!

— Мальчиков? — они был удивлен. — Ты хочешь чтобы я их отпустил?

— Ну, ты ведь взял их в плен, чтобы приманить меня, да? Знал, что я куплюсь… — другого варианта у меня не было.

— О, да. Тут очень удобное место — река рядом, город в стороне… И дети. Мне донесли, что ты любишь детей.

Я едва не подавился — не к месту вспомнил совершенно тупой анекдот про педагога и… И второго персонажа.

— Я вот думаю, — голос раздавался точно с крыши! — Что будет, если я скажу тебе убить самого себя? А если не сделаешь это — то стану убивать по одному мальчику каждые десять секунд.

Мои зубы страшно заскрипели, кровь прилила к лицу.

— ТОГДА НЕСМОТРЯ НА ИХ СМЕРТИ Я ПОДНИМУСЬ И ПРИКОНЧУ ТЕБЯ, СКОТИНА!!! — наши три голоса — мой, дракона и здешнего Гоши слились в свирепое трио.

— Ого! — сказал Инлун. — Так ты вошел в силу, убийца? Прикончил еще одного дракона после того как лаовай Малюта принял смерть от твоей руки? Ну-ну. Давай, поднимайся ко мне. И можешь выпускать этих маленьких сайя. Если я захочу — то убью любого из них даже на расстоянии…

Дверь передо мной распахнулась. Я шагнул внутрь — и первое, что увидел — это толпу ребят в форменных кремовых гимнастерках, которые сидели на полу холла и смотрели на меня во все глаза. Многие из них имели травмы — синяки, ссадины, кто-то баюкал руку, другой — берег ногу…

— Здорово, хлопцы! — я махнул им рукой. — Моя фамилия — Пепеляев. Рядовой собственного его высочества Феодора Иоанновича особого Поискового батальона. По совместительству — консультант Сыскного приказа. Слушай мою команду! Встать! Равняйсь! Смир-рно! На выход по одному, шагом-марш!

Почему я не представился по имени-отчеству и основной

профессии? Потому что это были кадеты, а не олухи-девятиклашки из средней школы номер шесть города Вышемира! Несколько десятков стриженых пацанов в одинаковых гимнастерках и черных штанах с красными лампасами мигом вскочили, поддерживая пострадавших.

— На стадион — бегом, бегом! — рыкнул я, и пацанье рвануло прочь из учебного корпуса, утаскивая за собой тех, кто не мог идти.

Организованно, не толкаясь! Я медленно выдохнул: что-то начало получаться. Что-то уже получилось!

* * *

23. Гиперкомпенсация

Инлун не знал, что уже подписал себе приговор. Я решил, что пойду на что угодно, только бы прекратить его земное существование… Почему? Потому что четыре пацана в окровавленных гимнастерках несли вниз по лестнице парня в одеяле. Одеяло служило носилками, идти он сам не мог — руки и ноги у него были переломаны. Но кадет дышал, это точно!

— Это он сделал? — спросил я и ткнул пальцем вверх.

— Он, — шмыгнул разбитым носом белобрысый парнишка с лычками на погонах. — В самом начале. Орал, мол, не шутит! Он же страшный как сволочь, какие шутки?

Видно было, что мальчишки держались из последних сил, но — держались! Все-таки хорошо их тут растят, в кадетском корпусе… Настоящие мужики! Обязательно прослежу, чтобы этому, в одеяле, помогли как полагается, подлечили, или там — протезы, не хуже чем у тех идиотов из Мозыря… Хотя — без сопливых разберутся. С этим тут железно! Он ведь кадет, то есть — на государевой службе. Пострадал во время учебных занятий, то есть — исполняя служебный долг! Государь позаботится.

А я позабочусь о китайской скотине.

Я ничего не имею против китайцев. Наоборот — вполне положительно к ним отношусь, знаком лично со многими и считаю людьми беспроблемными и в целом положительными. Был опыт общения: жил с ними в общежитии, по студенчеству, на одном этаже, и помогал хорошему парню по имени Сяосюй с курсовой по русской филологии. Китайцы — народ вменяемый, главное — в дебри национальной кухни не лезть.

А вот скотины — это другое дело. Против скотин всех национальностей, которые считают, что можно сломать руку ребенку для того, чтобы доказать серьезность своих намерений я очень много чего имею! Внутри меня кипела злоба — черная, лютая. Такая же, как в туалете Дома культуры.

За десять минут я обошел все этажи учебного корпуса и убедился, что никого не осталось. В аудиториях было пусто, мебель находилась в беспорядке, оконные стекла потрескались или и вовсе — вылетели, на полу валялся мусор… Еще бы, после произошедшего! Но все равно — оснащение и отделка тут на порядок превосходили все, что я видал в земских школах Вышемира. И белая педагогическая зависть колыхнулась где-то на задворках сознания: хорошо жили кадеты А потом — черная ненависть к уроду, который все это испортил!

— Я узнал что у меня есть огромная семья! — бормотал я,

карабкаясь по крашеной металлической лестнице к люку на крышу. Штиблеты скользили на перекладинах, трость в левой руке откровенно мешала. — И тропинка, и лесок, в поле — каждый колосок…

— Что ты там бормочешь? — он стоял у самой кромки люка и пялился на меня.

Он был похож на Шан Тсунга из «Мортал Комбата», ей-Богу. То бишь — на Хироюки Тагава в его роли. Самого Тагаву я дико уважаю, правильный мужик. А вот персонаж — противный. И этот был такой же: алые шаровары, позолоченные черные сапожки с загнутыми носами, какой-то дебильный кожаный лапсердак с полами до колен, с наплечниками и стоячим воротником, скуластое злое лицо и негодяйский разлет бровей — чистая карикатура! Еще и черные волосы за спиной развеваются…

— Это Родина моя, всех люблю на свете я! — откликнулся я, добрым словом поминая Владимира Орлова и Данилу Багрова.

— А?

— Бэ! — не откладывая дел в долгий ящик, я перехватил трость в правую руку и, распрямляясь, чтобы максимально усилить удар, врезал набалдашником вверх, прямо по драконьим яйцам!

— Йа-а-а-ау!!! — заорал Шан Тсунг, а точнее — Ао-Джун, и ускакал на пятках куда-то по крыше.

Я сам в некотором роде дракон, и поэтому прекрасно знал, что слабости человеческого тела нам присущи. «Дракон подлечит?» Подлечит! Но на это надо время! А его я давать этой скотине не собирался. Со всей возможной прытью я выскочил из люка и помчался за драконом, и настиг его у какой-то надстройки, сплошь утыканной антеннами.

Вместо скуластой восточной физиономии уже начали проявляться звероящерные черты, но из-за дикой боли в тестикулах Инлун никак не мог обратиться полностью, и продолжал отступать — и я использовал это для того, чтобы воткнуть ему наконечник трости в задницу. А точнее — в левую ягодицу.

Главные герои и черные властелины часто допускают одну и ту же ошибку: начинают точить лясы со своим антиподом. Скотина он, детей обижает! Какая разница, что ему от меня нужно, что он хочет предложить и за какой-такой баланс борется? Дерьмо это, а не баланс, если из-за него надо ноги мальчикам ломать! Может там по каким-то драконским и дарконоубивческим правилам нужно было станцевать и спеть перед поединком, но мне на это было наплевать. В моей жизни было не так много принципиальных правил, но одно я соблюдал

неукоснительно: руки прочь от детей!

И да, ребенка ударить можно, обидеть нельзя, как говорил Макаренко. Дружеская затрещина или заслуженный щелбан легко переносятся пацаном, если все это происходит вдали от девичьих глаз и не несет на себе мерзкого отпечатка учительского самоутверждения и доминирования. Вспомните себя — что легче переносится и быстрее усваивается: щелбан или многоминутная нудная отповедь? Конечно, я не имею в виду девочек. Девочек вообще бить нельзя, разве что если она потеряла всякий человеческий облик и, например, пьяная с ножом кидается…

Ао-Джун девочкой не был, и облик человеческий терял весьма стремительно. Он рухнул ничком и корчился на рубероиде крыши, меняя свои формы ежесекундно и очевидно испытывая ужасные страдания. И орал как сумасшедший:

— ОТПУСТИ, ВЫНИМИ! УБЕРИ ЭТО ОТ МЕНЯ! Я ПРИШЕЛ С МИРОМ! Я ПРИШЕЛ СКАЗАТЬ ТЕБЕ, УБИЙЦА, ЧТО ДРАКОН ЯВИЛСЯ! У САЙЯ ПОЯВИЛСЯ НОВЫЙ ДРАКОН! ОН БЛИЗКО, ЗДЕСЬ, БЛИЗКО! ДАВАЙ НАЙДЕМ ЕГО И УБЬЕМ, ТОЛЬКО ПЕРЕСТАНЬ, ПЕРЕСТАНЬ! УБЕРИ ЭТО ОТ МЕНЯ!

Вот тут я знатно удивился. Выходит, он что, не знал, что я и есть дракон? Он думал — я убийца драконов, просто какой-то солдат-нулевка, который прикончил Малюту? Вот это номер! Получается, что это не просто обозначение, а конкретное название некой категории персонажей — Убийца Драконов? Он ведь еще говорил что-то о том, что я «вошел в силу»…

Наверное, я отвлекся, потому что Инлун рванулся, раздирая мякоть бедра со страшной силой, и освободился. Его фигура стремительно меняла форму, постепенно превращаясь в хорошо знакомого всем землянам, распиаренного в СМИ, монстра. Длинное, метра в три, синее тело — с крыльями, страшная бровастая мохнатая морда с выпученными глазами, длинными усами и пастью, полной острых зубов, гибкий хвост… Из него хлестала кровь — почему-то из хвоста, а не из задней лапы. Рана от Копья проявилась именно так, и не желала заживать.

А я не желал отпускать чудище. Размахнувшись, нанес еще один удар в хвост, у самого кончика — и пригвоздил Инлуна к крыше. Все было легко. Слишком легко! Или — сработал эффект неожиданности?

— ПОГОДИ, ПОСТОЙ! — я не знаю на каком языке говорил зверощер, кажется, его пасть даже не раскрывалась. — УБИЙЦА… ТЫ НЕ УБИЙЦА! НЕ СТОЛЬКО… НЕ ТОЛЬКО! ТЫ И ЕСТЬ НОВЫЙ ДРАКОН САЙЯ! БРАТ! ТЫ БРАТ МНЕ! МАЛЮТА УСПЕЛ! У САЙЯ ИЗ ЭЛУОСИ ЕСТЬ СВОЙ ДРАКОН!

Похоже, глаза мои горели драконским огнем — и это меня

выдало. Он понял. Да и плевать, дело было решенное.

— ИДИОТ! — констатировали мы. — НЕ ВАЖНО, ЧЕГО ТЫ ХОЧЕШЬ. НЕ ВАЖНО КТО ТЫ. НЕ ВАЖНО, КТО Я. ВАЖНО, ЧТО ТЫ ПРИШЕЛ В НАШ ДОМ И ОБИДЕЛ НАШИХ ДЕТЕЙ. КАКОЙ ТЫ, К БЕСАМ, БРАТ? ДЕРЬМО ТЫ, А НЕ БРАТ, ТЕБЯ БЫ В МАТЬ ОБРАТНО ЗАПИХАТЬ И ПЕРЕТРАХАТЬ НА ЧТО-ТО ПУТНОЕ…

Это уже точно были драконовские заходы, я-то так не выражался! И откуда Горыныч нахватался? Может — от Гоши? А тот — от кхазадов? Или — от уруков? Так или иначе — я выдернул копье из хвоста Ао-Джуна и шагнул вперед, намереваясь покончить с ним, но чертов Инлун вдруг взмахнул крыльями — и воспарил в небеса! Откуда у него бесовы крылья? Китайские драконы же, вроде как, такой детали лишены? Или — нет?

Кровь хлестала ручьем с его израненного хвоста, монстра мотало из стороны в сторону — но он мало-помалу поднимался вверх, в ночное небо, которое стремительно заволакивало грозовыми тучами. Гроза — осенью? Что за черт?

— ДАЙ, ДАЙ МНЕ ДОГНАТЬ ЕГО! — ревел дракон.

— Идиот! — огрызнулся я, игнорируя жар в спине, между лопатками и зуд по всему телу.

Какое — догнать? В небе вились конвертопланы, на стадионе дежурила целая банда сильнейших магов, которые…

— Ох, мать! — это было похоже на действие римских свечей, только — в пятьсот, тысячу, пять тысяч раз мощнее.

Маги ударили. Их удар заставил небо окраситься во все цвета радуги, сноп искр и колдовского пламени ринулся в сторону засверкавшего вдруг призрачными отблесками Ао-Джуна. Инлун издал дикий рев, совсем непохожий на те вопли, что он исторгал из себя получив набалдашником по тестикулам или острием в афедрон… Рев этот, кажется, был мало того что видимым, но еще и осязаемым: звуковая волна столкнулась с магическими снарядами и они зависли в воздухе, точно как пули в фильме «Матрица».

Новый крик китайского дракона заставил небеса содрогнуться: тучи исторгли из себя плотные, тугие струи воды, которые ударили в землю со страшной силой. Грянул гром, засверкали молнии — это осенью-то!

— ИНЛУН, — фыркнул дракон. — ПОГОДНИК. ДАВАЙ ПОЛЕТИМ И СОЖЖЕМ ЕГО К БЕСАМ?

Ао-Джун завис метрах в пятидесяти от меня, медленно двигаясь в сторону стадиона. И кровь продолжала капать с его хвоста, и там, где она попадала на землю — живую, не покрытую асфальтом, там расцветали пионы. Быстро, чертовски быстро они

прорастали и обзаводились листьями, бутонами и соцветиями… А с неба ударили молнии — туда, в стадион. В шатер, где собрался магический генштаб!

Если бы не история с пострадавшими пацанами — я бы ей-Богу сел тут на поребрике и стал бы плевать на землю с крыши и рассматривать, как жаба имеет гадюку. Мне что Инлун Китайский, что Игнатий Чарторыйский — все измеряется аксиомой Эскобара. Но — дети…

И чертовы конвертопланы явно ушли вверх, за линию грозовых облаков! Черта с два теперь ракеты «воздух-воздух» смогут поставить точку в этом вопросе…

Штаб, кстати, в целом не пострадал. Сияющая защитная полусфера раскрылась мгновенно, и молнии с небес били в нее одна за другой. Грохот стоял несусветный, грунт на стадионе расплавился до состояния жидкого стекла, маги и высунуться не могли, а дракон — он парил на одном месте, медленно размахивая крыльями и орошая кровью территорию Кадетского корпуса. Его движения становились все более вялыми, но и защита магов, кажется, истончалась…

— Это передача сдохни или умри! — сказал я и взвесил в своей руки трость.

Совершенно не приспособленный для метания предмет. Да? А какая разница?

Я мигом отбежал к противоположному краю и, чувствуя себя паралимпийским чемпионом, размахнулся тростью и рванул вперед. Это только на вид — трость! А в душе она — спикулум! Метательное копье римских легионеров! Я бежал быстро, и крыша закончилась моментально, но замах вышел отличный, я швырнул свое оружие так, что аж мышцы загудели, а в плечевом суставе что-то хрустнуло.

Утробный звук втыкания металла в мясо на самую капельку опередил оглушительный раскат грома, который разорвал небеса.

* * *

Ей-Богу, они делили тушу убитого МНОЙ дракона! Вся эта шайка-лейка во главе с Чарторыйским чисто как Леонов в фильме про полосатый рейс тыкали в тушу звероящера и обсуждали полезные штуки, которые можно было бы извлечь из бренного тела убиенного китайца. Эскалоп там, лангет, щековину, рога и копыта…

Они и вправду считали, что прикончили его сами.

— Позвольте, господа… — довольно по-хамски я растолкал

опричников, аристократов и прочих великих и могучих волшебников, подошел к туше Инлуна, перевернул его на другой бок и, бесцеремонно сунув руку в рану, за набалдашник вытянул из нее трость.

Бросок и вправду получился отменный. Пробило почти насквозь! Я сам себе удивлялся… А маги тоже удивлялись: когда я распрямился, держа в окровавленных руках трость, выражения лиц волшебников были весьма красноречивы. Особенно — Чарторыйского.

— Я думаю, доходов с продажи ингредиентов хватит, чтобы привести тут все в порядок? — я прочертил набалдашником трости круг в воздухе, имея в виду Кадетский корпус.

Брызги крови разлетелись во все стороны, и кое-кто тут же начал вытираться. Рикович появился как из-под земли и потащил меня прочь, стальной хваткой вцепившись в мой локоть и рыча:

— Умеешь же ты наживать себе вр-р-рагов, Геор-р-ргий Серрафимович!

— Оно само, — пожал плечами я на ходу. — Копье опять заберешь, или мне его ближе к телу держать? Вон сколько чудишь кругом развелось! И вообще — ты куда меня тащишь? Мне — к детям!

— На кой хрен? — удивился он.

— Убедиться что у них все в порядке, — набычился я.

— Да нормально там все, семь экипажей «скорой», спасатели со всего Гомеля съехались, опричники опять же… Давай тебя домой завезем?

— Сначала к пацанам — потом домой, — надеюсь, мой тон был достаточно безапелляционным.

Я посмотрел на свои ладони и рукава: драконья кровь уже засохла, застыла бурой коркой. Однако, руки по локоть в крови — теперь никакой не эвфемизм! Водятся ли в земщине химчистки, которые отстирывают драконью кровь? Или мне нужно искать специалиста на стороне?

— А еще мне до понедельника нужен новый пиджак… — начал я, но был самым беспардонным образом прерван.

— Посмотрите в камеру, пожалуйста! — раздался женский голос, мы с Риковичем синхронно повернули головы и поймали прямо в лица серию фотовспышек.

Проморгавшись, я увидел красивую смуглую молодую женщину — лет тридцати, жгучую кудрявую брюнетку. На ее журналистском бейдже значилось: «Pervyj Chernomorskij telekanal», а вокруг головы вились дроны. В земщине такое не каждый день увидишь!

— Рошаль! — заскрипел зубами Рикович. Он, видимо, уже

был знаком с кудрявой теледивой. — Кто вас сюда допустил?

— Маргарита! — раздался за нашими спинами бархатный голос Игнатия Чарторыйского. — Ну что же вы? Пропустите, пропустите прессу!

Уже двигаясь к машинам скорой помощи, где медики суетились над травмированными кадетами, мы слышали, как князь и командир Белорусского опричного полка заливался соловьем перед симпатичной журналисткой, рассказывая о слаженной операции силовых структур по ликвидации опасного магического хоуханьского террориста, который находился в международном розыске…

— … полное понимание с хоуханьскими коллегами… — вещал он.

— А за каким бесом журналистка Первого Черноморского приперлась в нашу сонную провинцию? — поинтересовался я.

— А за каким бесом в вашу сонную провинцию приперся заместитель главы Сыскного приказа? — вернул мне интонацию Рикович. — В тихом омуте черти водятся — это, кажется, именно про Полесье придумали!

— Однако! — только и смог сказать я.

Заместитель главы Сыскного приказа? Это что — рыжий сыскарь работает кем-то типа замдиректора ФБР, если по американским меркам старушки Земли? Или там — зампред Следственного Комитета Республики Беларусь? Как говорил один мой знакомый старый журналист: листья дубовые падают с ясеня, вот нихрена себе так нихрена себе! Это что за тихие ужасы тут у нас, в нашем омуте, планируются, и что за черти завелись?

— Кстати, — усмехнулся сударь Большая Шишка открывая передо мной дверь своего внедорожника. — Как-то лихо ты его одолел, этого дракона.

— В каком смысле? — удивился я. — Не лихо, а внезапно. Эффект неожиданности! Я сразу врезал ему набалдашником по яйцам, а потом проткнул ему всю задницу. Если бы не напал первым — Инлун точно сожрал бы меня, и никакой магии бы ему не потребовалось… Ты его вообще видел? Трехметровая усатая сволочь! Страшный, как тысяча чертей!

— А? — он больше не усмехался. — А переговоры? Ты же интеллигент! Я думал — вы не договорились, и…

— Один… Хм! Один известный высокопоставленный опричник — тоже, кстати, интеллигент, как-то сказал, что террористов надо мочить в сортирах, а не вести с ними переговоры. Этот летучий подонок мордовал детей, понимаешь? — у меня снова на скулах заиграли желваки. — Можешь считать — это мой пунктик.

— Проткнул задницу, мочить в сортирах… Знаешь, я точно сведу тебя с Бабаем Сарханом. Выпьете кофе, пообщаетесь… Уверен, у вас будет много тем для разговора. Мне иногда кажется, что вы с ним из одной деревни, — взгляд рыжего Риковича стал очень подозрительным.

Плевать мне было на его взгляды.

— Где достать приличный костюм? — спросил я, зевая. — Мне же полагается премия за сегодня? Выпишите мне костюм в счет премии, а? Там хватит?

— Хватит? — он издал горловой звук. — Ты — наш сотрудник, пусть и внештатный! Инлуна завалил Сыскной приказ, и черта с два я отдам его хладный труп! Помнишь, сколько тебе отвалили за скелет дракона? Умножай на три, смело!

— Отлично, просто отлично, — развалился на заднем сидении. — Тогда я тут буду спать, а ты разбуди меня, когда магазины с одеждой откроются…

— Реально — контуженый, — прокомментировал Рикович, запустил мотор и тронулся с места.

* * *

Осталась одна глава до конца тома.

24. Суперпозиция

текст всей книги будет с большего правиться еще дня три, но для особо желающих скачивание открываю.

Желтые листья падали на скамейку рядом со мной, на дорожку, пожелтевший сырой газон и на крышу изящной часовенки с большим оцинкованным баком со святой водой. В бак были встоены несколько краников, и бабульки всех рас по очереди набирали себе в баклажки водичку. Похоже, в церкви только что отслужили водосвятный молебен, и прихожане запасались благодатью впрок. С колокольни донесся перезвон — пробило час дня.

Не знаю почему, но после всего пережитого ночью, едва проснувшись на своем диване в Вышемире, я пошел в церковь. Потянуло! И вот теперь сидел на сырой лавочке во дворе собора и почему-то стеснялся зайти. Может, потому что на руках, под ногтями и в складках кожи все еще оставались неотмытые бурые пятнышки? Или потому, что дракон нашептывал мне изнутри головы, советуя пойти к Холоду и узнать, какую-такую информацию он обещал мне передать, и до сих пор не сделал этого… Это ведь сулило новую хорошую драку! Новые приключения! Новую славу!

— Славу… — я оперся локтями на колени, ухватил себя за голову и пробормотал. — Докатились мы с вами бес знает до чего, Георгий Серафимович.

Это уже не педагогическая поэма, это — супергеройское кино из киновселеннной «Марвел». Хотя нет. Не «Марвел». Для «Марвел» тут слишком нетолерантно и мрачно… Да и психические неуравновешенные персонажи — это скорее из ДС, или там что-то из японских анимешек. Всякие Рюуки и Ягами Райты с Торфинами и Аскеладдами. С каких пор меня вообще стало интересовать честолюбие и самоутверждение?

— С ТЕХ ПОР КАК ТЫ СНОВА СТАЛ МОЛОДЫМ И ЗДОРОВЫМ. С ТЕХ ПОР, КАК ТЫ СТАЛ МНОЙ, — прорычал дракон. — ТЫ ВОИН, ТЫ ЛИДЕР, ТЫ МУЖЧИНА. ПРИЗНАЙ УЖЕ ЭТО. ТЫ — ДРАКОН!

— Я — человек! Учитель! — мне хотелось заткнуть себе уши и не слушать его, но это было невозможно. — Я — интеллигент, в конце концов!

Звучало все это неубедительно и жалко.

— ХА-ХА, — сказал дракон.

И вдруг я услышал усталые, шаркающие шаги. А потом — увидел край серой рясы, покрытый осенней грязью, и тяжелые

армейские ботинки — и поднял глаза. На меня смотрел отец Иоганн, тот самый поп-кхазад, который так толково общался с земским офицером в мой последний визит в церковь.

— А! — сказал он. — Это вы? Очень рад вас снова видеть. Я присяду?

— Присаживайтесь, конечно, — я подвинулся.

Лавочек тут было аж три, но он выбрал мою — под березой. Как будто отвечая на мой вопрос, священник расправил рясу, уселся рядом и извиняющимся тоном проговорил:

— Я тут всегда отдыхаю, после службы. Березку эту в детстве сажал, когда еще и собора-то не было. То есть он был — но в руинах, после войны. Когда мне десять годков исполнилось — его восстанавливать начали. А теперь вона какой красавец, — гном с явной любовью смотрел на громадину базилики. — И березка выросла. Уже и пара ветвей у нее засохло, и гусеницы ее съесть пытались, и коммунальщики — спилить, ан нет, живет!

Кхазад похлопал своей лопатообразной ладонью по белому стволу обдав нас холодными каплями с ветвей дерева, а потом встал, улыбнулся, размашисто перекрестился и снова сел:

— Слава Богу! А вы чего в церковь не заходите? У нас сейчас певчие — из музыкальной школы преподаватели… Ну чисто ангельские голоса! Я не с точки зрения религиозной пропаганды, — он усмехнулся. — Но вы-то — человек культурный, оценить должны.

— Культурный? — прицепился я к его слову, чтобы сказать хоть что-нибудь. — Откуда вы знаете?

Мне зверски не хотелось, чтобы он встал и ушел, если честно.

— Так вы ведь тот учитель! Который тут вот, в пятистах метрах, на набережной с хлопцами на турниках занимался. А еще — у вас пацан на уроке Светом полыхнул. Об этом весь город говорит! Отчество ещетакое, огненное… Светозарович? Огнеславович?

— Серафимович! — улыбнулся я.

— Так Серафим Пепеляев — ваш отец? — он искренне улыбнулся. — А ведь мы с ним вместе храм восстанавливали! Он вам не рассказывал? Когда все отказывались на куполах работать, он и его ребята со страховкой и без страховки там так шустрили, на верхотуре… Любо-дорого смотреть! Не зря вас сюда тянет, да?

— Не зря… — согласился я.

Мы помолчали. И дракон тоже молчал. Наверное, поэтому я решился:

— Мне нужен совет, отец Иоганн.

— Совет — или исповедь? — прищурился кхазад.

— Наверное, и то, и другое — но до исповеди я еще не

дозрел, — я чувствовал себя глупо и неловко.

— Если вы считаете, что я вправе давать вам советы, то — помогу чем смогу, — пригладил бороду священник.

— После того, как… После того, что со мной случилось летом, после моего возвращения в Вышемир… Со мной стали происходит странные и страшные вещи. Я стал делать странные и страшные вещи, — рубанул ладонью воздух я. — До этих пор мне не свойственные.

— Насилие? — спросил отец Иоганн. — Вы говорите о насилии? Не на войне, против врага, а тут — в Вышемире?

Я кивнул.

— Я не могу пройти мимо, понимаете? То, что противоречит моим принципам вызывает во мне лютую ярость, желание стереть с лица земли виновника… Виновников! Всех! — я снова рубанул ладонью воздух. — Это физическая потребность, практически неконтролируемая.

— Вы читали Писание? — спросил священник.

— Да… Да!

— Евангелие от Иоанна, глава вторая, стих пятнадцатый… — кхазад поднял глаза к небу, вспоминая, и процитировал. — «И, сделав бич из верёвок, выгнал из храма всех, также и овец и волов; и деньги у меновщиков рассыпал, а столы их опрокинул!». Евангелие не учит нас сидеть сложа руки, когда твориться непотребство. Деятельное противостояние скверне — это вполне по-христиански.

— Одно дело взять бич и выгнать, а другое… — я замолчал.

— Вы можете сказать мне, какие именно принципы заставляют вас действовать решительно и жестко?

— Порой — даже жестоко, — поправил его я. — Могу, отчего нет? Это прозвучит, наверное, наивно, но я — учитель, педагог и… Когда на моих глазах кто-то унижает детей, вредит им, отравляет их жизнь, причиняет боль, лишает права на будущее — меня просто выворачивает, я убить гада готов и…

Останавливающий жест рукой от священника помог мне сдержаться. Все-таки он был хорошим мужиком, этот поп. Одно дело — философские душеспасительные беседы, и совсем другое — признание в убийстве.

— «А кто соблазнит одного из малых сих…», — снова процитировал отец Иоганн. — «…Тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской!» От Матфея, глава восемнадцатая, стих шестой. Может быть вы и есть тот мельничный жернов, Георгий Серафимович? У вас ведь есть на это сила и решимость, верно? Наш мир, созданный Богом, совершенен, но мы — те, кто его

населяет, создали несовершенное общество, и не у каждого есть сила это несовершенство исправить — словом и делом.

— В чем сила, отец Иоганн? — невесело усмехнулся я. — Что, если исправляя несовершенство, сам потеряешь всяческий облик человеческий?

Тут я смутился: священник-то человеком не был! Но его такой мелочью прошибить было невозможно.

— Сила? Сила, Георгий Серафимович, в твердости принципов и в решимости эту самую силу применить в соответствии с ними. Какой толк с танка, если танкист внутри не готов стрелять? Дикарь с дубиной одолеет такого танкиста! — он размышлял вслух, но мне казалось, что эти размышления имеют в качестве основы реальные воспоминания. — А что касается облика человеческого… Вы ведь имеете в виду вашу бессмертную душу, верно? Потерять душу — вот что страшно. Облик… Взгляните на этих милых женщин: вон та, с прямой спиной, в бежевом тренче — явно галадрим. С авоськами — моего народа, а две в цветастых платочках — вашего! Все остальные — снага. И ничего. Разного облика, но почему-то — здесь! Душа-то она… Она у каждого имеется. И ищет, ищет ответы, да?

— Бежевый тренч, — сказал я. — Никогда не ожидал услышать такое словосочетание от священника!

— А-ха-ха-ха! — кхазад гулко рассмеялся. — Это от дочек нахватался! Купи да купи, говорят! Бежевый тренч — тренд этой осени… Нацепляют авалонских словечек, все уши прожужжат, а мне потом голову ломай, как на проповеди про скуфов и газлайтинг не загнуть!

— Знаете… Я ведь совсем не это ожидал от вас услышать, — признался я. — Я думал, вы станете призывать меня к смирению и…

— «Сердце сокрушенно и смиренно, Бог не уничижит!» — поднял палец вверх священник, снова цитируя писание. — Сердце! Господь его видит! Если ты делаешь то, что делаешь, с тщеславием и гордыней, наслаждаясь собой и красуясь в своих глазах, или хуже того — корысти ради, то дьявол подберет к тебе ключик. А если всё это — ради малых сих, искренне, ибо по другому — нельзя… «Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя!» Иоанн, глава пятнадцатая стих тринадцатый… Уф… И вот еще что…

Он подался вперед, к самому моему уху и прошептал:

— Тут, под храмом, такие катакомбы… Никто не найдет. И припасов у нас хватит. Церковь может позаботиться о тех, кто заботится о нашей пастве и защищает ее от творящих беззаконие, — а потом добавил уже обычным своим громогласным тоном: —

Но на службочку приходите, приходите. Песнопения истинно ангельские!

А потом встал и ушел, шлепая подошвами армейских ботинок по осенним лужам напевая что-то явно не церковное. Репертуарчик-то из Тиля нашего Бернеса!

— … любимый город может спать спокойно

И видеть сны и зеленеть среди весны! — гудел басом отец Иоганн.

* * *

Я очень давно не испытывал это чувство: когда есть кому звонить, и перед звонком — волнуешься. Когда в принципе есть кому звонить! Не по работе, не по делу, а просто так — потому что хочется голос услышать. Хочется знать, как там у кого-то дела. Мне — очень хотелось!

Поэтому я и стоял на балконе вечером с чашкой чая, пялился на светящиеся желтым светом окна домов напротив и держал в руках телефон. И думал — поднимет она трубку или нет? Все-таки девушки в большинстве своем — натуры переменчивые. Проснулась, умылась, дала деду таблетки, подумала и решила: все-таки какой-то вышемирский загадочный Пепеляев с неясными перспективами — это чересчур! Зачем без пяти минут главе рода странный парень из земщины?

Но она подняла — и быстро! И трех гудков не прошло!

— Да! — сказала Яся. — Слушаю!

Очень решительная у нее была интонация, собранная. Как будто не вечер воскресенья, а разгар рабочего дня.

— Привет, это я, — я чувствовал себя дураком: моего-то номера у Вишневецкой не было!

— Кто — я? Подожди — Пепеляев? — она рассмеялась, и я тоже улыбнулся — смех у нее был очень заразительный. — А я думала — не позвонишь!

— Это почему? — удивился я.

— Думала, что я тебя напугала! Или — скажешь что забыл номер. Или вообще — все забыл. Ну, алкоголь, драка… Ты вообще мастер исчезновений. Мне сказали — тебя прямо от орды конвертоплан опричников забрал!

— Ну нет, теперь ты от меня так просто не отвертишься, — я скалился как сумасшедший, и сердце у меня в груди стучало очень громко. — Не пропаду, не надейся. Дело в том, что я в тебя некоторым образом влюбился, однако!

— Некоторым образом? — я был готов поклясться, что Яся

там, по ту сторону своего телефона тоже улыбалась. — Ничего себе — признания! И почему ты так решил?

— Кучу времени мне не хотелось никому позвонить просто так, — сообщил я. — А тут — захотелось! Стоял, волновался… Думал — звонить или нет?

— Конечно звонить, дурак дурной! Всегда звони! — возмутилась она. — Я если на парах буду или занята — сброшу, потом сама перезвоню. Теперь-то у меня твой номер есть, самый загадочный в мире мужчина… Я вообще-то только утром сообразила что твоего контакта у меня-то и нет! Слу-у-ушай, а что ты завтра вечером делаешь?

— Ого! — удивился я. — Завтра? Утром — уроки. В семь часов вечера — тренировка в спортзале, а в восемь совершенно свободен. Есть предложения?

— Тебя не пугает такая инициативность с моей стороны? Бог весть что можешь обо мне подумать! — в ее голосе явно слышались смешинки. — Я как будто вешаюсь на тебя, да? Какая невоспитанность, какая бестактность!

— Однако! Пугает? Напротив — льстит! Я еще не разобрался, в чем подвох, и почему девушка вроде тебя… А, плевать. Даже если подвох и есть — я готов рискнуть. Так какие предложения на завтра? Ловить раков при луне в прибрежных норах днепровских обрывов? Пойти на урок кхазадских танцев? Читать в общественном туалете вслух любовную лирику эльдарских поэтов четрнадцатого столетия? Командуй, Вишневецкая! С тобой — куда угодно!

В телефонной трубке раздавались какие-то странные звуки, а потом она сказала сдавленным голосом:

— Пепеляев, у меня дела в Гомеле на пару дней, и я хотела предложить тебе съездить со мной, по парку погулять, кофе выпить, но идея с кхазадскими танцами это-о-о-о… — она там снова смеялась, похоже! — Я бы любые деньги отдала чтобы посмотреть, как ты выделываешь коленца, машешь над головой руками и орешь «дигги-дигги холл!»

— … но и кофе тоже неплохо! — откликнулся я, посмеиваясь. — Один вопрос: как добираться будем? Если на твоей машине — можно я на сей раз сяду впереди? Если на моей — от меня до Мозыря и от Мозыря до Гомеля — всего километров триста, и я в общем-то не против провести их с тобой в замкнутом пространстве, но…

— На моей, — хмыкнула она. — Заеду за тобой к школе.

— Окей, я посмотрю, когда последний обратный ночной поезд. У меня в десять во вторник начинаются уроки и…

— Может, утром поедешь? — спросила Яся. — В Гомеле есть

где остановиться…

Я на секунду замер. А потом, боясь спугнуть, проговорил:

— Можно и утром. Из Гомеля в Речицу есть электричка в восемь-сорок, на уроки успею…

— Ой как хорошо! — искренне обрадовалась она. — Ну тогда — договорились?

— Договорились! — ошеломленно подтвердил я.

— Давай, целую, пока-пока!

Целует! Ну и дела-а-а… Как обычно — все эти влюбленности и шуры-муры сильно не вовремя! Но при этом — очень кстати.

* * *

— Помните эту известную присказку: Господь Бог создал разные расы и народы, цивильных и одаренных, сильных и слабых — а негатор уравнял всех? — спросил я. — Звучит красиво, и лозунг этот активно использовали во время Восстания Пустоцветов. Но он в корне неверен. Нет никакого равенства. Посмотрите на меня и на себя! Какой негатор исправит разный рост, разную форму ладоней или цвет волос? Что же — теперь мне отпилить себе ноги и перекраситься, для того, чтобы добиться равенства, скажем, с Ляшковым?

— Вам еще нужно будет отрастить пузо! — сказал Вадим. — Смотрите, какое у Ляшкова пузо!

— Это не пузо! — оргызнулся Ляшков. — Это комок нервов!

— Во-о-от! Нервы! Нервная система у нас тоже разная! — кажется, я ловко вернул урок в нужное русло. — Ну-ка вспомните, какие бывают типы темперамента?

— Флегматик, сангвиник, меланхолик и холерик, — ответила умница-Легенькая.

— А что такое темперамент, Кузевич? — с надеждой уставился на парня я.

— Ну… Это типа характер? — он явно не помнил программу девятого класса.

— Мимо! — я щелкнул пальцами. — Что ж, ладно… Тогда открываем ваши словарики в конце тетардки и пишем: характер — формируется! Темперамент — врожденный!

Они мигом заскрипели мозгами и ручками. А потом Кузевича осенило:

— Темперамент — это тип нервной системы, да? Вот эти все флегматики — это строение нервов, правда?

— Аллилуйя! — воскликнул я. — Именно так и есть! Физиологической основой темперамента являются типы высшей

нервной деятельности. Темп, ритм, интенсивность психических процессов у нас априори разная. Именно поэтому холерик — взрывной, флегматик — медлительный, сангвиник — такой неунывающий живчик. А меланхолик — такой задумчивый и грустный. Это — врожденное… Например, там, где требуется решать задания на скорость — флегматик точно проиграет холерику, в творческой работе, требующей воображения, скорее всего лучше всех окажется меланхолик, коммуникабельный сангвиник — незаменим в командной работе, а флегматик — в кропотливом труде… Мы неравны от рождения, и негатор тут никак не поможет…

— Вы так весело говорите об этом… Георгий Серафимович, да что с вами сегодня такое? Вы все время улыбаетесь! А между прочим — утро понедельника! — вдруг запищали близняшки с розовыми волосами.

— А я знаю, — сказал умная Легенькая. — Георгий Серафимович нашел себе девушку!

Я уставился на нее как баран на новые ворота:

— Легенькая! Что за дела? Что за заявочки?

— Точно! Точно, я права!

Вот ведь! Такая маленькая — а уже баба! А баба, она, как известно из одного великого фильма, сердцем чует! И что мне было с ними делать? Посыпался миллион вопросов о моей девушке, а я только отмахивался и ржал. А какого цвета волосы? А какого роста? А кем работает? А как познакомились? А она вышемирская? Ну да, на сей раз они меня одолели. Почти! Потому что я тоже не лаптем щи хлебаю, и подловил Вадима на вопросе:

— А какой у нее характер?

— А характер, Вадим, формируется! Записываем: характер формируется под воздействием трех основных факторов. Наследственность — например тот же темперамент, социальная среда — школа, семья, друзья. И самовоспитание. Это — важнейший из них! Темперамент — не приговор, характер можно сделать себе самому! Нет никакого оправдания, когда кто-то позволяет себе психовать прилюдно или хлопать дверью, или истерить. «У меня такой характер сложный, вы же понимаете?» — покривлялся я. — Нет! Не понимаем! Это не характер сложный, это отсутствие воспитания!

— Легко вам говорить, — они уже поняли, что еще придется поработать и снова включились. — У вас же нервы как стальные канаты!

— Отнюдь! — покачал головой я. — Кто угадает, какой у меня тип темперамента?

— Ну-у-у… — Кузевич почесал голову. — У вас много энергии, вы умеете общаться с кем угодно… Сангвиник?

— Не-а, — усмехнулся я. — Хотя чистых типов не бывает, но я — меланхолик. Любой тест это показывает.

— Фигассе — меланхолик, — выпучился на меня Ляшков. — Я думал — меланхолики нытики!

— Мгм, — сказал я. — Темперамент — не приговор. Самодисциплина решает.

* * *

Вообще, весь день был отличным. Мы постоянно переписывались с Ясей в мессенджере, кидали друг другу фотки, что у нас происходит вокруг и как будто за одни сутки старались узнать друг о друге все-все-все. Многое перекликалось: у нее шли пары по аквамантии, у меня — уроки, ее пытались затроллить ученики — и меня тоже, она собиралась на тренировку — на джампинг, что бы это ни значило, и я собирался — в спортзал.

И мы вдвоем очень сильно ждали встречи.

Но пока — я встретил Белова и компанию, и договорился, что тренировку проведем в шесть, чтобы к семи закончить. У них вроде получалось и спортзал был свободен, так что особой проблемы не было. Сообщив эту радостную новость Вишневецкой, я засел за кипой тетрадей — проверять самостоялки, накопилось аж шесть классов. В моем кабинете шли уроки, поэтому заседал я в учительской, вооружившись огромной кружкой отвратного кофе (который не «тварина», а «растварина») и протеиновыми печенками. Старшие педагоги, видя такие вольности в обращении со священными ученическими манускриптами, делали страшные глаза, молодые — угощались печенками. Даже Елена Владимировна — та самая училка эльфийского с большими глазами.

— Салам, Серафимыч! — сказал Джабраилов, входя в учительскую. — Подвинься, я тоже проверять буду. У меня контрольные прошли… О-о-о, да ты прям жрешь! Ух, надо было люля с собой принести! Или селедку!

— И в тетрадки заворачивать… — мы заржали, а потом я машинально поставил кофе на стопку тетрадей, сделал страшные глаза, убрал и мы заржали еще сильнее.

— Слу-у-ушай, это не твой Игнатов там турник насилует? — спросил Гасан. — Навешал резинок каких-то…

— Да-а-а? — удивился я. — Игнатов? Нет, ну он просил меня научить его подтягиваться, даже пару раз на тренировки

приходил, я там показал ему кое-что типа удержания в верхней точке и негативных подтягиваний, ну и с лентой эспанером, но чтоб прям сам занимался… Надо же! Мужи-и-ик!

— Реально месяц уже там болтается! — покивал Джабраилов. — Ну, не в смысле… А в смысле — периодически! И вот сейчас — тоже!

— Посмотришь за тетрадочками? Печенки можешь есть, а кофе не сметь трогать! Он отвратительный! — но, увидев плотоядные взгляды математика на кружку, я ухватил ее с собой. — Заберу! Ужас, до чего система образования учителей доводит… Есть у меня знакомый журналист, ему бы заголовок понравился: «Историк и математик подрались в учительской из-за кружки кофе!» А печенки ты кушай, кушай!

Я спустился по лестнице, попивая кофе, прошел по мертвенно-тихому без младшеклассников первому этажу и свернул в спортзал. Физруки рубились в нарды у себя в кабинете, дверь в зал была открыта. Оттуда слышалось сосредоточенное сопение, а потом — удар ног о доски пола.

— Игнатов? — это на самом деле был он.

Тот самый интеллигентный юноша со взором горящим и слабостью в руках. В спортивных штанах и майке-борцовке, он тряс руками, стоя под турником — сгонял усталость. Нет, за месяц он, конечно, не подкачался. Не бывает такого. Но — подтянулся! Руки уже не казались такими дряблыми, да и сам он выглядел несколько более живым, что ли.

— О-о-о, Серафимыч! А я тут… А хотите — я вам покажу? Один раз могу уже! — он явно гордился собой.

— Да ладно? Слушай, за месяц — научиться подтягиваться с нуля? Я такое только в сети читал…

— Не верите? — он решительно мотнул головой. — Ну, смотрите!

Степан сдвинул в сторону резинку-эспандер, еще раз встряхнул руками, вдохнул-выдохнул несколько раз — и взлетел на турник. А потом — раз-два-три! Подтянулся три раза! И с осоловелыми, счастливыми глазами, спрыгнул и красиво поклонился кивком головы — как на олимпийских играх.

— О-хре-неть, — только и смог сказать я. — Ты крутой, Степан. Ты просто… У-у-у-у! Иди сюда, руку тебе пожму!

Для него это точно кое-что значило. И это было меньшее, что я мог для него сделать. Рукопожатие вышло крепким, мужским.

— Девчонки обалдеют, — сказал я. — Если уж я обалдел, то они — подавно!

— Да-а? — спросил Степаню.

А потом лопнули стекла по всему спортзалу. Как-то сразу,

резко стала сыпаться побелка с потолка, зазмеились трещины по верхнему слою штукатурки на стенах… Однако! Что, к бесам…? Нет, а что ЕЩЕ это могло быть? Все казалось ясным как Божий день! Поэтому я сначала рванул к дверям спортзала и захлопнул их, и задвинул шпингалет — изнутри. Потом — ухватил Игнатова, который точно был не в себе, и потащил в подсобку, туда, где хранились маты, и уложил его на целую их стопку.

С потолка сверзилась одна из ламп, в разбитые окна уже хлестал ветер с дождем. Я достал из кармана телефон и набрал номер директора школы:

— Хуетак, Ингрида Клаусовна… — извиняющимся тоном поздоровался я. — Слышите, как спортзал на куски разваливается? Это у Степы Игнатова инициация первого порядка… Думаю — телекинез. Ага, я тут, парня на маты положил, он жив и здоров, но имеет бледный вид. Да не виноватый я! Оно само, честное слово!

* * *

Том окончен, впереди — еще парочка, это минимум. За написание третьего возьмусь в октябре.

А пока — хочу уделить время Аркану, написать несколько больших и интересных глав. Это — здесь https://author.today/work/series/15781 — и это, определенно, заслуживает внимания. Может быть — понравится, может быть — нет, но оценить стоит.

Nota bene

Книга предоставлена Цокольным этажом, где можно скачать и другие книги.

Сайт заблокирован в России, поэтому доступ к сайту через VPN. Можете воспользоваться Censor Tracker или Антизапретом.

У нас есть Telegram-бот, о котором подробнее можно узнать на сайте в Ответах.

* * *

Если вам понравилась книга, наградите автора лайком и донатом:

Как приручить дракона – 2